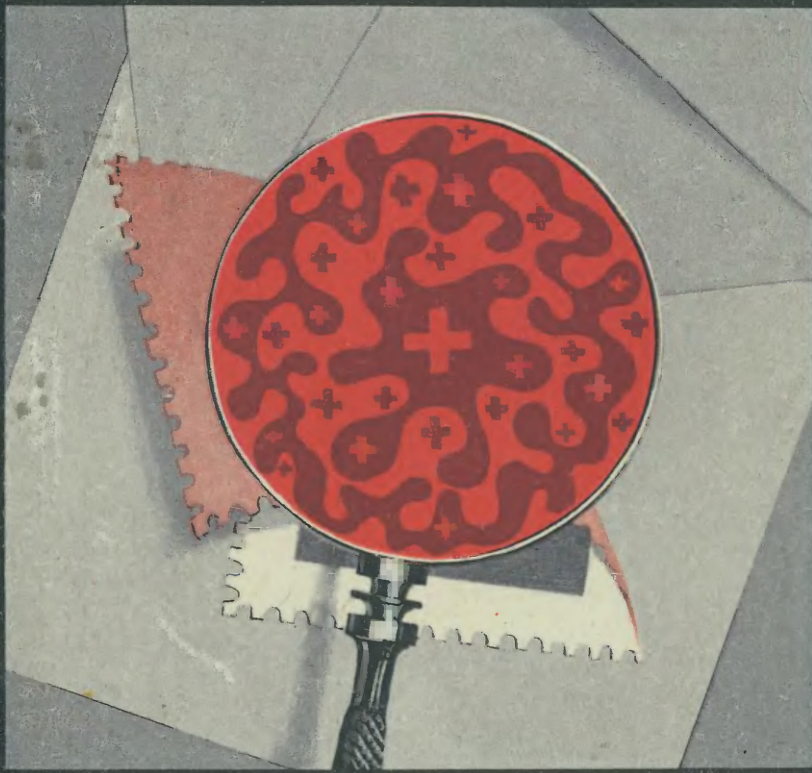

СТАЛЬНОЙ

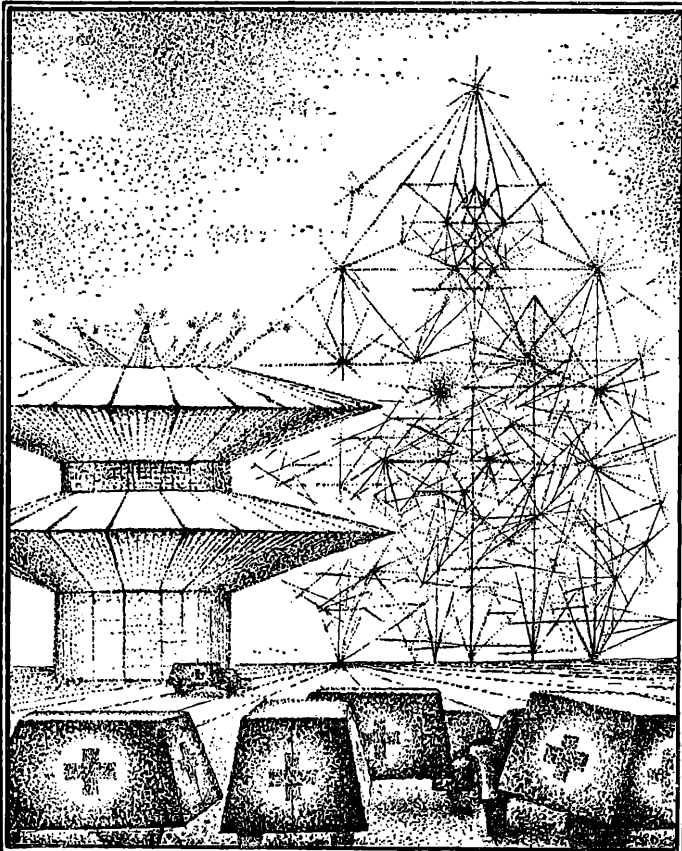
ПРЫЖОК

З
А
Р
У
Б
Е
Ж
Н
А
Я
Ф
А
Н
Т
А
С
Т
И
Ч
Е
С
К
А

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«М И Р»

СТАЛЬНОЙ ПРЫЖОК

Сборник скандинавской фантастики

Перевод со шведского и норвежского

Предисловие Ю. Кузнецова

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МИР» МОСКВА 1971

Стальной прыжок. Сборник скандинавской фантастики. Пер. со шведск. и норв. Предисл. Ю. Кузнецова. М., «Мир», 1971. 208 с. (сер. «Зарубежная фантастика»)

Советский читатель впервые знакомится со скандинавской фантастикой. Основу сборника составляет публицистически-злободневная фантастическая повесть известного шведского писателя Пера Валё «Стальной прыжок». Публикуются также рассказы норвежских писателей, еще не издававшихся в русском переводе.

Инд. 7-8-4

187-71

Сбз

*Редакция научно-фантастической
и научно-популярной литературы*

ЗНАКОМСТВО ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Фантастика в скандинавских странах — явление сравнительно молодое. И хотя скандинавская литература издревле тяготела к фантазии и сказочным сюжетам (эту традицию продолжают, к примеру, исландские писатели-фантасты, в частности Кристманн Гюдмуннссон), о научной фантастике в строгом смысле слова здесь говорить не приходится. В последние годы в Норвегии, Швеции и Дании все чаще появляются новые имена фантастов. К их числу принадлежат норвежцы Юн Бинг и Тур Оге Брингсвэр, датчане Нильс Нильсен и М. Хедегор, швед Пер Валё и др. На русском языке произведения скандинавских фантастов (за исключением Валё) не публиковались, и предлагаемый советскому читателю сборник «Стальной прыжок» в какой-то мере призван восполнить этот пробел.

В нем дается любопытная подборка фантастических произведений, отмеченных, с одной стороны, весьма заметным влиянием фантастической литературы Запада, а с другой — довольно своеобразными условиями местного духовного климата. Последнее положение нуждается в некотором пояснении.

В соседних с нами странах на севере Европы в предвоенные и послевоенные годы рабочее движение сделало заметные успехи. Это привело к тому, что в большинстве стран (прежде всего в Швеции) к власти пришли социал-демократы, поддерживаемые мощными профсоюзными организациями. На волне общего послевоенного экономического подъема поднялись и скандинавские страны. Социал-

демократические партии не преминули записать эти успехи на свой счет. Мы говорим о некоторых уступках, вырванных трудящимися у предпринимателей, в частности, о ряде мероприятий в области пенсионного обеспечения, народного образования, здравоохранения.

Однако очень скоро передовые представители рабочего движения и интеллигенции начали выступать с резкой критикой курса, взятого социалистами в этих странах. Они прямо указывали на реформистский характер правительственного политического курса, обвиняли социал-демократических лидеров в отходе от социалистических идей, во все более тесном сотрудничестве с буржуазией.

Особенно острой критике представители прогрессивных кругов подвергли явно наметившуюся тенденцию к выхолащиванию духовной культуры, нивелированию ее достижений, приведению ее в соответствие с некими «запросами масс». Многих, и не только левых, писателей встревожил сознательно культивируемый процесс всеобщего духовного «обуржуазивания», ежечасная прививка широким народным массам идеалов, представлений и понятий мелкого буржуа-обывателя.

В непрестанной обработке сознания народа немалую роль играло назойливое распространение понятия о так называемом «обществе всеобщего благоденствия». Наиболее усердно миф о существовании такого общества поддерживали и поддерживают правящие партии социал-демократов (в частности, в Швеции социал-демократы управляют страной свыше трех десятков лет).

В последние годы в скандинавских странах все чаще проявляются настроения протеста, неприятия существующих условий. Особенно резко выступает молодежь. Следует подчеркнуть, что протест этот в первую очередь направлен именно против духовного обнищания и одичания народа, которые несут с собой буржуазная культура, буржуазные

«общественные теории», построенные на отчуждении человека, его изоляции от себе подобных, на бездуховности и всестороннем конформизме.

Именно в этом свете следует рассматривать в настоящем сборнике и повесть известного шведского писателя Пера Валё «Стальной прыжок». Своеобразная по жанру (она представляет собой синтез фантастики и полицейского романа) книга является еще одним «откликом» писателя на шведское «общество всеобщего благоденствия» — еще одним, ибо советский читатель уже знаком с едкой сатирой на это общество того же Пера Валё, «продолженной» в будущее (мы имеем в виду его роман «Гибель 31-го отдела»).

В «Стальном прыжке» автор логически развивает тенденции в развитии общества, которые тревожат его более всего: он рисует картину духовного обнищания людей, зажатых всеобъемлющей системой полицейского контроля и унификации всех потребностей человека — даже физических. Страшная картина встает перед нами на страницах книги Вале: государство «всеобщего благосостояния», доведенное до гротеска, государство, в котором не совершается преступлений и не рождаются дети, где все думают и чувствуют одинаково; где нет счастливых людей, и нет несчастных, кроме тех, кто предпочитает самоубийство. Страной управляет горстка политиканов; за неимением особых различий все партии (в том числе и правившая ранее партия социал-демократов) слились в «коалицию крупнейших».

В «Стальном прыжке» Валё верен саркастическому методу изображения действительности, который он использовал в романе «Гибель 31-го отдела». Характерно, например, описание «сильного человека», уверенно идущего к власти, нынешнего министра внутренних дел, будущего премьер-министра, «человека с редкими волосами, выступающим вперед подбородком и пронзительными синими

глазами»: этот человек «был связан родственными узами с королевской фамилией и некоторое время возглавлял профсоюзы страны... До возникновения коалиции крупнейших партий принадлежал к социал-демократам».

Резко критикуя современную действительность Швеции и отвергая ее «представимое будущее», Пер Валё, однако, смотрит гораздо шире. Пафос его книги направлен против тенденций, общих, как ему кажется, для всего «западного мира», для всех ведущих капиталистических государств. Валё открыто предостерегает: достигнутый благодаря развитию науки и техники высокий уровень жизни обманчив, если вся жизнь общества подчинена целям и морали наживы. Пер Валё озабочен явно проявляющимися в западной цивилизации тенденциями подавления гражданственности, человеческой свободы, его тревожит, что основная масса населения низведена до уровня «сырья», покорных исполнителей воли узкой прослойки власть имущих.

Валё достигает высокого уровня гражданственности, когда с горькой насмешкой изображает стадоподобное «общество», пользующееся стандартными обедами; в стандартных головах вяло шевелятся стандартные мысли об окружающем стандартном мире «наивысшей целесообразности» и «наименьшей себестоимости».

Валё полон тревоги, когда описывает тайную подготовку и последствия «государственной акции» по истреблению инакомыслящих, акции, долженствующей попутно «стимулировать рождаемость» и «живость эмоций» среди верных режиму граждан. Разоблачение этой операции — стержень сюжета «Стального прыжка». Главный герой повести, полицейский комиссар Йенсен — довольно традиционная фигура «честного служаки», не лишённого, однако, способности к самостоятельным суждениям. Силой обстоятельств Йенсен оказывается в центре событий и помогает разоблачению лиц, руководивших человеконенавистнической опе-

рацией «Стальной прыжок». В силу тех же обстоятельств он, до этого весьма исполнительный и верный долгу полицейский чин, в конце книги приходит к поддержке социалистического движения.

Пер Валё не коммунист, и его взгляды на расстановку классовых сил довольно примитивны. Не удивительно, что это сказывается и в повести. Силы, определяющие поражение правых, в большинстве своем остаются за кадром, а главную конкретную причину поражения автор усматривает в цепи случайностей, связанных с вышедшим из-под контроля зловещим препаратом «D5X». В конечном итоге героям книги помогают восторжествовать обстоятельства, а не законы классовой борьбы. Пробудившуюся сознательность народа Валё изображает не как активно действующую силу, а скорее как воплощение собственной мечты о сплоченном массовом движении народа, борющегося за подлинное социалистическое общество.

Несколько слов о рассказах, включенных в сборник. И в художественном отношении, и в социально-политическом плане они слабее, чем «Стальной прыжок» Валё. Но знакомство с ними небезынтересно. Оставаясь в русле общих традиций западной фантастики, эти рассказы демонстрируют критический подход авторов к явлениям современной действительности, в чем-то родственный подходу к этому вопросу Валё. В некоторых рассказах угадывается влияние такого нетипично американского фантаста, как Бредбери.

Два рассказа принадлежат перу молодого норвежского писателя Юна Бинга. Что их отличает? Несомненно, стремление осмыслить жизнь, ее течение, ее цель. И жизнеутверждающее начало. Порой, как в «Дюраньо» (пожалуй, лучшем рассказе), повествование ведется в элегических тонах, но все же в основе — вера в торжество жизни,

в ее целесообразность и бесконечное многообразие. Чем измеряется жизнь? Часами или тем, что пережито? — спрашивает автор в рассказе «Время, зеленое, как стекло». И отвечает: человек без действия, без прошлого, без близких и без мечты — ничто. «Дюраньо» — гимн мечте, ее неизбежности и необходимости. И еще: подлинно творческая личность, не скупясь, раздает себя людям.

Сатиричен и нравоучителен рассказ Одда Сулюмсмунна «Автомобиль». Вещь может съесть человека, если человек фетишизирует вещи — вот его основная идея.

Тур Оге Брингсвар — автор глубоко человеческого антирасистского рассказа «Евангелие от Матфея». Используя легенду о Христе, он призывает к человеколюбию и гуманности, разоблачает мир ограниченных, тупых обывателей.

Итак, четыре имени, три из которых неизвестны советскому читателю. Нам представляется, что знакомство с ними, как и продолжение знакомства с Пером Валё, своевременно, интересно и полезно.

Ю. Кузнецов

Пер Валё

СТАЛЬНОЙ ПРЫЖОК

1.

Йенсен получил письмо с утренней почтой.

В тот день он встал очень рано, упаковал саквояж и уже стоял в прихожей, в плаще и в шляпе, когда письмо ударилось о дно почтового ящика. Йенсен наклонился и достал его. Выпрямляясь, он почувствовал острую боль в правом боку — словно коническое сверло, вращающееся с бешеной скоростью, пробуравило внутренности. Но он уже свыкся с болью и почти не обратил на нее внимания.

Не глядя, Йенсен сунул письмо в карман, взял саквояж, спустился по лестнице к автомобилю и отправился на работу.

Без одной минуты девять он въехал в ворота полицейского участка шестнадцатого района и поставил машину в желтом прямоугольнике с крупными буквами «КОМИССАР» на асфальте. Он вылез из машины, достал саквояж из багажника и окинул взглядом бетонный простор двора. У двери, через которую обычно пропускают арестованных, стояла белая машина «Скорой помощи» с красным крестом на распахнутых задних дверцах. Два молодых человека в белых халатах заталкивали внутрь носилки. Лица их ничего не выражали, руки действовали автоматически. В нескольких метрах поодаль полицейский в зеленой форме водой из шланга смывал кровь с асфальта. На носилках лежала белокурая молодая женщина с окровавленной повязкой на шее. Йенсен мельком взглянул на нее и повернулся к полицейскому со шлангом:

— Мертва?

Полицейский выключил воду и попытался встать по стойке смирно.

— Да, комиссар.

Йенсен молча повернулся, вошел в дежурку, кивнул полицейскому, сидящему за деревянным столом у двери, и направился к винтовой лестнице.

Воздух в годах не проветривавшемся служебном помещении на втором этаже был затхлым, пахло гнилью. В батарее под подоконником в дальнем углу что-то шипело и пощелкивало. Полицейский участок размещался в одном из самых старых зданий той части города, которая, казалось, была выстроена исключительно из бетона, стали и стекла. Правда, несколько лет назад камеры для арестованных перестроили и расширили, но в целом здание осталось без изменения. Скоро его снесут, и на том месте, где оно стоит, пройдет новая транспортная магистраль. Как только будет закончено новое здание Центрального налогового управления, полицейский участок переведут туда. Но все это уже мало беспокоило Йенсена.

Войдя в комнату, он снял плащ и шляпу, повесил их на вешалку, приоткрыл окно и пододвинул стул к письменному столу. Несколько минут он читал донесение ночного дежурного, аккуратно исправил несколько ошибок в тексте и расписался на полях. Только после этого он сунул руку в карман, достал письмо и взглянул на конверт.

Комиссар Йенсен был человеком среднего роста с невыразительным лицом и коротко остриженными седыми волосами. Ему было пятьдесят лет, и двадцать девять из них он прослужил в шестнадцатом полицейском участке.

Он все еще смотрел на письмо, когда дверь отворилась и в комнату вошел полицейский врач.

— Сначала нужно постучаться,— заметил Йенсен.

— Извините. Я думал, что сегодня вас уже не будет на работе.

Йенсен посмотрел на часы.

— Мой заместитель явится в десять часов, — сказал он. — Как прошла ночь?

— Как обычно. Уже под утро произошел несчастный случай. Женщина. Рапорт еще не готов.

Йенсен кивнул.

— Это случилось не в камере, — добавил врач. — Во дворе. Она перерезала себе горло, как только надзиратель выпустил ее из-под ареста. Осколком зеркала, который она спрятала в сумочке.

— Упущение, — произнес Йенсен.

— Нельзя же отобрать у них все.

— Вы полагаете?

— Кроме того, она уже отрезвела и ей был сделан укол. А главное, когда ее обыскивали, никто и не подозревал, что у нее стеклянное зеркальце. Насколько мне известно, карманные зеркала из стекла запрещены.

— Не запрещены, — сказал Йенсен. — Просто их больше не выпускают.

Полицейский врач был высоким, сравнительно молодым человеком с щеткой рыжих волос на голове и резкими чертами лица. Он хорошо знал свое дело и, пожалуй, был лучшим полицейским врачом участка за последние десять лет. Йенсену он нравился.

— Правильно ли мы делаем? — сказал врач и покачал головой.

— Что именно?

— Да когда примешиваем эту дрянь к спирту. Чтобы вызвать идиосинкразию к алкоголю. Правда, за последние два года количество алкоголиков не увеличилось, зато...

Йенсен посмотрел на врача холодными, пустыми глазами.

— Договаривайте.

— ...зато резко возросло количество самоубийств. Депрессия все углубляется.

— Статистика это опровергает.

— Вы не хуже меня знаете, чего стоит наша официальная статистика. Перечитайте собственные секретные донесения о несчастных случаях и самоубийствах. Об этой женщине хотя бы. Нельзя же без конца скрывать правду и притворяться, что ничего не произошло.

Врач засунул руки в карманы халата и посмотрел в окно.

— А вы слышали последние новости? Говорят, они собираются примешивать фтор и порошок от головной боли к питьевой воде. С медицинской точки зрения это безумие.

— Выбирайте выражения!

— Вы правы,— сухо сказал врач.

В комнате наступило молчание. Йенсен внимательно разглядывал письмо, пришедшее с утренней почтой. На белом конверте были напечатаны его имя и адрес. Внутри лежала прямоугольная белая карточка и синевато-серая марка с зубчиками по краям. На марке был изображен пролет моста, перекинутого через глубокую пропасть. Йенсен выдвинул средний ящик стола, достал деревянную линейку и измерил стороны карточки. Врач, внимательно следивший за его действиями, удивленно спросил:

— Зачем вы это сделали?

— Не знаю,— пожал плечами Йенсен.

Он положил линейку обратно и задвинул ящик стола.

— Какая старина! — заметил врач. — Деревянная, со стальной окантовкой.

— Да,— ответил Йенсен. — Она у меня уже двадцать девять лет. С тех пор, как пришел сюда. Таких теперь не делают.

Карточка, лежавшая в конверте, была длиной в четырнадцать и шириной в десять сантиметров. На одной сторо-

не ее типографским способом был напечатан адрес, на другой пунктиром отмечен квадрат, куда следовало приклеить марку. Выше шел печатный текст:

ВЕРИТЕ ЛИ ВЫ В ПОЛИТИКУ ВСЕОБЩЕГО СОГЛАСИЯ И ВЗАИМОПОНИМАНИЯ? ГОТОВЫ ЛИ ВЫ ПРИНЯТЬ АКТИВНОЕ УЧАСТИЕ В БОРЬБЕ ПРОТИВ ВНУТРЕННИХ И ВНЕШНИХ ВРАГОВ ГОСУДАРСТВА?

ПРИКЛЕЙТЕ МАРКУ НА УКАЗАННОМ МЕСТЕ. НЕ ЗАБУДЬТЕ ПОДПИСАТЬСЯ.

ВНИМАНИЕ! ОПЛАЧИВАТЬ ОТКРЫТКУ НЕ НУЖНО.

Под пунктирным квадратом шла линия, где следовало написать свое имя. Йенсен перевернул открытку и взглянул на адрес:

*Центральное статистическое бюро
Министерства внутренних дел. Почтовый ящик 1000.*

— Еще одно исследование общественного мнения,— сказал врач и пожал плечами.— По-видимому, все получили такие открытки. Все, кроме меня.

Йенсен промолчал.

— А может, это очередная проверка лояльности. Перед выборами.

— Выборами? — пробормотал Йенсен.

— Ну да, ведь через месяц выборы. Но в таком случае это никому не нужно. Напрасная трата государственных средств.

Йенсен снова выдвинул ящик стола, достал зеленую резиновую губку из коробочки с надписью «Собственность полицейского департамента» и дотронулся до нее кончиками пальцев. Губка была совершенно сухая. Комиссар встал

и вышел из комнаты. Войдя в туалет, он смочил губку водой из-под крана.

Вернувшись в кабинет, Йенсен сел за стол, провел обратной стороной марки по влажной губке и аккуратно приклеил марку к пунктирному квадрату. Затем положил открытку в ящик с почтой, предназначенной для отправки, спрятал губку в стол и задвинул ящик. Врач, смотревший на комиссара с едва заметной улыбкой, насмешливо произнес:

— Оборудование полицейского департамента достойно музея.

Он взглянул на стенные часы, затем перевел взгляд на аккуратный саквояж у двери.

— Ну что ж, через два часа вы уже будете в самолете.

— Наверно, я умру, — сказал комиссар Йенсен.

Его собеседник внимательно посмотрел на него, чуть помедлил.

— Возможно, — наконец вымолвил он.

2.

— Разумеется, у вас есть шанс, — продолжал врач. — Иначе ни я, ни кто-либо другой не взяли бы на себя ответственность рекомендовать вам эту поездку. Их врачи умеют делать такие вещи.

Йенсен кивнул.

— Конечно, было бы лучше, если бы вы обратили внимание на свою болезнь еще несколько лет назад. Вам очень больно?

— Да.

— Сейчас тоже?

— Да.

— С другой стороны, несколько лет назад вряд ли можно было бы вылечить эту болезнь. В ту пору к опера-

тивному методу лечения прибегали лишь в порядке эксперимента. У нас в стране его еще только начинают разрабатывать. А ваше положение критическое.

Йенсен снова кивнул.

— Но, как я уже сказал, надежда есть.

— И большая?

— Трудно сказать. Быть может, процентов десять, а может, только пять. Скорее всего, еще меньше.

Йенсен наклонил голову.

— Понимаете, в течение нескольких секунд вся кровь, находящаяся в нашем организме, прогоняется через печень. А в печени, как известно, протекает ряд важнейших процессов. Возможна ли ее пересадка? Я не знаю.

— Через несколько дней узнаете.

— Вы правы.

Врач задумчиво посмотрел на Йенсена.

— Дать болеутоляющее?

— Не надо.

— Не забудьте — вам предстоит длительное путешествие.

— Я знаю.

— Вы взяли обратный билет?

— Нет.

— Говорят, это вдохновляет. — Врач невесело улыбнулся.

Наступило молчание. Наконец Йенсен, не глядя на собеседника, буркнул:

— Ну, выкладывайте, в чем дело?

— Я давно хотел вас кое о чем спросить.

— Ну?

— Правда ли, что вы ни разу не потерпели неудачи в следствии?

— Да, — сказал комиссар Йенсен.

Зазвонил телефон.

— Комиссар шестнадцатого полицейского участка слушает.

— Это вы, Йенсен?

Последний раз Йенсен слышал голос начальника полиции года четыре назад. Встречаться с ним ему приходилось еще реже. Неужели он позвонил, чтобы попрощаться?

— Да.

— Отлично. В течение ближайших минут вы получите письменный приказ. Он должен быть исполнен с максимальной быстротой.

— Понятно.

— Я знал, что могу на вас положиться, Йенсен.

Йенсен посмотрел на электрические часы на стене.

— Через восемнадцать минут начинается мой отпуск по болезни, — сказал он в трубку.

— Что? Разве вы больны?

— Да.

— Очень жаль, Йенсен. Надеюсь, вы проинструктируете своего заместителя.

— Да.

— Это дело исключительной важности. Приказ поступил из... В общем, из высочайших кругов.

— Понятно.

Шеф полиции замолчал. Казалось, он не знал, как ему быть. Наконец он выдавил из себя:

— Ну, желаю удачи, Йенсен.

— Благодарю вас.

Комиссар Йенсен положил трубку. Голос шефа показался ему испуганным. А может быть, он всегда был таким?

— ...менее чем за пять секунд, — снова сказал врач. — Вся кровь, содержащаяся в организме человека...

Йенсен машинально кивнул. Спустя минуту от спросил:

— Куда вы думаете перебраться после того, как участок переведут в другое место?

— Наверно, в Центральное налоговое управление.
А вы?

И осекся. Помолчав, он спросил:

— Вы видели здание Управления?

Йенсен покачал головой.

— Потрясающее сооружение! Напоминает гигантскую тюрьму. Самое большое здание, какое мне когда-либо приходилось видеть. Так вы куда?

Йенсен промолчал.

— Извините,— сказал врач.

— Ничего.

В дверь постучали. В кабинет вошел полицейский в зеленой форме. Вытянувшись в струнку, он протянул комиссару красный конверт. Йенсен расписался на квитанции, и полицейский вышел из комнаты.

— Красный,— сказал врач.— теперь все засекречено.

Он наклонил голову, стараясь разглядеть, что написано на конверте.

— «Стальной прыжок». Что это такое?

— Не знаю,— ответил Йенсен.— «Стальной прыжок». Не помню такого названия.

Он сломал печать и извлек приказ из конверта. Приказ состоял из одного листа бумаги с машинописным текстом.

— Так что же это такое?

— Список людей, которые подлежат аресту.

— В самом деле? — В голосе врача послышались нотки сомнения.— В этой стране не бывает преступлений.

Йенсен медленно вчитывался в текст.

— В этой стране не совершаются преступления и не рождаются дети. Все довольны своим существованием. Нет счастливых людей, но нет и несчастных. Кроме тех, кто кончает жизнь самоубийством.

Врач замолчал. На его губах появилась грустная, едва заметная улыбка.

— Вы правы,— сказал он.— Мне действительно следовало бы попридержать язык.

— Вы слишком импульсивны.

— Пожалуй. Ну так что, любопытный список?

— С известной точки зрения, да,— сказал комиссар Йенсен.— Во всяком случае, могу вас утешить: вы в него включены.

— Отлично,— сказал врач.— По мнению некоторых специалистов, перед сложной операцией главное для пациента — хорошее настроение. Важно, чтобы он шутил и смеялся — это свидетельствует о его воле к жизни. А теперь мне надо идти. Да и вам тоже, если вы не хотите опоздать на самолет. Желаю счастья.

— Спасибо,— сказал комиссар Йенсен.

Не успела за спиной врача закрыться дверь, как Йенсен снял телефонную трубку и набрал трехзначный номер.

— Говорит Йенсен. Сейчас в дежурку спустится врач. Арестуйте его и поместите в камеру предварительного заключения.

— Полицейского врача?

— Да. И немедленно.

Он нажал на рычажок аппарата и вновь набрал трехзначный номер.

— Говорит Йенсен. Попросите начальника гражданских патрулей подняться ко мне. И вызовите такси.

Когда начальник гражданских патрулей вошел в кабинет комиссара, электрические часы на стене показывали без одной минуты десять.

— С десяти часов начинается мой отпуск по болезни,— сказал Йенсен.— Как вам известно, вы будете временно исполнять мои обязанности.

— Благодарю вас, комиссар.

— У вас нет никаких оснований благодарить меня. Вы знаете, что я всегда был о вас чрезвычайно низкого мне-

ния, и вы назначены моим заместителем отнюдь не по моей рекомендации.

Начальник гражданских патрулей открыл было рот, собираясь что-то возразить, но передумал.

— Вот фамилии сорока трех человек, проживающих или работающих в районе шестнадцатого участка. Их следует немедленно арестовать, обыскать и поместить в камеры предварительного заключения. К вечеру за ними приедут из Центральной прокуратуры.

— Но, комиссар...

— Слушаю вас.

— В чем виноваты эти люди?

— Мне это неизвестно.

Йенсен взглянул на часы.

— Итак, теперь вы комиссар шестнадцатого участка. Машина во дворе. Ключи на столе.

Он встал, взял плащ и шляпу. Его заместитель поднял глаза от списка и сказал:

— Но здесь все до единого...

Он замолчал.

— Совершенно верно, — сказал Йенсен. — Все до единого врачи. До свиданья.

Он взял саквояж и вышел.

3.

Аэродром находился к югу от города. Чтобы добраться до него от шестнадцатого полицейского участка, требовалось в лучшем случае не менее полутора часов. Раньше на это уходило еще больше времени, но за последние несколько лет центр города превратился в единый огромный транспортный узел, состоявший из сложнейшего сплетения мостов, автострад и развилки. Почти все старые здания были снесены — они уступили место автомобилям, и теперь

центральная часть города представляла собой гигантское сооружение из стали, стекла и бетона. То там, то здесь, стиснутые бесчисленными автострадами, виднелись сверкающие сталью и хромом гаражи, административные здания, универмаги, кинотеатры, заправочные станции и рестораны. Много лет назад, когда разрабатывался план реконструкции, кое-кто возражал против него на том основании, что строительство сделает жизнь людей в городе невозможной. Архитекторы же утверждали, что современный город предназначен не для пешеходов или конных повозок, а для автомобилей. Как и во многих других вопросах, оказалось, что обе стороны правы, и это полностью соответствовало духу всеобщего согласия и взаимопонимания.

Такси быстро пересекло центральные улицы, нырнуло в подземный туннель около Министерства внутренних дел и вновь появилось на поверхности восемью километрами южнее, в промышленном районе, вихрем промчалось по мосту и въехало на окраины.

В то осеннее утро было свежо и прохладно, в небе ни облачка. На бетонной ленте шоссе кое-где виднелся иней, а серый отравленный воздух огромного города гигантским колоколом навис над людьми, автомашинами, дорогами и зданиями. По подсчетам специалистов из Министерства здравоохранения, купол достигал шестидесяти метров в толщину. Еще несколько лет назад высота этого воздушного колокола не превышала пятнадцати метров, а диаметр составлял километров двенадцать. По последним данным, диаметр увеличился вдвое. Результаты проводимых исследований держались в секрете — власти опасались, что они могут вызвать беспокойство среди определенных слоев населения. Однако старшие офицеры полицейского корпуса о них знали. Йенсен также ознакомился с докладом и вернул его без всяких комментариев.

По шоссе непрерывным потоком стремительно мчались

машины. На обочине дороги через небольшие интервалы стояли красочные афиши, напоминающие о предстоящих выборах. На каждой второй афише был изображен человек с редкими волосами, выступающим вперед подбородком и пронзительными синими глазами и нарисована огромная светло-красная буква «С». Это был портрет будущего премьер-министра, человека, который, как утверждали, лучше других олицетворял собой единство трех основных понятий: благополучия, уверенности в завтрашнем дне и всеобщего взаимопонимания. Он был связан родственными узами с королевской фамилией и некоторое время возглавлял профсоюзы страны; сейчас занимал пост министра внутренних дел. До возникновения коалиции крупнейших партий принадлежал к социал-демократам.

Едва такси въехало на длинную ленту огромного моста, как дорогу машине преградил полицейский, высоко поднявший свой жезл. Впереди одетые в зеленую форму полицейские пытались ликвидировать образовавшуюся пробку. Шофер опустил стекло со своей стороны, вынул из нагрудного кармана платок и высморкался. На белой ткани появились темные пятна, он равнодушно посмотрел на них, откашлялся и сплюнул на мостовую.

— Опять демонстрация, — сказал он. — Сейчас поедем.

Вскоре полицейский дал знак, шофер включил сцепление, и машина медленно тронулась.

— Идиоты, — пробормотал шофер. — Заняли целую полосу.

Они увидели демонстрацию, когда достигли середины моста. Людей было не так много. С профессиональной точностью Йенсен прикинул: тысячи три, не больше, примерно равное количество мужчин и женщин и на редкость много детей — удивительно для страны, в которой непрерывно падает рождаемость. Многих ребятишек родители везли в колясках или держали на плечах. Демонстранты несли пла-

каты и лозунги. Йенсен, проезжая мимо, читал надписи. Некоторые были ему понятны: люди жаловались на отравление воздуха и одноразовые пакеты, а также критиковали правительство. «Всеобщее согласие до всеобщей смерти» — этот лозунг попадался несколько раз. Но большинство транспорантов ставило Йенсена в тупик. В них говорилось о солидарности с другими расами и народами, об угнетенных странах, о которых Йенсен никогда раньше не слышал. Попадались в них и какие-то непонятные комбинации букв — очевидно, сокращения. Кое-кто нес портреты незнакомых людей с диковинными именами — по всей видимости, то были главы или политические деятели иностранных государств. Очевидно, демонстранты восхваляли одних и обвиняли в чем-то других. Кое-где попадались плакаты с призывами, в которых речь шла о классовой борьбе, пролетариате, капитализме, империализме, солидарности рабочих масс и всемирной революции. Возглавляли и замыкали колонну демонстранты с красными знаменами в руках.

Люди, сидящие в автомобилях и стоящие на тротуарах, словно бы и не обращали внимания на шествие, лишь изредка невидящим взглядом скользили по флагам и плакатам. Безучастные ко всему зрители производили впечатление бездомных, голодных, нервных, ожесточенных, но их чувства не имели никакого отношения к демонстрации. Йенсен знал это из личного опыта.

Демонстранты шли по восемь человек в ряд. Полиция очищала им дорогу и следила за тем, чтобы по свободным полосам шоссе транспорт следовал непрерывно. Никаких волнений, вся манифестация выглядела совершенно безобидной.

Когда колонна демонстрантов прошла, шофер прибавил скорость и, не поворачивая головы, спросил:

— Кто такие? Социалисты?

— Не знаю.

Шофер взглянул на часы.

— Только уличному движению мешают. Из-за них мы проторчали на мосту по крайней мере три-четыре минуты. Куда смотрит полиция?

Йенсен промолчал. Он и сам не знал, что на это ответить.

За последние четыре года демонстрации такого рода возникали не однажды и с каждым разом становились все многочисленнее. Почти все они следовали одному образцу: шествие начиналось где-нибудь в пригороде и двигалось в центр города, к одному из посольств или же к зданию коалиционного правительства. Там демонстранты останавливались, произносили речи, выкрикивали лозунги и через каких-нибудь полчаса мирно расходились по домам. Закона, запрещающего демонстрации, не было — считалось, что все должно зависеть от позиции, которую займет полиция, как в принципе, так и в каждом конкретном случае. На деле же все обстояло совершенно по-иному. Министерство внутренних дел отдало приказ разгонять демонстрации, а плакаты и лозунги, призывающие к свержению правительства, конфисковать. Власти опасались выступлений, которые могли бы неблагоприятно повлиять на население. Но вмешательство полиции привело к обратному результату — попытки полицейских разогнать манифестации вызывали столкновения и заторы на магистралях. Тогда власти предложили полиции воспользоваться другими методами, однако какими — разъяснения не последовало. И полиция стала действовать по своему разумению. Участников демонстрации, например, заставляли проходить тесты на опьянение. Дело в том, что несколько лет назад обеспокоенное растущим потреблением алкогольных напитков правительство приняло закон, запрещающий распитие спиртного не только в публичных местах, но и дома. Появление человека

в нетрезвом виде рассматривалось как нарушение общественного порядка, и у полиции прибавилось хлопот. Но эта мера не привела к желаемому результату, а в отношении демонстрантов и вовсе оказалась бесполезной, ибо у них, как правило, не обнаруживали ни малейших признаков алкоголя. По мнению Йенсена, это единственное, что отличало демонстрантов от остальной массы населения.

Два года назад правительство повысило цены на спиртные напитки и обязало употреблять химические препараты. Кроме того, было решено, что марши протеста не причиняют властям никакого вреда. Полиции вменили в обязанность следить за порядком и регулировать поток транспорта на пути колонн, а также усилить охрану некоторых иностранных представительств. Демонстрации стали проходить спокойно, к ним присоединялось все больше народу, хотя пресса, радио и телевидение окружили манифестации стеной молчания.

Несмотря на принятые меры, правительство испытывало известное беспокойство. Во время последних выборов по непонятным причинам заметно упало количество избирателей. В то же время никогда раньше политические партии не проводили столь широкой предвыборной кампании, как сейчас. Кампания началась еще летом и теперь быстро набирала силу.

Йенсен не задумывался над тем, какие цели преследовали демонстранты, но знал, где и когда они начали свою деятельность.

Боль в правом боку стала невыносимой. Йенсен, сжавшись в комок, стиснул зубы и забыл обо всем. Только бы не заскулить подобно побитой собачонке. В глазах у него потемнело. Шофер подозрительно покосился на пассажира, но промолчал.

Йенсену показалось, что минула целая вечность, прежде чем боль исчезла, уступив место привычному ноющему

чувству. На самом же деле приступ длился не более двух минут. Йенсен выпрямился, хватая ртом воздух и стараясь подавить кашель.

Когда он вновь взглянул в окно, пригород, в котором он жил, остался позади. Такси стремительно летело по ровной глади шоссе.

— Через полчаса будем на аэродроме, — сказал шофер.

Район, где жил комиссар Йенсен, состоял из нескольких десятков восьмизэтажных домов, выстроившихся четырьмя параллельными колоннами. Между домами были разбиты зеленые лужайки; там же размещались площадки для стоянки автомашин и павильоны из прозрачного пластика, предназначенные для немногочисленной детворы. Это был весьма благоустроенный район.

Южнее тянулись шпиль серых обветшалых высотных домов. Несколько лет назад правительство преодолело жилищный кризис, построив множество жилых домов типа того, в котором жил Йенсен. Это были так называемые «упрощенные» районы с абсолютно стандартными квартирами в стандартных домах. И вслед за этим опустели высотные дома, построенные, как это ни парадоксально, вдали от центра. Сначала от них отказались бизнесмены и торговцы недвижимым имуществом, затем муниципалитет и сами жильцы. Немалую роль сыграло падение рождаемости и, как следствие этого, сокращение населения. Из-за отсутствия ухода вышли из строя коммуникации, а после того, как было выключено электричество и прекращена подача воды, высотные дома начали быстро превращаться в трущобы. Большинство из них в свое время появилось на свет благодаря предприимчивости некоторых дельцов, воспользовавшихся жилищным кризисом. Сооруженные наспех, как попало, они ветшали и разрушались, всем своим видом напоминая надгробные памятники в окружении разросшихся сорняков. Как утверждали эксперты из Министерства

общественных работ, после того как все жители покинут районы высотных домов, дома полностью придут в упадок. Они называли эти места «районами естественного санирования», среди населения же за ними укрепилась слава гигантских свалок. Прогнозы экспертов подтверждались во всем, кроме одного: в домах, еще пригодных для жилья, по-прежнему было заселено около пяти процентов квартир. В них жили люди, о которых государство всеобщего благосостояния по тем или иным причинам не сумело позаботиться. Время шло, дома окончательно разрушались, увеличивалось число несчастных случаев, но в соответствии с законом ни владельцы домов, ни городские власти за это не отвечали. Население давно предупреждали об опасности.

Йенсен взглянул направо — машина проезжала мимо одного из участков «естественного санирования». Примерно треть домов сохранилась. На фоне светло-голубого осеннего неба они возвышались подобно исполинским столбам, покрытым копотью и сажей. Вдали он заметил группу детей, игравших среди разбитых автомобилей и груд бутылок и пластмассовых упаковочных ящиков.

Взгляд Йенсена был спокойным и безучастным.

Минут через пятнадцать такси остановилось перед зданием аэропорта. Йенсен расплатился и вылез из машины. Бок по-прежнему болел.

4.

В комнате было два окна, задернутых легкими светло-голубыми занавесками. Стены выкрашены в темно-синий цвет, потолок белый. Кровать из светлого дерева хорошо вписывалась в общий стиль комнаты.

Йенсен неподвижно лежал на спине, вытянув руки по бокам. Справа от него виднелась кнопка звонка. Стоит на нее нажать, и через несколько секунд в комнату войдет

медсестра. Йенсен не касался кнопки. Он думал об одном — какое сегодня число. Первое ноября или второе? А может, третье? Он знал, что находится в этой палате около двух месяцев, но никак не мог вспомнить точную дату прихода сюда, и это его раздражало.

Он знал также, что выжил. Это его не удивляло, однако он испытывал легкое недоумение из-за того, что не был этим удивлен.

Вдали у окна стояло плетепое кресло. Последние две недели ему дважды в день разрешалось в нем посидеть — полчаса утром и полчаса после обеда. Сейчас была вторая половина дня, и Йенсена потянуло к окну. Давно уже он не испытывал ничего подобного.

Дверь открылась, и в комнату вошел стройный мужчина в светло-сером костюме. Его смуглое лицо с тонкими черными усиками обрамляли длинные кудрявые волосы. Кивнув Йенсену, вошедший остановился у его ног, достал толстый журнал, висевший на спинке кровати, затем достал желтоватую сигарету с длинным бумажным мундштуком и сунул ее в рот. Рассеянно пожевал сигарету, достал коробок со спичками и закурил. Задув крошечный огонек, мужчина бросил спичку на пол, быстрыми шагами подошел к изголовью кровати, наклонился над Йенсеном и посмотрел ему в глаза.

Йенсену казалось, что он видел это лицо несчетное число раз. Выражение смотрящих на него карих глаз менялось — оно бывало озабоченным, спокойным, любопытным, ищущим или печальным. Запах же был неизменным — от мужчины пахло табаком и бриллиантином. Йенсен смутно припоминал, что однажды видел этого человека с марлевой повязкой на лице, в оранжевой резиновой шапочке, закрывавшей кудрявые черные волосы. Тогда все вокруг Йенсена было залито резким бело-голубым светом, и мужчина был одет во что-то, напоминающее белый фартук

мясника. Более того — и это Йенсен отчетливо помнил — еще раньше он долго тряс ему руку и говорил что-то на непонятном гортанном языке — очевидно, это должно было означать: «Добрый день» или «Добро пожаловать». А может, он просто назвал свое имя.

Сегодня мужчина выглядел веселым. Он ободряюще кивнул Йенсену, небрежно стряхнул на пол пепел, затем повернулся и вышел.

Через несколько минут в комнату вошла медсестра, чем-то похожая на врача — такая же загорелая и темноволосяя, но с серыми глазами. На ней был белый халат с короткими рукавами, застегивающийся на спине, на ногах, сильных и мускулистых, синие матерчатые туфли. Двигалась она быстро и плавно, прикосновения ее красивых рук было нежным и приятным. Но Йенсен знал, что руки эти могут быть поразительно сильными. С лица ее не сходила улыбка, даже когда ей приходилось заниматься самой грязной работой, однако Йенсену доводилось видеть ее задумчивой и серьезной.

Йенсен не видел, чтобы она когда-нибудь курила или пользовалась косметикой. Лишь изредка от нее пахло мылом. Вот и сегодня, когда она наклонялась, от ее тела исходил едва ощутимый аромат, пробудивший в Йенсене далекие воспоминания.

Медсестра убрала одеяло и простыни, сняла с больного длинную ночную рубашку и протерла тело влажной губкой. Когда она наклонилась, чтобы протереть ноги, Йенсен заметил, как тугая ткань халата четко обрисовала линию ее спины и бедер. «Интересно, что у нее под халатом?» — подумал он. И ему пришла в голову мысль, что вот уж много лет он не задумывался над такими вещами.

У медсестры были полные губы и черный пушок на ногах. Когда она улыбалась, были видны ее неровные, но очень белые зубы.

Эти двое, врач и сестра, с самого начала были единственными, кто связывал Йенсена с окружающим миром. Он не понимал ни слова из того, что они говорили, и поэтому в последнее время они предпочитали не разговаривать. Как-то врач принес с собой газету, но в ней не было фотографий, а слова состояли из букв, которых Йенсену никогда не приходилось видеть.

Сидя в плетеном кресле у окна, Йенсен обозревал большую лужайку с дорожками, выложенными гравием, и невысокие деревья с розовыми и белыми цветами. По дорожкам гуляли или сидели у маленьких каменных столиков и играли в какую-то игру (очевидно, шахматы) мужчины и женщины в таких же, как у него, белых халатах. Парк был небольшой, за ним тянулась улица, по которой с дребезжанием проносились желтые троллейбусы. Однажды Йенсен увидел на улице верблюда.

На другой стороне улицы находилась фабрика. По утрам тысячи людей, в основном женщины самого различного возраста, непрерывным потоком шли через ворота. Многие приходили с детьми. Их оставляли в одноэтажном желтом кирпичном здании справа от фабрики. Дети поначалу капризничали и плакали без матерей, но уже через несколько минут, забыв про слезы, начинали носиться по площадке. Женщины, ухаживающие за детьми, были одеты в белые хлопчатобумажные халаты с застежкой впереди. Они были похожи на беременных. Йенсен даже решил, что это работницы фабрики, которых по беременности просто переводили на работу в детский сад.

Йенсен больше не испытывал болей, однако ходить ему было трудно, и он быстро уставал. Почти все время он спал. Как-то в палату пришел врач с газетой в руках. Ткнув пальцем в газетный лист, он заговорил быстро и взволнованно, но, заметив, что Йенсен его не понимает, пожал плечами и вышел.

Стоя у окна с легкими светло-голубыми занавесками, Йенсен смотрел в парк. Вместо халата на нем был его собственный костюм. Швы уже сняли, и он мог передвигаться почти свободно.

В дверь постучали, и Йенсен обернулся. Вряд ли это был кто-то из обслуживающего персонала — врач, медсестра, санитарка или водопроводчик, постоянно чинящий что-то в туалете, входили без спроса.

Стук повторился. Йенсен подошел к двери и распахнул ее. В коридоре стоял низенький седой человек в темно-синем костюме и черной фетровой шляпе. На носу у него были очки, в правой руке — черный портфель. Он тут же снял шляпу.

— Комиссар Йенсен?

— Да.

Это было первое слово, которое он произнес с тех пор, как три месяца назад вошел в самолет. Собственный голос показался ему чужим.

— У меня для вас письмо. Разрешите войти?

Незнакомец говорил правильно, но с легким акцентом.

Йенсен сделал шаг в сторону.

— Пожалуйста.

Говорить было трудно, почти противно.

Незнакомец положил на стол шляпу и расстегнул портфель. Достал из него розовую ленту телекса и протянул ее Йенсену. Текст был краток:

НЕМЕДЛЕННО ВОЗВРАЩАЙТЕСЬ ДОМОЙ.

Йенсен недоуменно посмотрел на незнакомца.

— Кто послал эту телеграмму?

— Не знаю.

— Почему она никем не подписана?

— Не знаю.

На мгновение незнакомец заколебался.

— Телеграмма прибыла по дипломатическим каналам, — наконец произнес он.

— Кто вы?

— Сотрудник одного из отделов Министерства иностранных дел. Я никогда не бывал в вашей стране, а языком овладел в университете.

Йенсен промолчал в надежде, что незнакомец продолжит разговор.

— Мы ничего не знали о состоянии вашего здоровья. Мы даже не знали, живы ли вы. Меня послали вручить телеграмму.

Йенсен и на этот раз промолчал.

— По словам доктора, вы уже выздоровели, и послезавтра он может вас выписать. Осталось лишь несколько анализов.

Незнакомец снова заколебался. Затем прибавил:

— Поздравляю.

— Благодарю вас.

— Доктор говорит, что сначала он и не надеялся на ваше выздоровление.

Незнакомец достал из портфеля конверт.

— Я взял на себя смелость забронировать вам место в самолете, вылетающем послезавтра в девять утра. Вот ваш билет.

Йенсен взял конверт и положил его во внутренний карман.

— В сообщении больше ничего не было?

И вновь незнакомец помедлил, прежде чем ответил.

— Всего лишь обычные инструкции, в частности — как и где вас разыскать.

— Вам известно, кто послал телеграмму?

Снова колебание.

— Да.

— Кто именно?

— Я не уполномочен говорить об этом.

— Почему?

— Тот, кто прислал сообщение, попросил нас об этом.

Так что не думайте, что это из-за нашего нежелания.

— Вот как?

— Да. Кроме того, меня попросили передать ваш ответ на телеграмму. Согласны ли вы лететь послезавтра?

— Да, — ответил Йенсен.

— Превосходно, — сказал незнакомец и, взяв шляпу, направился к двери.

— Одну минутку, — сказал Йенсен. — Вы были в нашем посольстве?

Незнакомец, приоткрывший было дверь, замер на месте. Наконец он ответил:

— Ваше посольство покинуто.

— Покинуто?

— Да. Там нет ни единого человека.

— Но почему?

— Этого я не знаю. Будьте здоровы.

6.

Медсестра отвезла Йенсена в аэропорт. На сей раз вместо халата на ней было открытое красное хлопчатобумажное платье, а на ногах сандалии с ремешками вокруг лодыжек. Дорога была неровной, автомобиль — старый и изношенный, но вела машину она искусно.

Йенсен, сидевший сзади, видел, как от напряжения шеи и спина у нее покрылись капельками пота.

Они проехали деревню. По улице, вытянувшейся между низкими глинобитными домами, бегали ребятишки и раз-

гуливал домашний скот. Девушка почти не снимала палец с гудка, стараясь разогнать свиней, коз и кур, мирно бредущих по дороге. Дети были в восторге и, глядя на нее, громко смеялись. В ответ она показала им язык, и они засмеялись еще громче.

Перед зданием аэропорта девушка приподнялась на цыпочки и чмокнула Йенсена в щеку.

...В шуме двигателей появилась новая нота, и самолет начал снижаться. Йенсен посмотрел на часы. Они шли на посадку на два часа раньше, чем следовало. Зажглись предупредительные надписи, самолет пробил облака, пронесся над полями, закутанными пеленой тумана, и приземлился на залитой дождем посадочной полосе. Когда рев реактивных двигателей стих, Йенсен посмотрел в окно.

Он был еще не дома. Однако он сразу узнал контуры аэропорта и понял, где они приземлились. Это было одно из соседних государств. Он понимал местный язык и даже мог сносно разговаривать. По расписанию самолет не должен был делать посадки. Поэтому Йенсен остался сидеть в кресле.

Через несколько минут в салоне появился одетый в штатское человек и объявил:

— Самолет дальше не полетит. Всех пассажиров просят выйти.

Он повторил объявление на нескольких языках. Кроме Йенсена, в самолете находилось всего лишь два пассажира.

Шел дождь, и было на удивление холодно. Зал прибытия был заполнен людьми, которые пили пиво и громко разговаривали, то и дело перебивая друг друга. Воздух казался сизым из-за табачного дыма.

Девушка в справочном бюро виновато сказала:

— Туда самолеты не летают. Все рейсы отменены.

— Отменены?

— Да. Сообщение прервано.

— Откуда я могу позвонить?

— Вот отсюда. Только это бесполезно. Телефонная связь тоже прервана.

— Почему?

— Не знаю. Никто точно не знает.

В то же мгновение он услышал, как по радио несколько раз назвали его имя. Девушка взглянула на билет, лежащий перед ней на столе.

— Ваша фамилия Йенсен?

— Да.

— Идемте.

Она провела Йенсена к лифту, и они поднялись на следующий этаж.

— Теперь идите в приемную номер четыре, — сказала она. — Там вас ждут.

Йенсен прошел по устланному коврами коридору, читая таблички на дверях. Он остановился перед дверью под номером четыре и постучал.

— Войдите, — послышалось в ответ.

В комнате было трое мужчин. Двое в напряженной позе, будто выжидая чего-то, сидели в глубоких креслах. Йенсен не знал никого из них в лицо. Еще один мужчина стоял у окна спиной к двери. Когда он повернулся, Йенсен сразу узнал его: это был человек с предвыборных афиш, человек, который лучше других воплощал в себе единство трех понятий — благополучия, уверенности в завтрашнем дне и всеобщего взаимопонимания. Раньше он был мистром внутренних дел, а после выборов ему предстояло занять пост премьер-министра.

— Так это вы и есть Йенсен? — спросил он высоким резким голосом.

— Да.

— Садитесь, ради бога. Садитесь.

Комиссар Йенсен сел.

— Я много слышал о вас, Йенсен, — сказал министр. — Несколько лет назад вы доставили мне немало хлопот.

Было заметно, что он изо всех сил старается говорить нормальным голосом — чтобы казаться спокойным.

— Хотите пива? — неожиданно спросил он.

— Нет, благодарю вас.

— В этой стране умеют делать чертовски хорошее пиво.

Он сел напротив Йенсена. Когда он наливал пиво, его руки так дрожали, что он едва не выронил стакан.

— Вы, конечно, узнали этих господ?

Йенсен никогда раньше их не видел и не знал, кто они такие — даже после того, как министр представил их ему. Оба входили в правительство.

— Кто-то однажды справедливо заметил, что расстояние между народом и властями слишком велико, — пробормотал министр.

Йенсен понял, что он имел в виду. Рыжеволосый полицейский врач участка как-то сказал:

— Можно ли представить себе что-нибудь более абстрактное, чем господь бог и министры?

В этих словах заключался глубокий смысл. Политика страны, направленная на достижение единообразия и устранение каких бы то ни было различий, не допускала усиления влияния той или иной личности — кроме тех, чья сила и власть зиждились на капитале и кто занимал ведущее положение в обществе независимо от желания народа. Однако в результате последних выборных кампаний на авансцену стали выдвигать определенного человека — это делалось для того, чтобы не допустить чрезмерно большого разрыва между подавляющим большинством народа и

узкой группой технократов, в руках которых формально была сосредоточена власть в стране.

— Господин премьер-министр... — начал Йенсен, но тот оборвал его:

— Я не являюсь главой правительства. Выборы были... отложены.

— Отложены?

Министр поспешно встал, сделал было порывистый жест, но, взглянув на свои дрожащие руки, засунул их в карманы пиджака.

— При создавшихся обстоятельствах мы приняли решение отложить проведение демократических выборов в стране, — официальным тоном произнес он.

Один из членов правительства, до сих пор молчавший, кашлянул и спросил:

— Комиссар Йенсен?

— Да?

— Вы давали присягу в верности правительству?

— Да.

— Сколько раз я говорил, что это совершенно не относится к делу, — раздраженно проговорил министр.

В комнате стало тихо — слышался только рев реактивных двигателей за окном. Йенсен поочередно посмотрел на присутствующих и тихо спросил:

— Что случилось?

— Самое непонятное заключается в том, что мы и сами не знаем. Нам не известно, что произошло, более того, нам не известно, как это произошло. Между теми событиями, о которых мы знаем, не существует никакой логической связи.

— Какие же подробности вам известны?

— Йенсен, нам придется начать с самого начала.

— Хорошо. Почему вы находитесь здесь?

— Не знаю.

— Не знаете? Как вы сюда попали?

— Так же, как и вы. Самолетом. Мы возвращались из-за границы... из поездки с государственным визитом. Продолжить путь нам не удалось. Все пути сообщения были прерваны.

— Почему?

— Мы не знаем. Никто этого не знает.

— Как долго вы находитесь здесь?

— Три дня.

— Вы пытались вернуться домой?

Министр не ответил.

— Это вы вызвали меня сюда?

— Да.

— Зачем?

— Йенсен, давайте разберемся во всем по порядку. Во-первых, согласны ли вы выполнить наше задание?

— Какое именно?

— Выяснить, что там произошло. Поскольку нам не известно, где мы находимся, я не могу вам приказывать.

— Я знаю, где мы находимся.

— Вы меня не так поняли. Я имею в виду юридическую сторону вопроса. Вы же знаете, что по чисто экономическим соображениям наше правительство не признает режима, существующего в этой стране. Для нас она — всего лишь географическое понятие. Мы не пользуемся никакими экстерриториальными правами.

— В таком случае почему же вы здесь?

Министр неожиданно всплеснул руками и, потеряв над собой власть, крикнул:

— А куда же нам деваться, черт побери? Я обращаюсь к вам с просьбой оказать услугу стране, а вы...

Он осекся. Третий член правительства, который до сих пор не произнес ни единого слова, покачал головой и сказал:

— Полиция. Я же вам говорил.

Он был совсем молод. Его лицо и вся поза выражали презрение и высокомерие. Йенсен вдруг вспомнил, что раньше слышал его имя. Этот человек принадлежал к числу наиболее многообещающих политических деятелей. Он занимал различные посты в правительстве и, по всеобщему мнению, со временем должен был стать премьер-министром. Сейчас он возглавлял Министерство просвещения. До этого он был министром связи, и ему вменялась в обязанность деликатная задача — руководить цензурой на радио и телевидении.

Йенсен равнодушно посмотрел на него и негромко произнес:

— Мне хотелось бы напомнить, что я сейчас не на службе, что мы находимся на территории иностранного государства и что я до сих пор не получил никаких конкретных разъяснений — если не считать той информации, которую мне удалось получить в зале ожидания.

— Йенсен, Йенсен, — умоляющим тоном начал министр. — Мы знаем вас как исключительно способного офицера полиции.

— Вот как?

— Да, да. И хотя расследование того неприятного дела, которое вы провели четыре с половиной года назад, осложнило ситуацию, с технической точки зрения вы провели его безукоризненно...

— Настолько безукоризненно, что в результате погибло тридцать два человека?

— Нужно ли снова копаться в старых неприятностях?!

Министр просвещения холодно процедил:

— Господин Йенсен, надеюсь, вам ясно, что в тот момент, когда положение стабилизируется, мы можем разжаловать вас и отправить патрулировать улицы? Мы можем

вообще уволить вас из полиции. Вы и раньше причиняли нам немало хлопот.

— Совершенно верно, — подтвердил министр. — Подумайте о своей семье.

— Я одинок, — заметил Йенсен.

— Ну хорошо, чего вы хотите? Денег?

— Правды.

— Но я уже сказал, что нам ничего не известно. Мы не знаем, что произошло в стране.

— Почему отложены выборы? — спросил Йенсен.

Министр нервно пожал плечами.

— Ведь я уже сказал...

Министр просвещения быстро встал и презрительно взглянул на своего коллегу.

— Выборы отложены потому, что в ходе заключительной части предварительной кампании возникли серьезные осложнения, — сказал он.

— Что вы имеете в виду?

— Уличные беспорядки. Мятежи. В них замешаны полиция и армия.

— Восстание? — с сомнением произнес Йенсен.

— Ни в коем случае. Скорее можно сказать, что население справедливо выступило против внутренних врагов страны. К сожалению, при этом были использованы насильственные меры, перешедшие все границы.

— Что случилось после того, как выборы были отложены?

— Этого мы точно не знаем. К тому моменту большинство членов правительства покинуло страну.

— Вместе с семьями?

— Да. Они находятся в безопасности.

— А регент?

— Он тоже вне опасности.

— Почему закрыты границы?

- Насколько нам известно, границы открыты.
- Но все сообщение прервано?
- Да. Под предлогом, что в стране вспыхнула эпидемия. Как здесь, так и в других странах эта версия общепринята.
- Существуют ли какие-нибудь факты, подтверждающие ее?
- Да. Незадолго до того, как было прервано сообщение, власти запросили медицинскую помощь из-за рубежа.
- Дальше.
- Многие медики из различных уголков земного шара, в основном врачи и медицинские сестры, тотчас откликнулись на это обращение и отправились туда в качестве добровольцев. Вскоре после этого поступили официальные сообщения о том, что распространение эпидемии приостановлено, положение в стране находится под контролем и в дальнейшей медицинской помощи нет необходимости.
- Что произошло потом?
- Вслед за этим все транспортные коммуникации и связь были прерваны.
- Когда это случилось?
- Дней пять назад. Точнее, в течение последних пяти суток не поступало официальных сообщений.
- А неофициальных?
- За это время многие покинули страну. Большими группами и в одиночку. Мы беседовали кое с кем из них, но никто с уверенностью не может сказать, что же там произошло.
- Почему они покинули страну?
- Из страха и чувства неуверенности. Но...
- Продолжайте.
- Некоторые утверждают, будто в стране свирепствует тяжелая эпидемия. Несколько человек умерло в зарубежных больницах.

— Диагноз?

— Врачам не удалось установить характера заболевания.

— Пограничная охрана на месте?

— Вы же знаете, что большая часть нашей границы проходит по морю, а сухопутная граница, как вам, безусловно, тоже известно, проходит в основном через ненаселенные районы. По нашей настоятельной просьбе полиция соседних государств обследовала пограничные заставы на нашей территории. С крайней неохотой, между прочим. Все боятся эпидемии.

— Каковы результаты инспекции?

— Пограничные заставы покинуты.

— Судьба иностранных представительств вам известна?

— Большинство было эвакуировано еще во время волнений. Полиция и армия не имели возможности, а быть может желания, охранять их.

— Не верится.

— И тем не менее это факт. Остальные посольства были закрыты при первых же слухах о чуме.

— Что вы знаете о медиках-добровольцах из-за рубежа?

— Никто из них не вернулся. И никто не дал о себе знать.

— Действует ли внутренняя связь в стране?

— По-видимому, нет. Три военных самолета и один гражданский разбились на территории соседних государств. Причина неизвестна.

Йенсен на мгновение задумался, затем спросил:

— Все эти сведения точные?

— К сожалению, да.

Наступило молчание. Йенсен некоторое время сидел не двигаясь.

— Еще один вопрос, — сказал он наконец.

— Я вас слушаю.

— Может, все население погибло?

— Нет. Нам известно, что в стране развивается бурная деятельность, особенно в столице.

— Откуда у вас эти сведения?

Министр просвещения быстро взглянул на своего коллегу. Тот покорно пожал плечами.

— Я не могу ответить на этот вопрос, не разгласив военной тайны.

Йенсен промолчал.

— Но я все-таки попытаюсь ответить. Дело в том, что в течение ряда лет над территорией нашей страны совершают систематические полеты на большой высоте разведывательные самолеты одной дружественной великой державы. На борту этих самолетов установлено исключительно мощное разведывательное оборудование. Через неофициальные каналы мы получили информацию о некоторых результатах их наблюдений.

— Что вам сообщили?

— Я уже сказал: в стране отмечают значительную активность.

— Военные действия?

— Не в столице. Однако в сельской местности замечены признаки передвижений войск.

— Что происходит в столице?

— Этого мы не знаем. Но знаем, что там что-то происходит.

— Это производит впечатление организованных действий?

— Да.

Немного помолчав, Йенсен снова задал вопрос, с которого начал беседу:

— Почему вы находитесь здесь?

Министр просвещения ответил с циничной откровенностью:

— Потому что все остальные страны отказались нас принять.

— Почему же вы не хотите отправиться домой?

— Не решаемся.

8.

Йенсен встал и подошел к окну, испещренному струйками дождя. Затем, не оборачиваясь, спросил:

— Что вы намерены предпринять?

— Вы должны выяснить, насколько это возможно, что произошло в стране.

— Здесь вы не можете мне приказывать.

— Мы знаем. И все-таки мы это делаем. Вы попытаетесь как можно быстрее оценить обстановку и сообщите нам результаты.

— Каким образом?

— В этой стране у нас есть определенные контакты. Официально она для нас не существует, поэтому мы не нуждаемся в соблюдении дипломатического протокола. Вертолет доставит вас в любое место по вашему выбору, затем вернется в заранее условленное время и заберет вас. Вы вернетесь сюда. Вам разрешается отсутствовать не более трех суток, в крайнем случае вы должны прислать сообщение до истечения этого срока, иначе...

— Договаривайте.

— ...иначе нам придется прибегнуть к другим мерам.

— Каким именно?

Собеседники о чем-то зашептались за спиной Йенсена. Но он не обернулся, ожидая ответа. Через несколько минут раздался голос министра:

— Та великая дружественная держава, о которой я говорил, по ряду важных политических и экономических причин заинтересована в нашей стране. К сожалению, она втянута в тяжелый конфликт в другой части земного шара и не хотела бы вмешиваться напрасно, особенно сейчас, когда положение неясно. Однако, если выяснится, что подрывные элементы пытаются использовать создавшееся положение, мы можем обратиться к ней и получить военную помощь. По крайней мере я на это надеюсь. Разумеется, речь может идти о помощи в ограниченных размерах. Как я уже сказал, эта великая держава ведет войну в другом полушарии. Но она обещала нам помочь. При условии, конечно, что подрывные элементы не успеют захватить в свои руки органы управления и утвердиться там. Впрочем, это исключено.

— Кого вы называете подрывными элементами?

В ответе можно было не сомневаться.

— Коммунистов.

Внезапно наступила тишина. Смолк рев моторов на аэродроме. И только непрекращающийся дождь продолжал монотонно бить в стекла.

— Итак, Йенсен, вы согласны ехать?

— Да.

— Немедленно?

— Да.

— Превосходно.

Йенсен промолчал.

— У вас есть оружие?

— Нет.

— Видимо, вам следует взять пистолет.

— Зачем?

— На всякий случай. Но об этом мы позаботимся.

Йенсен продолжал стоять, неподвижный как изваяние.

— Еще один вопрос, — сказал он.

— Ну, что еще?

— Непосредственно перед тем, как начался мой отпуск по болезни, я получил приказ об аресте сорока трех врачей, работавших в пределах шестнадцатого участка, в том числе нашего полицейского врача. Остальные полицейские участки тоже получили аналогичные приказы?

— Нам об этом ничего не известно, — поспешно ответил министр. — Это дело полиции.

— Можно ли считать, что эти аресты как-то связаны с последующими событиями? — невозмутимо продолжал Йенсен.

— Ни в коем случае, — парировал министр просвещения.

— Я ведь уже сказал, что между этими событиями нет никакой связи, — поддержал его министр.

Вновь все замолчали. Тишину нарушил министр:

— Где вы намерены приземлиться?

— В столичном аэропорту.

— У вас бедное воображение, — с сожалением отметил министр просвещения.

— Да, — согласился Йенсен. — Вы совершенно правы.

Министру просвещения не было и сорока лет. У него были синие, немного косящие глаза и по-женски пухлые губы. Но, несмотря на молодость, очевидно, именно ему принадлежало здесь решающее слово.

9.

Они летели на военном вертолете, и все же продвигались медленно — из-за тумана и низкой облачности земли почти не было видно. Внезапно мощный порыв дождя и мокрого снега залепил плексигласовые стекла кабины, и пилот вынужден был набрать высоту.

Йенсен сидел неподвижно — все равно смотреть было

не на что. Сунув руку в карман, он достал пистолет, тяжесть которого действовала ему на нервы.

Это была беретта 7,65-миллиметрового калибра старого образца, однако Йенсен выбрал ее потому, что был знаком с механизмом. Вместе с пистолетом он получил кожаную кобуру и три обоймы патронов.

С момента окончания полицейской школы Йенсену ни разу не приходилось стрелять из пистолета. Свой служебный пистолет он одно время держал в машине, в отделении для перчаток, но года два назад запер в сейфе в полицейском участке. Когда-то он неплохо стрелял и даже получил медаль на соревнованиях.

Йенсен пододвинул к себе саквояж, расстегнул, засунул пистолет в кобуру и аккуратно положил его поверх вещей, после чего закрыл крышку и щелкнул замком.

Вертолет, попав в спокойные слои атмосферы, летел плавно. Монотонный рев мотора успокаивающе действовал на Йенсена. Правда, поле зрения по-прежнему ограничивалось облаками и кожаной курткой пилота.

Боль уже давно перестала мучить Йенсена. Но до сих пор немного тянуло кожу вокруг шва, да и слабость давала о себе знать. Однако боль исчезла. И с ее исчезновением Йенсен ощущал какое-то удивительное чувство пустоты, будто не стало чего-то близкого, родного. Долгие годы боль была неотъемлемой частью его организма, верным и постоянным его спутником. Теперь же, когда ее не стало, он не испытывал никакого чувства облегчения или удовлетворения.

Он задремал, откинув голову на спинку кресла.

Через полчаса пилот разбудил его.

— По-моему, мы над аэродромом, — сказал он.

За окнами кабины по-прежнему ничего не было видно, кроме густой серой пелены облаков.

— Контрольная башня не отвечает, — продолжал пи-

лот. — Радар не действует. Видимость почти нулевая, к тому же быстро темнеет. Попробуем сесть?

— Да.

— Очень рискованно. Ну что ж, спустимся и посмотрим.

Йенсен кивнул. Достав из внутреннего кармана пиджака бумажник, он извлек эмалированный полицейский значок и положил его в нагрудный карман.

Пилот с удивлением взглянул на него. Очевидно, он думал, что Йенсен хочет предложить ему денег.

— Ага, — немного погодя с удовлетворением отметил пилот. — Значит, прямо над зданием аэропорта. Ну и навигация! Все огни потушены.

Машина быстро взмыла вверх.

— Попробуем сесть немного дальше, на посадочной полосе.

На сей раз вертолет спускался медленно и осторожно.

Через несколько минут внизу показалась земля — трава и бетон. Справа виднелся какой-то красно-белый предмет, плохо различимый в сумерках.

— Бронеавтомобиль, — сказал пилот. — Прямо на посадочной полосе, чтобы блокировать аэродром.

Он внимательно посмотрел вниз.

— Здесь, — сказал он. — Хорошее место.

Йенсен встал, надел плащ и взял шляпу.

Вертолет мягко коснулся земли. Пилот протянул руку и открыл дверцу кабины.

— Видите вон там посадочный огонь? На полосе под номером четыре? Будем считать его нашим опознавательным знаком.

Он посмотрел на свои часы.

— Послезавтра и день спустя я буду здесь ровно в девять утра и буду ждать вас не более двух минут. С 9.00 до 9.02.

Йенсен взял саквояж и сошел на землю.

— Ну, пока, — сказал пилот. — Желаю удачи.

— До свиданья.

Подняв винтом воздушный вихрь, машина взмыла ввысь и исчезла в тумане. Вскоре шум мотора стих.

Тишина. И ни души вокруг.

Темнело.

Комиссар Йенсен надел шляпу и направился к зданию аэропорта.

10.

Когда Йенсен подошел к зданию, уже почти стемнело. Огромные стеклянные двери были заперты, все огни погашены. Казалось, все живое покинуло помещение.

На бетонной площадке перед зданием аэропорта стояли шесть багажных тележек и один танк, окрашенный в защитный цвет. Танк был пуст. Экипаж покинул его, даже не потрудившись закрыть люк. Йенсен влез на башню и заглянул внутрь. Судя по всему, танк был в полной исправности.

Поодаль виднелся остов сгоревшего пассажирского самолета, там же сгрудились несколько грузовиков и военных автобусов, поставленных поперек взлетно-посадочной полосы.

Йенсен обошел здание и повернул к высокой загородке из колючей проволоки. Отыскал калитку, но она была заперта. Тогда Йенсен перебросил саквояж через забор и перелез сам. В тот момент, когда он приготовился спрыгнуть на землю, его плащ зацепился за проволоку. Вырвав длинный лоскут из рукава, Йенсен неловко спрыгнул на землю, выпрямился и потрогал оторванный кусок. «Видимо, починить плащ не удастся», — подумал он.

Йенсен побрел вдоль загородки, пока не увидел перед

собой здание аэропорта. Уже совсем стемнело. Но, очевидно, уличное освещение не работало, и Йенсену приходилось передвигаться с большой осторожностью. Он шел вдоль стены аэровокзала. Воздух был пронизывающе холодным. Моросил мелкий дождь. Йенсен остановился и попытался понять, где находится. Он не очень хорошо знал расположение аэропорта, но у него была отличная память. Несколько он помнил, метрах в десяти от того места, где он находился, должен быть главный вход в здание аэровокзала, а рядом с ним несколько телефонных будок и стоянка такси. Йенсен отошел от стены, пересек тротуар и наткнулся на автомобиль. Нащупал ручку и открыл переднюю дверцу. Когда он протянул руку к рулю, пальцы его наткнулись на что-то мягкое.

Он сразу понял, что это такое, но не отпрянул назад, не испугался и не удивился, а просто поставил на землю саквояж и открыл дверцу пошире. За рулем, наклонившись вперед и охватив руль обеими руками, сидел мертвец.

Йенсен захлопнул дверцу, взял саквояж и снова пересек тротуар. Так и есть, телефонные будки оказались именно там, где он ожидал. Он вошел в ближайшую, достал из кармана монету и опустил ее в автомат. Было слышно, как монета упала на дно, однако гудка не последовало. Телефон не работал. Он вошел в соседнюю будку. То же самое.

Едва Йенсен вошел в третью будку, как послышался вой сирены. Звук быстро приближался. Через несколько минут луч света от автомобильных фар рассек туман и пелену дождя. Машина резко затормозила и, упершись передними колесами в обочину тротуара, остановилась метрах в пятнадцати от Йенсена. Фары ее ярко осветили стеклянную стену и кусок тротуара и мостовой. Сквозь запотевшее стекло телефонной будки Йенсену удалось разоб-
раться, что подъехала машина «Скорой помощи», белая, с

красным крестом на бортах. Синий свет от вращающейся на крыше лампы появлялся и исчезал через регулярные промежутки. Вой сирены стих, и мотор был выключен, однако фары продолжали гореть, и синие вспышки наверху то и дело вспарывали тьму.

Из машины вышли двое в белых халатах.

Йенсен поднял саквояж и начал открывать дверь будки, но остановился: ему никогда еще не приходилось видеть женщину-санитара. Он замер, прислушиваясь.

— Наверно, они ошиблись, — сказала женщина. — Разве можно приземлиться в такую погоду?

— Я тоже так думаю, но лучше проверить.

Они пошли вдоль здания в разные стороны, держа в руках включенные электрические фонарики. Женщина прошла совсем рядом с телефонной будкой. Йенсен по-прежнему не двигался. С виду женщина казалась совсем молодой, она шла быстрым упругим шагом. Вскоре ее шаги замерли вдали. Наступила тишина. Затем снова слышались шаги.

— Эй! — крикнула женщина.

— Да?

— Иди-ка сюда. Здесь в машине труп.

Мужчина в белом халате тоже прошел мимо Йенсена. Из-за тумана комиссар не мог их различить, но голоса слышал отчетливо.

— Старик, — печально сказал мужчина. — Сидел в своем такси перед закрытым зданием вокзала и умер за рулем. Даже фуражка на голове.

— Просто удивительно, как это люди не хотят делать того, что им говорят, — сказала женщина.

— Нужно забрать его с собой на Центральную станцию.

— Конечно. Берись с той стороны.

— Может, принести носилки?

— Не нужно. Я сильнее, чем кажется с первого взгляда.
— Эй, подожди-ка минутку.
— Что там такое?
— Старик-то болен.
— Но ведь он умер.
— Так-то оно так, но посмотри — он совсем синий.
У него, видно, был сердечный приступ.

— Мы захватим его на Центральную станцию, там разберутся.

Они понесли труп к машине, открыли задние дверцы и опустили тело старика на пол. Женщина выпрямилась, отерла рукавом лоб и оглянулась вокруг.

- Когда у тебя переливание? — спросила она.
- Сегодня вечером, в двенадцать.
- Отлично. Мы еще успеем поспать.
- Конечно. Прости, я не расслышал твоего имени.
- А я его не называла.

Они одновременно распахнули дверцы машины, каждый со своей стороны, мотор взревел, и машина, разворачиваясь, попятилась назад, так что свет от фар пробежал по всему зданию. Йенсен успел заметить, что чуть поодаль стоят еще три машины. Одна из них полицейская.

«Скорая помощь» исчезла в темноте, и через некоторое время шум мотора стих, заглушаемый дождем, но тут же послышался рев sireны. Вскоре и он стих.

Дождавшись тишины, Йенсен вышел из будки и уверенно зашагал к тому месту, где ранее заметил полицейскую машину. Он хорошо знал эту машину, и, если только в баке остался бензин, ему ничего не стоит включить зажигание с помощью кусочка проволоки.

Однако этого не потребовалось. Дверцы машины не были закрыты, и ключ от зажигания торчал на месте. Йенсен включил верхний свет и осмотрел машину: как будто ничего подозрительного. Бак почти полон; в отделении для

перчаток — начатая пачка сигарет, пистолет и карманный электрический фонарик. Йенсен взглянул на номер машины под щитком управления. Так и есть, машина принадлежала отряду полицейских, обслуживающих аэропорт.

Йенсен нажал на стартер, мотор послушно отозвался. Тогда Йенсен включил фары и выехал на шоссе. Машина неторопливо покатила вперед. Минут через двадцать ее догнала санитарная машина с синим огнем на крыше и включенной сиреной. Но едва она сделала попытку обогнать Йенсена, как он прибавил скорость и вскоре оставил ее далеко позади. Некоторое время спустя мимо него на огромной скорости промчались серый автобус и еще две санитарные машины.

Дождь все хлестал, видимость ухудшилась. Но когда Йенсен проезжал мимо высотных домов, ему показалось, что в одном из них горел свет. До района, где он жил, Йенсену оставалось не более трех километров, когда дорогу ему преградили несколько грузовиков, блокировавших шоссе.

На одном из них, что стоял в центре, висел лист фанеры с наспех намалеванным текстом:

МЕСТО ЗАРАЖЕНО — САНИТАРНАЯ СТАНЦИЯ В 4 КИЛОМЕТРАХ. СЛЕДУЙТЕ ПО ШОССЕ 73!

Стрелка влizu показывала вправо.

Йенсен не сразу увидел преграду, но все же успел остановиться. Водитель, ехавший перед ним, не сумел этого сделать — и сейчас рядом с многотонными грузовиками валялись остатки разбитого автомобиля. Йенсен дал задний ход и свернул на шоссе 73. Миновав еще несколько указателей, направляющих автомобилистов к санитарной станции, он выехал на узкую дорогу, которая вела в сторону от шоссе 73.

Комиссар хорошо знал этот район, тем не менее ему потребовалось не меньше двух часов, чтобы обходными путями добраться до собственного дома. Из-за серой пелены мелкого дождя здания почти не было видно. Йенсен поставил машину на обычное место. Выходя, он прихватил с собой пистолет, электрический фонарик и путевой журнал, который находился в отделении под сиденьем водителя. После этого запер машину, достал из багажника саквояж и вошел в подъезд.

На лестнице было темно. Лифт не работал. В окнах также не было света. Кругом ни звука.

Йенсен включил фонарик и осмотрелся.

Все как обычно. За дверью квартиры лежали четыре конверта, очевидно опущенных в почтовый ящик. На двух из них адрес был напечатан, два надписаны от руки.

Едва он наклонился, чтобы поднять конверты, как фонарик погас. Йенсен несколько раз потряс его, но свет не зажегся. Другого фонарика под рукой не было.

Йенсен взглянул на фосфоресцирующий циферблат часов. Пять минут первого. Итак, с момента получения задания пошли вторые сутки.

В квартире было темно, хоть глаз выколи. Йенсен ощупью добрался до кровати, снял шляпу, плащ, пиджак, галстук и рубашку.

Он смертельно устал. Его путь к дому оказался очень трудным.

В комнате было холодно и сыро — неопровержимое свидетельство того, что отопление тоже было выключено.

Йенсен лег на спину и с головой закутался в одеяло. Затем, в надежде согреться, повернулся на бок и подтянул колени к груди.

Где-то слышалось завывание сирены.

Потом все стихло,

Он проснулся сразу, едва открыл глаза. Серый рассвет проник в комнату. Первое, о чем вспомнил Йенсен, был порванный плащ — лучшее, что у него было, — и что следует умыться. Он встал и направился в ванную. Воды не было. Однако в бачке оставалось немного — хватило на один раз.

Йенсен провел кончиками пальцев по подбородку и вздохнул — ничего не поделаешь, он пользовался только элетрической бритвой.

Вернувшись в спальню, он сменил белье и носки. Вынул чистую белую рубашку. Одевался он быстро, но тщательно, причесался перед зеркалом.

Йенсен замерз и проголодался. Он вошел в кухню и открыл холодильник — пусто. Верпо, три месяца назад он сам убрал все продукты из холодильника и поставил его на размораживание. Правда, в шкафу, за форменными фуражками лежали две бутылки водки, однако Йенсен не испытывал потребности в алкоголе. Он тщательно осмотрел кухонные шкафы и обнаружил в чулане банку меда. Это был единственный съедобный продукт, который ему удалось найти, и, так как пить, кроме водки, было нечего, Йенсену не оставалось ничего другого, как открыть одну из бутылок. Он съел около трети банки меда, запивая его водкой.

Почувствовав себя бодрее, он снова вернулся в спальню и из ящика письменного стола достал полевой бинокль. Встав у окна, он принялся внимательно осматривать местность. Дождь почти прекратился, но из-за тумана по-прежнему было плохо видно. Йенсен направил бинокль на дом напротив, отрегулировал резкость и начал не спеша осматривать окна ряд за рядом. С виду все выглядело как прежде, только ни в одном из окон не горел свет, и прошло немало времени, прежде чем Йенсену удалось заметить при-

знаки жизни. Но вот в окне на седьмом этаже поднялась занавеска и показалось чье-то лицо. Это была женщина. В следующее мгновение рядом появилось лицо мужчины. Лица показались Йенсену бледными и какими-то странными. Возможно, это объяснялось расстоянием или плохим освещением. Через несколько секунд лица исчезли и больше не появлялись. Йенсен прикинул на глаз расположение квартиры и расстояние до нее от входной двери. Так, подъезд В, седьмой этаж, первая дверь налево.

Йенсен продолжал наблюдение и постепенно начал замечать ряд деталей, указывающих на то, что дом обитаем: едва заметные движения в глубине комнаты, тени на занавесках, отражения на стеклах окон. «Пожалуй, — подумал он, — примерно треть квартир заселена».

Послышался слабый шум мотора, и Йенсен направил бинокль в сторону шоссе. Из города проехал автобус. Йенсен не заметил пассажиров, но туман лишил его возможности быть в этом уверенным до конца. Вплотную за автобусом шли две легковые машины белого цвета, судя по всему, «Скорая помощь», с выключенными сиренами и синими огнями на крышах.

Йенсен положил бинокль на подоконник, подошел к кровати и взял плащ. Внимательно осмотрел рукав — вырван кусок сантиметров в двадцать, — сложил плащ и оставил его на столе в коридоре. Затем подошел к шкафу, выбрал другой плащ и повесил его на вешалку в коридоре. Подобрал конверты с написанным от руки адресом и положил их вместе с путевым журналом из полицейской машины на ночной столик возле кровати.

Только после этого он сел и принялся читать. Прежде всего путевой журнал. Он перелистал несколько страниц, пока не добрался до дня своего отъезда. Йенсен начал быстро просматривать страницу за страницей. Сначала все шло как обычно. Шестеро полицейских, пользовавшихся

машиной, работали по двое в три смены. Каждый раз, сдавая дежурство, они подписывали записи своими служебными номерами. Эти же номера стояли на их полицейских бляхах, которые они были обязаны носить во время дежурства на левой стороне груди. У полицейских были следующие номера: 80, 315, 104, 405, 103 и 61. По заведенному раз и навсегда порядку смены были составлены таким образом, что менее опытный полицейский (у него был большой порядковый номер) работал с ветераном. Как правило, в журнале отмечались аресты за пьянство, автомобильные катастрофы, самоубийства и попытки к самоубийству.

Первую тревожную запись Йенсен обнаружил на странице, датированной 30 сентября. Полицейский под номером 80, дежуривший в интервале 16.00—24.00, сделал следующую запись:

16.46 НПРВ 9 КМ ШСЕ ДЕМ 2 АРСТ СД 9 УЧСТ
19.05 ПРД ВСТ ВЗВР ОБРТ

Итак, без четырнадцати минут пять патруль был направлен на девятый километр южного шоссе для наблюдения за демонстрацией. Двое арестованных были доставлены в полицейский участок девятого района. В пять минут восьмого, то есть через два с лишним часа после тревоги, порядок был восстановлен, и патруль возвратился обратно.

Девятый километр находится неподалеку от центральной части города. То обстоятельство, что полицейская машина была вызвана туда из аэропорта, показалось Йенсену примечательным, и он начал внимательнее просматривать журнал. В первую неделю октября появились еще две аналогичные записи, затем они начали встречаться все чаще, в то время как аресты за пьянство неуклонно сокращались. Очевидно, у полиции не оставалось времени следить за алкоголиками. Случаи самоубийства, о которых в

начале журнала упоминалось не реже двух-трех раз в неделю, в дальнейшем почти не попадались.

Йенсен заметил, что одновременно с резким изменением характера патрульной службы полицейские отказались от обычно принятых сокращений в своих записях, ограничиваясь короткими заметками, написанными почти открытым текстом. Записи стали торопливыми, неряшливыми и с каждым разом менее точными. На каждой странице попадались такие слова, как «беспорядки», «мятежи», «столкновения». Очевидно, патруль ежедневно посылали в центр города или в близлежащие районы. Запись от 4 ноября состояла всего из пяти слов:

ЖЕСТОКИЕ СТОЛКНОВЕНИЯ. СРЕЛЬБА. ВОЕННАЯ ПОМОЩЬ.

Слова «санитарный транспорт», впоследствии сокращенные до «снтр», впервые появились в журнале ровно три недели назад. Это, видимо, должно было означать, что «Скорая помощь» не справлялась более со все учащающимися случаями заболеваний, и в помощь ей была придана полиция. После этой записи количество больных, перевозимых полицейскими машинами, непрерывно росло.

Затем «санитарный транспорт» исчез со страниц журнала, его заменили слова «Центральная станция», «районная больница», «главный госпиталь». С понедельника 25 ноября журнал продолжал вести только полицейский под номером 405. Йенсен с особым вниманием прочел последние страницы.

Понедельник. Центральная станция; главный госпиталь, №№ 104 и 315 на службу не явились.

Вторник. № 80 умер в машине. Отвез на Центральную станцию.

Среда. Чрезвычайное положение. Приказ находиться на аэродроме.

Четверг. Приказано участвовать в блокировании взлетно-посадочной площадки.

Пятница. Радио не действует. 81-й участок покинут.

Суббота. Получил приказ прибыть в главный госпиталь, секция В. Автобус.

Эта запись была сделана пять дней назад. Больше записей не последовало. Йенсен перелистал страницы и снова вернулся к записям за последний месяц. Затем захлопнул журнал и отложил его в сторону.

Вдали послышался вой сирены. Он приближался. Йенсен подошел к окну, поднял бинокль к глазам и направил его на шоссе. Видимость по-прежнему была плохой, кажется, снова пошел дождь. Вскоре из тумана вынырнула машина «Скорой помощи». Она ехала не очень быстро, с зажженным фонарем на крыше. Метрах в пятидесяти за ней следовал серый автобус — очевидно, тот, который Йенсен видел раньше. За автобусом ехала еще одна санитарная машина.

Йенсену показалось, что автобус полон. Кортёж проследовал на север, к центру города.

Йенсен быстро направил бинокль на то окно в доме напротив, где раньше заметил лица, и успел уловить слабое движение: будто кто-то чуть отодвинул занавеску, стараясь рассмотреть дорогу.

Вернувшись к ночному столику, он вскрыл конверты и разложил их в хронологическом, как ему казалось, порядке. В первом конверте находилось послание:

«В городе вспыхнула серьезная эпидемия. В связи с этим отменяются всякого рода собрания и митинги. Встречи групп более трех человек запрещаются. Все граждане, не работающие в государственных учреждениях, должны оставаться дома. Школы и ча-

стные фирмы, где число работающих больше трех, немедленно закрываются. Населению рекомендуется пополнить запасы продовольствия. Оснований для паники нет. Правительство запросило медицинскую помощь, прибытие которой ожидается в ближайшее время. Соблюдайте строжайшую чистоту.

Все средства связи, радио, телевидение и телефон будут действовать лишь в ограниченных размерах. Не загружайте телефонную сеть ненужными разговорами.

Первые симптомы заболевания: слабость, головокружение, сильная головная боль, красные круги перед глазами. Если есть подозрение, что вы сами или кто-либо из членов вашей семьи заражены, немедленно обращайтесь в ближайшую санитарную станцию. Санитарные станции размещаются во всех районных школах. Ближайшая станция находится в школе вашего микрорайона.

Строжайше запрещается покидать город.

НЕ ПОДДАВАЙТЕСЬ ПАНИКЕ! ПАНИКА СПОСОБСТВУЕТ РАСПРОСТРАНЕНИЮ ЭПИДЕМИИ!»

Послание, датированное 15 ноября, было выпущено Министерством здравоохранения, как и следующее, опубликованное ровно через неделю:

«Эпидемию удалось локализовать, однако положение по-прежнему остается серьезным.

Следуйте ранее обнародованным инструкциям. Дальнейшие сообщения будут передаваться по радио. Снабжение электроэнергией и водой в ближайшие дни будет ограничено. Поэтому наполните ванны и все имеющиеся у вас сосуды питьевой водой. Экономьте электроэнергию.

Все здоровое население с удостоверениями доноров должно прибыть на ближайшую санитарную станцию или прямо в главный госпиталь, секция В.

НЕ ПОДДАВАЙТЕСЬ ПАНИКЕ!»

Два других листка заметно отличались от извещений, разосланных Министерством здравоохранения. Во-первых, бумага была другой и меньшего формата. Во-вторых, они были напечатаны не типографским способом, а на ротаторе. И хотя ни на одном из них не было даты, Йенсену удалось установить, сравнив текст с записями в журнале полицейского патруля, что первое послание было разослано в прошлую среду, то есть 27 ноября. Текст его был кратким:

«С полуночи объявляется чрезвычайное положение. Всем жителям, кроме больных и доноров, категорически запрещается покидать квартиры. Каждый, кто обнаружит у себя признаки заболевания, обязан немедленно обращаться в районную санитарную станцию или непосредственно в Центральное налоговое управление, расположенное на 6-километровой отметке шоссе № 2. Донорам надлежит явиться в районную санитарную станцию или в центральный госпиталь.

Ждите дальнейших сообщений.

Главный районный врач»

Услышав шум мотора Йенсен подошел к окну и взял бинокль. По шоссе, направляясь на север, промчались три тяжело нагруженных военных грузовика. Груз был закрыт брезентом.

Йенсен взглянул на часы. Без одной минуты восемь.

Он вернулся к кровати и прочитал последнее извещение, размноженное на ротаторе:

«Эпидемия локализована, но чрезвычайное положение остается в силе. Начиная с этого момента, жителям категорически запрещается выходить из дома. Больные и доноры также должны оставаться дома и ожидать дальнейших указаний. Нарушители, подвергающие серьезной опасности здоровье нации, будут караться по всей строгости закона».

Это извещение также не имело даты. Под ним стояла та же подпись — главный районный врач.

Йенсен раскрыл чемодан, вынул два пистолета и аккуратно положил их на кровать.

Служебный пистолет, который он прихватил из полицейской машины, оказался парабеллумом 9-миллиметрового калибра. Что и говорить, надежное оружие. С другой стороны, беретта легче и удобнее.

Йенсен оставил оба пистолета на кровати, взял вместо них шариковую ручку и чистый блокнот, надел плащ и вышел из квартиры. По пути открыл люк мусоропровода и бросил туда порванный плащ.

12.

Йенсен неторопливыми шагами пересек участок, отведенный для стоянки автомобилей, и детскую площадку. Пластмассовые павильоны для игр напоминали легкие, прозрачные йглу. Но детская площадка была пуста. Даже до начала событий детей в этом районе почти не было.

Входная дверь и тесный вестибюль дома, в который он вошел, ничем не отличались от двери и вестибюля дома, где жил Йенсен. И там было темно и лифт не работал. Йенсен начал подниматься по узкой винтовой лестнице. На полпути остановился, чтобы перевести дыхание, прислушался. Он не сомневался, что в доме, по крайней мере в не-

скольких квартирах, есть люди. Кроме того, он прекрасно знал по собственному опыту, что дом выстроен наспех и стены его отличаются особой звукопроницаемостью. Но кругом было тихо и ничто не выдавало присутствия людей.

На площадке седьмого этажа он снова остановился, осмотрелся, затем легонько постучал в одну из дверей. Ни звука в ответ. Йенсен подождал, затем снова постучал. На этот раз сильнее. Вновь безрезультатно.

Тогда он грохнул по двери кулаком и крикнул:

— Откройте, полиция!

Тут ему показалось, будто из квартиры донесся какой-то звук — не то шепот, не то сдавленный вздох.

Йенсен взглянул на дверь. Пожалуй, ему не составило бы большого труда открыть ее. В соответствии с законами о запрещении спиртных напитков полиция имела право беспрепятственно входить в частные квартиры. Йенсен всегда носил с собой набор универсальных ключей, с помощью которых легко мог открывать все обычные замки в квартирах и конторах. В упомянутых законах имелся целый ряд специальных ограничений, исключений, разъяснений, причем все они были сформулированы одинаково неопределенно. Там указывалось также, что жильцы не имеют права устанавливать в квартирах засовы и специальные замки. Во всяком случае, в обычных условиях. Но так как никто не мог объяснить разницу между обычными и особыми условиями, то этот вопрос решался всегда на месте. На сей раз речь шла об обычном жилом доме и обычной двери, ведущей в квартиру, поэтому Йенсену не сложно было ее открыть. Но для этого требовалось, чтобы он подозревал хозяев квартиры в преступных намерениях.

Внезапно за дверью началось какое-то движение. Казалось, там передвигали тяжелые предметы. Видимо, те, кто находился в квартире, пытались забаррикадироваться.

Йенсен повернулся и начал спускаться вниз по лестни-

це. Еще на четвертом этаже он слышал шум, доносящийся из квартиры, — там подтаскивали к двери мебель.

(Дверь открывалась внутрь. Йенсен не сомневался, что в случае необходимости сумел бы ее взломать.)

На улице все так же шел дождь, мелкий и успокаивающий. По-прежнему стоял туман, и тучи, казалось, нависли над самой головой.

Йенсен остановился и посмотрел вокруг. Полицейская машина стояла там, где он ее оставил накануне.

Автомобиль был построен специально для патрульной службы — у него были бронированная обшивка и пуленепроницаемые стекла и шины. Он запирался изнутри, был оборудован двусторонней радиосвязью и магнитофоном. На автомобиле был установлен специальный двигатель с форсажом. Йенсен хорошо знал подобного рода машины. Подойдя к автомобилю, он без труда отпер дверцу и сел за руль. Включил магнитофон. Магнитофон работал, но лента оказалась чистой. Тогда Йенсен включил радиоприемник. Приемник тоже действовал, и Йенсен отчетливо слышал шум в эфире. Это было все. Он выключил приемник, завел мотор, выехал на шоссе и направился к центру города.

И хотя ничто не препятствовало движению — автомобиль в одиночестве двигался по широкой автостраде, — Йенсен не торопился.

Минут через двадцать сзади послышался гудок клаксона. Йенсен взглянул в зеркало. Метрах в пятидесяти от него появилась белая машина «Скорой помощи». Йенсен не снизил скорости, но машина, не переставая сигналить, быстро догоняла его. Когда она поравнялась с полицейским автомобилем, Йенсен увидел на переднем сиденье двух мужчин в белых халатах. Мужчина, сидящий за рулем, отчаянно жестикулируя, пытался что-то ему объяснить жестами, но Йенсен невозмутимо продолжал путь. Тогда санитарная машина опередила полицейский автомобиль и на-

чала оттеснять его с дороги на обочину. Шофер «Скорой помощи» выполнял этот маневр не очень искусно, и прошло не менее двух минут, прежде чем Йенсену удалось затормозить, чтобы избежать столкновения. «Скорая помощь» тоже остановилась поперек шоссе. Йенсен выключил зажигание, но с места не двинулся. Теперь он увидел, что его догнала не обычная карета «Скорой помощи», а фургон, покрашенный в белый цвет; на его бортах и задней дверце был небрежно намалеван красный крест.

Мужчины вышли из машины и направились к Йенсену. За исключением синих повязок на руках, на них все было белое. Белые халаты, белые брюки, белые деревянные башмаки.

Один из них высокий, с откинутыми назад длинными волосами и холеной темной бородкой. Из-под очков в черной оправе глядели серо-голубые глаза. На лице застыло серьезное, даже торжественное выражение.

Второй худощавый, небольшого роста, с узким лицом. Волосы зачесаны набок, одна прядь падала на лоб. Полные губы раздвинуты в неуверенной улыбке. Взгляд карих глаз казался отсутствующим и был устремлен куда-то вниз.

Высокий попытался открыть дверцу автомобиля Йенсена. Дверца не открывалась. Тогда он сделал нетерпеливый жест и начал что-то говорить.

Йенсен показал на другую сторону автомобиля, протянул руку и нажал кнопку. Стекло опустилось. Люди в белых халатах обошли автомобиль.

— Вы больны или здоровы? — торопливо спросил высокий.

— Здоров.

— Выходите, мы должны вас осмотреть.

Йенсен не ответил. Высокий сердито посмотрел на него.

— Разве вы не слышали, что я сказал?

— Слышал.

— Тогда выходите.

Худошавый потянул товарища за рукав, показал на борт автомобиля и что-то произнес. Его голос был таким тихим и невнятным, что Йенсен не сумел разобрать слов. Высокий, выслушав его, кивнул, и снова посмотрел на Йенсена.

— Почему вы ездите в полицейском автомобиле?

— Потому что я полицейский.

Йенсен показал свой служебный значок.

— В таком случае вы больны, — категорическим тоном заявил высокий.

— Мы о вас позаботимся, — сказал тот, что поменьше, не глядя на Йенсена. — Ваше состояние может быть очень серьезным.

— Да, ваше состояние может быть очень серьезным, — повторил высокий твердым голосом.

— Я совершенно здоров. А кто вы такие?

— Врачи.

— У вас есть документы?

Мужчины одновременно сунули руки в карманы халатов и достали удостоверения в пластмассовых чехлах. Йенсен кивнул. Удостоверения казались подлинными.

— Вы нарушили запрещение выходить на улицу, — сказал высокий. — Мы обязаны вас задержать.

— Обязаны вас задержать, — прошептал маленький.

— Не думаю, — ответил Йенсен. — Повторяю, я из полиции.

— Ваше звание?

— Комиссар.

— Полиция не имеет никакой власти в городе. Кроме того, вы больны.

— А кто обладает властью? — спросил Йенсен.

— Органы здравоохранения.

— Кто ваш ближайший начальник?

— Главный врач.

— Главный врач?

Человек с застывшей улыбкой на узком лице снова прошептал что-то едва слышным голосом.

— Вот именно, — кивнул высокий. — Мы не обязаны отвечать на ваши вопросы. В городе объявлено чрезвычайное положение. Вы нарушили закон и ставите под угрозу безопасность населения.

Йенсен промолчал.

— Вы серьезно больны, и мы отвезем вас в больницу. Не беспокойтесь, все будет в порядке.

— Не беспокойтесь, — повторил маленький тихим голосом.

Он сунул руку в карман и достал шприц. Задумчиво повертел его в руках и сказал, ни к кому не обращаясь:

— Какая у него группа крови?

— Какая у вас группа крови? — спросил высокий тоном, не допускающим возражения.

— РХ-отрицательная, — ответил Йенсен.

Человек со шприцем на мгновение ожил.

— Великолепно, — прошептал он. — Великолепно. Пусть он выйдет из машины.

— Выходите из машины, — приказал высокий.

Йенсен не двинулся с места.

— У нас чрезвычайные полномочия. Необходимо остановить распространение эпидемии. Вы сами должны это понять. Исполняйте, что вам приказывают.

— Куда вы хотите меня отвезти?

— В центральный госпиталь, — ответил высокий.

— Палата «В», — пробормотал его коллега.

— Я сам поеду туда.

— Выходите немедленно. У нас нет времени на разговоры. РХ-отрицательная, — пробормотал маленький и взглянул на шприц.

— У нас есть более важные дела, — добавил высокий.
— Отлично, — сказал Йенсен. — В таком случае до свидания.

Он протянул руку и нажал на кнопку. Стекло поползло вверх и отделило его от врачей. Человек со шприцем бросился вперед и в бессильной ярости дернул за ручку автомобиля. Высокий успокаивающим жестом взял его под руку и повел к «Скорой помощи». Маленький время от времени подозрительно оглядывался на Йенсена.

Врачи сели на переднее сиденье машины и, не закрывая дверцы, принялись что-то делать. Через мгновение Йенсен увидел, как человек с бородкой поднес к губам микрофон и его губы зашевелились.

Йенсен немедленно включил радиоприемник и повернул рычажок настройки. Не прошло и пятнадцати секунд, как он нашел нужную частоту. Очевидно, еще до того, как человек в «Скорой помощи» успел вызвать свой радиоцентр.

— Центральный госпиталь, центральный госпиталь. Вызываю центральный госпиталь. Черт бы их побрал, не отвечают. Ну, наконец-то.

В радиоприемнике что-то затрещало, и едва слышный хрипловатый мужской голос произнес:

— Докладывает машина номер триста.

— Что случилось?

— Мы находимся на южном шоссе у...

Из приемника донесся треск, и связь прервалась. Йенсен повернул рычажок настройки и вскоре снова различил голоса.

— ...полицейский автомобиль?

— Да.

— Комиссар полиции?

— Да.

— Немедленно доставьте его сюда.

- Он отказался следовать за нами.
- Разве вы не вооружены?
- Н-нет, у нас есть пистолет. Но...
- В чем же дело?
- Мы не знаем, как с ним обращаться.
- Идиоты!

На мгновение наступила тишина. Затем в приемнике послышался раздраженный голос:

— Ладно, высылаем санитарный патруль. Постарайтесь его задержать.

Йенсен тут же включил мотор, дал задний ход и начал отъезжать от «Скорой помощи».

— Он уезжает!

Йенсен уже проехал «Скорую помощь» и увеличил скорость. Посмотрев в зеркало, он увидел, что белая машина также начала набирать скорость.

— Он уходит от нас, — донеслось из динамика.

— В каком направлении?

— На север.

— Не беспокойтесь и следуйте за ним. Ему придется остановиться у въезда в транспортный туннель. Дальше он не проедет.

Йенсен нажал на педаль, машина рванулась вперед и через несколько секунд «Скорая помощь» исчезла в пелене мелкого дождя. У первой же развилки он свернул с шоссе вправо.

Через четверть часа ему снова удалось подслушать разговор по радио.

— Этот полицейский...

— Да?

— Он исчез.

Голос врача звучал очень серьезно, но, казалось, потерял свою торжественность. На этот раз ему ответил женский голос.

- Это не имеет значения, — ответила она безразлично. — Он все равно не проедет в запретную зону.
- Нам нужно ехать обратно.
- Поезжайте и не беспокойтесь.

13.

Оставив в стороне жилые массивы, комиссар Йенсен пересек огромные промышленные районы и заброшенные, поросшие бурьяном пустыри, чудом ускользнувшие от внимания спекулянтов земельными участками. Промышленные предприятия, казалось, вымерли, и птицы были единственными живыми существами, которые встретились Йенсену на пути. Дорога, которую он выбрал, шла мимо Центральной городской станции очистки, и чем ближе к ней, тем больше птиц — в основном белых и черных — ему попадалось. Йенсен был полицейским комиссаром, а не орнитологом и потому затруднялся определить их вид. К тому же в их скоплении здесь он не усмотрел ничего удивительного.

Несмотря на дождь, кучи мусора продолжали гореть, испуская отвратительное зловоние. Едва Станция осталась позади, как количество птиц заметно уменьшилось.

Радиоприемник был по-прежнему включен, однако ничего нового Йенсен не услышал. Очевидно, госпиталь и машины «Скорой помощи» общались между собой на нескольких частотах.

Йенсен миновал редкий лесок, больше похожий на свалку. Большинство деревьев погибло, а на уцелевших редкая, покрытая густым слоем пыли листва виднелась лишь на вершинах. Дорога была узкой и неровной. По ней редко ездили, и никто не заботился о ее состоянии. Йенсен сбавил скорость и остановился на опушке.

Он прекрасно знал это место — двадцать первый поли-

цейский округ, на самой границе с центром города. Если центр действительно закрыт, сейчас ему предстоит преодолеть критический участок пути. Дорога шла вверх, к вершине холма. За холмом находился стандартный жилой квартал: шесть домов, автобусная остановка, магазин самообслуживания и несколько киосков. Жилые дома вытянулись по одной стороне широкой улицы. На противоположной стороне высилась железнодорожная насыпь, которая вела к Центральной станции очистки. И хотя это была даже не улица, а скорее тупик, она была связана с дорогой, на которой сейчас стоял Йенсен. Это знали все жители района. Более того, это было известно каждому, кто знал план города.

Выйдя из машины, Йенсен запер дверцу, сошел с дороги и направился к поросшей кустами вершине холма. Здесь он остановился и внимательно осмотрелся. Зброшенные высотные здания как бы застыли под пеленой мелкого морсящего дождя. На конечной остановке стоял пустой автобус. В магазине было выбито окно. Всюду — в домах и на улице, которую Йенсен окинул зорким взглядом, — ни души. На улице не было видно никаких заграждений. Конечно, закрыть все улицы, ведущие к центру города за пределами этого района, практически невозможно.

Йенсен уже собиpался вернуться к автомобилю, как вдруг ему показалось, будто в магазине кто-то копошится. Он замер. Через некоторое время опять послышались какие-то неясные звуки и через разбитое окно на улицу вышел человек.

Вот он выпрямился, и Йенсен увидел, что это ребенок. Маленький ребенок в желтой нейлоновой куртке, голубых брюках и красных резиновых сапогах. Расстояние было слишком большим, и Йенсен не мог с уверенностью сказать, кто это, мальчик или девочка. В руке у него было что-то зажато. Оглянувшись по сторонам, ребенок, петляя,

побежал к дому, который ближе других отоял к лесочку.

Йенсен быстро подошел к зданию, в котором не было окон, и прижался к стене. Осторожно выглянув из-за угла, он увидел идущего по тротуару мальчика. В руке у него был пластмассовый пакет с разноцветными карамельками. Мальчик шел, неуклюже загребая ногами, слишком увлеченный сладостями, чтобы следить за походкой. Два раза он едва не упал.

На вид малышу было года четыре, от силы пять. Он повернулся и вошел в последний подъезд, всего метрах в пяти от угла дома. Ему пришлось навалиться на дверь всем телом, прежде чем он сумел ее открыть.

Йенсен пробежал вдоль стены и последовал за мальчиком. На лестнице отчетливо слышались шаги ребенка.

14.

Какое-то время комиссар Йенсен неподвижно стоял перед дверью. В квартире как будто все вымерло, но он знал, что минуту назад в эту дверь вошел мальчик. Он знал также, что за дверью, которая, очевидно, была уже приоткрыта, кто-то ждал ребенка и сразу же втащил его в квартиру, пробормотав что-то укоризненное. Йенсену, который в эту минуту находился на площадке между этажами, голос показался хриплым и встревоженным. Йенсен ступал очень осторожно, и, очевидно, никто его не заметил.

Он тихонько постучал в дверь. Ответ последовал немедленно. По коридору прошлепали мелкие, быстрые шаги. Затем кто-то приподнял крышку над прорезью для почты. Через узкое, сантиметра три шириной, отверстие на Йенсена смотрели два широко раскрытых синих глаза, опущенных густыми ресницами. За дверью на коленях стоял маленький мальчик и в щель рассматривал Йенсена.

— Это какой-то дядя, — сказал мальчик звонким голосом.

— Отойди от двери! Сейчас же отойди от двери!
Голос принадлежал женщине.

— Это какой-то дядя, — повторил мальчик. — Он стоит за дверью.

— Иди сюда. Бога ради, иди сюда, — сказала женщина голосом, полным отчаяния.

Йенсен снова постучал, на сей раз сильнее. Крышка со стуком упала. Кто-то оттащил мальчика от двери.

— Откройте! — сказал Йенсен.

После длительной паузы послышался слабый женский голос:

— Кто это?

— Полиция. Откройте.

Снова тишина. Наконец женщина спросила:

— Что вам нужно?

— Я видел, как мальчик украл пакет с конфетами из магазина. Откройте.

Йенсен постучал еще раз. Ответа не последовало.

— Если вы не откроете, я обойдусь без вашей помощи.

Он слышал, как люди за дверью перешли на другое место, стараясь двигаться как можно тише.

Йенсен достал из кармана ключи. Замок на двери был обычной конструкции, и он, не колеблясь, выбрал одну из специально изготовленных для таких целей отмычек, вставил ее в скважину и повернул. Легкий щелчок подтвердил, что замок открылся. Йенсен толкнул дверь, и она распахнулась, чуть слышно скрипнув. Шторы на окнах были задернуты, однако света было достаточно и он мог без труда рассмотреть квартиру. Она ничем не отличалась от его собственной и была обставлена такой же стандартной мебелью. Посреди комнаты недвижимо, словно изваяние, крепко держа мальчика за руку, стояла женщина. Малыш смотрел

па Йенсена широко раскрытыми глазами, но страха не проявлял.

Йенсен стоял, не шевелясь, и смотрел вперед. Справа от себя, сквозь доносящийся с улицы шум дождя он уловил сдерживаемое дыхание.

— А ну-ка, — сказал он. — Отойдите от двери и встаньте рядом с ними.

Женщина со страхом взглянула на него. Пальцы руки, стиснувшей руку мальчика, побелели. Йенсен достал из кармана полицейский значок.

— Отойдите от двери и встаньте рядом с ними, — повторил он. — Это приказ, и я не собираюсь повторять его.

Послышался вздох, и мужчина, стоявший за распахнутой дверью, покорно направился к центру комнаты. Он встал рядом с мальчиком и обескураженно посмотрел на Йенсена. Мужчина был небольшого роста, без ботинок, в растегнутой на груди рубашке. В руке он держал молоток.

Йенсен протянул свой полицейский значок.

— Я — Йенсен, — сказал он. — Комиссар шестнадцатого участка. Я веду расследование и хочу побеседовать с вами.

— Полицейский, — недоверчиво повторил мужчина. — Ведете расследование?

— Он еще не понимает, — торопливо заговорила женщина, пытаясь скрыть растущий страх. — Он еще маленький. Всего четыре года. Он еще ничего не понимает.

— Положите молоток, — сказал Йенсен.

Не спуская с Йенсена глаз, мужчина наклонился и осторожно, как бы избегая лишнего шума, опустил молоток на пол. Его взгляд говорил скорее о безразличии и страхе, нежели о решимости и ненависти.

— Он умеет одеваться сам и научился открывать дверь. Он привык играть на улице. Сегодня он убежал, когда мы были в кухне и не успели остановить его.

Женщина замолчала и посмотрела на Йенсена полными страха глазами.

— Он еще такой маленький, — повторила она.

— Вы его родители?

— Да.

— Родители несут ответственность за своих малолетних детей.

— Да, но...

— Почему вы не пошли за ним и не вернули его?

Мужчина удивленно посмотрел на Йенсена.

— Мы не решились...

Йенсен перешагнул порог и захлопнул за собой дверь.

— Он чувствует себя одиноким, — сказал мужчина вполголоса, как бы про себя. — Мне следовало бы избить его до полусмерти.

В квартире пахло мочой, отбросами и экскрементами. Но жильцы, казалось, этого не замечали.

— Отвратительный запах, — заметил Йенсен.

— Нет ни воды, ни электричества, — ответила женщина. — Мусоропровод и канализация не работают. А окна мы не решаемся открыть.

Йенсен достал шариковую ручку и блокнот.

— Почему?

— Странно, что вы об этом спрашиваете, — сказал мужчина. — Разве вы не знаете, что случилось?

Йенсен промолчал.

— Эпидемия. Вы слышали об эпидемии?

— Скажите, вы сами или кто-либо в вашей семье пострадал от эпидемии?

— Нет.

— Вам известен кто-нибудь, кто заразился этой болезнью?

— Да. Несколько человек, которые жили в этом районе. Но мы не были с ними знакомы.

— Что с ними случилось?

— Их отвезли в госпиталь. Правда, один из них умер еще до приезда «Скорой помощи». Между прочим, он тоже был полицейским.

— И из-за страха заразиться вы не выходите из квартиры?

Мужчина неуверенно посмотрел на Йенсена.

— Да, отчасти,— ответила женщина.

— Отчасти?

— Мы не должны выходить из дому,— сказала она.— Это не разрешается.

— Однако никто не запрещает вам открывать дверь своей квартиры.

— Это правда, — нехотя согласился мужчина. — Но...

— Продолжайте.

— Я не знал, что вы из полиции. Я думал...

Он замолчал. Вместо него заговорил маленький мальчик:

— А ты дядя полицейский?

— Да,— серьезно ответил Йенсен.— Я полицейский.

— Вот уже несколько недель, как мы не видели ни одного полицейского, — сказала женщина. — Мы думали, что полицейских больше не осталось.

Йенсен снова обратился к мужчине.

— Где вы работаете?

— В городском Управлении по поддержанию чистоты. На Центральной станции очистки. То есть работал, пока это не началось.

— Что «это»?

— Сначала все только и говорили, что об этой ужасной болезни. Затем появилось сообщение о том, что опасность заражения чрезвычайно велика и поэтому все виды работ, кроме самых необходимых, прекращаются. Скажите, почему вы спрашиваете меня обо всем этом?

— Потому что я ничего не знаю, — ответил Йенсен. — Я был в отъезде.

— Ага, — недоверчиво сказал мужчина.

— В каком виде вы получили это сообщение?

— Оно было напечатано на листках бумаги, опущено каждому в почтовый ящик. То же сообщение повторили по телевидению. Тогда еще телевидение работало. Это было ровно в середине прошлого месяца.

— А потом?

— Мы продолжали работать как обычно. Очистка входила в число чрезвычайных мероприятий.

— Что вы слышали об эпидемии?

— Я слышал, что тысячи людей находятся в больницах. Что люди мрут как мухи. И что требуются доноры. И тогда...

— Продолжайте.

— Примерно через неделю забастовали работники телевидения и радио, и мы получили приказ прекратить работу. И тогда появилась новая листовка. В ней говорилось, что теперь опасность не столь велика, но все-таки следует запастись продуктами и водой и не выходить из дому. И сообщалось, что требуются доноры.

— И вы вызвались стать донором?

— Сдавать кровь? Нет. Я слышал, что некоторые согласились, но...

— Договаривайте.

— Они не вернулись обратно.

— И с тех пор вы не выходили из квартиры?

— Нет, что вы! О запрещении покидать квартиры было объявлено всего лишь неделю назад, в прошлую среду. За день до этого прекратили подачу воды. А электричество выключили несколькими днями раньше, в пятницу.

— Как вам об этом сообщили?

— Раздавали листовки.

— Кто это делал?

— Солдаты и санитары. Кроме того, по улицам разъезжали автомобили с громкоговорителями и все время объявляли, что выходить на улицу запрещается, что требуются доноры и что следует слушаться только врачей и медицинский персонал.

— Автобусы продолжали ходить?

— Нет, автобусное сообщение было прервано гораздо раньше. Одновременно с прекращением выпуска газет.

— Сколько людей здесь осталось?

— Не знаю. Несколько человек.

— А где остальные?

Мужчина долго смотрел на Йенсена, прежде чем ответить. Наконец он спросил:

— А вы разве не знаете?

— Нет. Где они?

— Не знаю. Ничего не знаю.

— Когда они переехали?

— Они не переехали, — сказала женщина. — Их арестовали.

— Арестовали?

— Странно, что вы этого не знаете. Мы думали, что такое творится всюду.

— Все были арестованы сразу?

— Сначала забрали детей. Это было вечером, накануне того дня, когда объявили чрезвычайное положение и запретили выходить на улицу. К дому подъехал автобус. В нем находилось четверо: двое мужчин и двое женщин. Они ходили из квартиры в квартиру и забирали всех детей до двенадцати лет. В нашем районе их не так-то много.

— Вы не пустили их в квартиру?

— Пустили. Но это был последний раз, когда мы открыли кому-либо дверь. К нам зашла одна из женщин. Она хотела забрать его с собой.

И мужчина показал на мальчика.

— Но мы отказались. Тогда она рассердилась и заявила, что если бы она могла, то забрала бы его от нас силой. Она и в самом деле попыталась это сделать, но я выставил ее за дверь.

— Почему она хотела забрать ребенка?

— Сказала, что для его же блага, а мы этого не понимаем. И еще сказала, что если бы они имели возможность, то увезли бы и нас тоже.

— Вы не знаете, кто она такая?

— Не знаю. Мы раньше никогда ее не видели. Наверно, медсестра. Правда, она не назвалась, но на ней была форма. По-моему, какой-то зеленый комбинезон.

— Куда они собирались отвезти детей?

— По ее словам, в какое-то безопасное место. Когда я спросил, куда, она ответила, что не знает. Мы не решились отпустить его.

— А другие дети вашего района?

— Многие уехали в автобусе. Я видел, как их посадили в автобус и отправили.

— Сколько там было человек?

— Около тридцати.

Йенсен быстро прикинул: значит, в автобусе увезли почти всех детей района.

— Несчастные родители, — сказала женщина. — Чудовищно отбирать детей!

— И вы не знаете, кто были эти люди?

— Нет.

— У них были на руках повязки?

— Нет.

— Среди детей были больные?

— Я этого не заметил.

— Что произошло потом?

— На следующий день объявили чрезвычайное поло-

жение и запретили выходить на улицу. Но детей уже не было.

— А жители продолжали оставаться?

— Да, только никто не выходил на улицу. На следующее утро, это было в прошлый вторник, прибыли четыре автобуса и три машины «Скорой помощи».

— Какие автобусы?

— По-моему, военные. В них сидели в основном врачи и санитары, но и человек десять солдат из медицинских войск. Я их форму знаю. Сам когда-то служил в медсанбате.

— А полицейские?

— Полицейских не заметили. Правда, мы смотрели очень осторожно, старались, чтобы нас не увидели. Кстати, мы спрашивали о поязках. Вот у них были голубые поязки. У всех поголовно. Какая-то женщина, врач или медсестра, объявила по радио, что все здоровое население будет эвакуировано — чтобы спасти его от эпидемии. Нас хотели отвезти куда-то, где опасность была не так велика. Она сказала, что ничего не нужно брать с собой, так как скоро мы вернемся обратно, а там, куда нас отправляют, все необходимое имеется. Мы только должны побыстрее спуститься вниз и оставить двери квартир открытыми, чтобы они смогли продезинфицировать помещение. После этого нас подвергнут вакцинации. Она сказала, это приказ какого-то генерала или что-то вроде этого.

— Генерального врача?

— Вот-вот. Многие спустились вниз и сели в автобусы.

— А вы остались?

— Да... Мы испугались, когда забирали детей, и решили остаться в квартире.

— Что-нибудь случилось потом?

— Да. Да, конечно.

Мужчина растерянно посмотрел на жену.

— Это было ужасно, — сказал она. — После того как, несмотря на уговоры, никто больше не вышел из домов, санитары и солдаты отправились по квартирам...

— Продолжайте.

— Я вышел на лестницу, — запинаясь, проговорил мужчина. — И я... да, я слышал, что, стоило им обнаружить запертую дверь, как они взламывали ее и выволакивали тех, кто не хотел уезжать. Тогда мы открыли входную дверь, а сами спрятались в платяном шкафу. Они нас не нашли.

— Я все время зажимала ему рот рукой, — сказала женщина и посмотрела на мальчика. — Я боялась, что душу его. Примерно через полчаса снова раздался рев сирен, и они уехали. Только тогда мы решились выйти.

— После этого никто больше сюда не приходил?

— До вас никто, — сказал мужчина. — Но время от времени по улице проезжали машины «Скорой помощи». Они забирали тех, кто осмеливался выйти на улицу.

— Нельзя выходить из дому, — сказала женщина и стиснула руку ребенка.

— В вашем доме кто-нибудь остался еще?

Они нерешительно переглянулись.

— Вы слышали мой вопрос? — спросил Йенсен.

— Да, — сказал мужчина, — слышали.

— Так как же?

— Нет, мы в доме не одни. Еще несколько человек спрятались. Мы их не видим, но слышим.

— Стены такие тонкие, — сказала женщина извиняющимся голосом.

Йенсен пристально смотрел на мужчину.

— Ответьте мне еще на один вопрос, — сказал он.

— Да?

— Почему вы отказались выполнить приказ об эвакуации, когда почти все ему подчинились? И почему вы не отпустили ребенка в безопасное место?

Мужчина переступал с ноги на ногу и растерянно смотрел по сторонам.

— Отвечайте, когда вас спрашивают!

— Ну, я работал дольше других и...

— И что?

— Мои товарищи по работе обслуживали поезда и автомашины, вывозившие отбросы из центрального госпиталя и из огромного здания Центрального налогового управления. Они говорили...

Мужчина замолчал.

— Я жду.

— Что все, кого привозили в больницы, там заражались и умирали. И доноры, и все остальные.

— Но ведь ваши коллеги не заразились?

— Нет. Но их никогда не пускали внутрь.

— Значит, это всего лишь слухи?

— Да, — сказал мужчина. — Слухи.

Йенсен внимательно посмотрел в свою записную книжку, затем спросил:

— А что произошло раньше, до эпидемии?

Мужчина и женщина уставились на Йенсена непонимающим взглядом.

— Ничего, — сказал мужчина. — Я работал.

— Были же всякие беспорядки, волнения. Отложили выборы.

— Я слышал об этом. Но по телевидению ничего об этом не говорили, да и в газетах не было ни слова.

— Ни слова?

— Только сообщили, что выборы откладываются, так как враждебные обществу элементы непременно хотят их сорвать.

— Вам приходилось встречаться с этими враждебными элементами на работе?

Мужчина пожал плечами.

— Откуда мне знать? Полиция, правда, арестовала несколько человек.

— Какая полиция?

— Не знаю. Говорили, будто тайная полиция.

— У нас нет тайной полиции.

— Ах, вот как? Нет тайной полиции?

— Нет. Сколько человек было арестовано?

— Всего несколько человек. И еще несколько скрылись сами.

— Куда?

— Не знаю.

— А вы интересуетесь политикой?

— Нет.

— Вы голосуете на выборах?

— За всеобщее взаимопонимание? Конечно.

Женщина беспокойно зашевелилась.

— Это неправда, — сказала она тихо.

Мужчина посмотрел на нее с несчастным видом.

— Ну, если говорить откровенно, раньше голосовали, а теперь уже не голосуем. Но ведь это не преступление, верно?

— Нет.

Мужчина пожал плечами.

— Зачем голосовать, — сказал он. — Все равно никто ничего не понимает.

Йенсен закрыл записную книжку.

— Итак, вы сами никаких беспорядков не замечали?

— Нет, я только слышал, что говорили другие.

— А о чем они говорили?

— Что многим социалисты стали поперек горла. Участников демонстрации избили.

— Когда это случилось?

— Во время одной из демонстраций, наверно. И поделом.

Йенсен положил в карман блокнот и ручку.

— Вы не знаете, кто разбил витрину в магазине напротив?

— Знаю. Те, кто приезжал за детьми. Они вошли в магазин и погрузили в автобус массу разных вещей и продуктов.

Мальчик пробормотал что-то непонятное. Женщина попыталась его унять.

— Что он хочет? — спросил Йенсен.

— Он спрашивает, есть ли у дяди полицейского «бах-бах», — покраснела женщина. — Он имеет в виду пистолет.

— Нет, у меня нет пистолета.

Йенсен посмотрел на открытый пакет с конфетами, который мальчик по-прежнему держал в руке, и строго сказал:

— Когда положение нормализуется, не забудьте заплатить за конфеты.

Мужчина кивнул.

— Иначе у вас могут быть неприятности.

С этими словами Йенсен направился к двери. Женщина последовала за ним и неуверенно спросила:

— А когда положение нормализуется?

— Этого я не знаю. Пожалуй, вам лучше пока не выходить на улицу. До свидания.

Они промолчали.

Комиссар Йенсен вышел на лестницу и осторожно прикрыл за собой дверь.

15.

По дороге к шестнадцатому полицейскому участку ему не встретилось ничего заслуживающего внимания. Улицы в центре города опустели, сам центр словно вымер. Магазины были закрыты, на дверях висели замки; не работали

и сверкающие хромом столовые, где раньше частный синдикат общественного питания по контракту с Министерством здравоохранения продавал основанные на научном принципе, но малосъедобные стандартные блюда. Единственно, в чем выражалась забота и внимание к потребителю, были названия столовых: почти все они назывались «Кулинарным раем», но встречались и такие названия, как «Лакомый кусочек», «Мечта повара», «Ешь и наслаждайся» и так далее. В витринах лежали пластмассовые муляжи, повсюду — и в витринах, и в самих помещениях — висели плакаты, распространяемые Министерством здравоохранения и синдикатом. В основном это были напоминания вроде: «Хорошенько пережевывай пищу, но не занимай места напрасно. Тебя ждут другие». В этих призывах были отражены интересы обеих сторон. Во время болезни Йенсен редко посещал подобные заведения. Но он знал, что пища для этих столовых готовилась централизованно и упаковывалась по порциям. Несколько лет назад рационализация зашла столь далеко, что во всех столовых и ресторанах синдиката ежедневно продавали только одно блюдо, и это считалось прогрессом, ибо вело к значительной экономии, другими словами, росту прибылей. Стандартные блюда, предназначенные для массового потребления, составлялись экспертами Министерства здравоохранения. Типичный обед состоял из трех ломтиков холодного мясного фарша, двух печеных луковиц, пяти вареных картофелин, листика салата, половинки помидора, трети литра пастеризованного молока, густого мучного соуса, порции витаминизированного маргарина, кусочка плавленого сыра, кружки черного кофе и пирожного. На следующий день продавали то же самое, только мясо заменяли рыбой. Пища подавалась в гигиенических пластмассовых пакетах. Постепенно гигантский синдикат поглотил все остальные предприятия общественного питания.

Специалисты, занимающиеся вопросами общественной солидарности, уже давно пришли к выводу, что, если сотни тысяч людей изо дня в день в одно и то же время едят одну и ту же пищу, у них вырабатывается чувство солидарности и уверенности в будущем. Владельцы общественно необходимых предприятий жили за границей, у южных морей. Время от времени в журналах появлялись посвященные им репортажи и фотографии. И тогда читатели получали возможность увидеть их — на яхтах или на фоне белоснежных мраморных балюстрад с пальмами и песчаными пляжами на заднем плане.

То тут, то там Йенсену попадались автомобили, а на оживленных некогда перекрестках стояли, как и на аэродроме, покинутые танки и бронетранспортеры. Кое-где в зданиях были разбиты стекла, а стены, как оспой, испещрены следами пуль. Но разрушений или серьезных повреждений нигде не было видно. Йенсен также не заметил ни трупов, ни живых людей. Навстречу ему не попалось ни одной санитарной или какой-либо другой машины, и только когда он проезжал мимо здания муниципалитета, по шоссе № 7 проследовала колонна грузовиков с грузом, покрытым брезентом. Судя по всему, она направлялась к Центральному налоговому управлению. Колонну никто не сопровождал.

Минут через пятнадцать Йенсен подъехал к зданию шестнадцатого полицейского участка. Свернул в ворота и увидел свой служебный автомобиль на отведенном для комиссара месте, хотя он и не был поставлен так аккуратно, как это привык делать сам Йенсен. Он заметил, что двери не закрыты и ключ зажигания вставлен в замок. Йенсен покачал головой. Он всегда считал, что начальник гражданских патрулей небрежен в своих действиях. Его рапорты также оставляли желать много лучшего; чаще всего им недоставало точности, они были переполнены второсте-

пенными деталями. Йенсену никогда не пришло бы в голову рекомендовать начальника гражданских патрулей на более ответственный пост.

Двери полицейского участка также оказались открытыми. Просторное помещение для патрульных на первом этаже было пусто, и ничто не указывало на то, что в здании вообще были люди, живые или мертвые. Йенсен осмотрелся и неторопливо направился по винтовой лестнице к своему служебному кабинету. Войдя в знакомую комнату, он снял плащ, аккуратно повесил его на вешалку и впервые за три месяца сел за свой письменный стол. Посмотрел на электрические стенные часы. Они стояли, впервые за пятнадцать лет.

При виде беспорядка, царившего на столе, Йенсен почувствовал раздражение. Ручки и бумаги были разбросаны как попало. Он выдвинул ящики стола и увидел, что и там картина не лучше. Йенсену понадобилось не менее четверти часа, чтобы хоть немного прибраться. После этого он подошел к сейфу, достал дневник, который обязан был вести его заместитель, положил толстую тетрадь в картонном переплете на стол и начал читать. Он раскрыл дневник в том месте, где в свое время сделал последнюю запись:

10.00. ПЕРЕДАЛ КОМАНДОВАНИЕ.

Ниже почерком его заместителя было написано:

39 ЧЕЛОВЕК ИЗ 43 АРЕСТОВАНЫ. ГРАЖДАНСКИЙ
ИЗ СЛУЖБЫ БЕЗОПАСНОСТИ ЗАБРАЛ ИХ ДЛЯ ДОПРОСА.
ПО-ВИДИМОМУ, ЙЕНСЕН ЧТО-ТО НАПУТАЛ. ПРАВДА,
ОН БОЛЕН.

Запись, типичная для человека, не умеющего четко выражать свои мысли. Йенсен поморщился — не из-за невежливого замечания, а скорее из-за неясных и неточных выражений.

Он продолжал читать. В течение следующей недели записи касались только количества задержанных пьяниц и процента «неожиданных» смертей. Например:

48 НАРУШИТЕЛЕЙ ЗАКОНА О ПОТРЕБЛЕНИИ СПИРТНЫХ НАПИТКОВ ЗА ВЕЧЕР. ДВОЕ ИЗ НИХ ПОКОНЧИЛИ ЖИЗНЬ САМОУБИЙСТВОМ.

Очевидно, заместитель и сам заметил неудачную формулировку, так как он вычеркнул слова «покончили жизнь самоубийством» и написал:

НЕОЖИДАННО СКОНЧАЛИСЬ ПРИ АРЕСТЕ.

Еще через день:

ВСЕ ЕЩЕ НЕ ПРИСЛАЛИ НОВОГО ВРАЧА. НЕПРИЯТНО.

Йенсен просмотрел еще несколько страниц и наткнулся на совершенно неуместную запись:

СЕГОДНЯ ПРИБЫЛ НОВЫЙ ВРАЧ. УЗНАЛ, ЧТО ЙЕНСЕН УМИРАЕТ И ЧТО КРЕМАЦИЯ СОСТОИТСЯ НА МЕСТЕ. НАЧАЛЬНИК УПРАВЛЕНИЯ КАДРОВ ЦЕНТРАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ СЧИТАЕТ, ЧТО ПЕРЕВОЗИТЬ ТЕЛО СЮДА НЕЦЕЛЕСООБРАЗНО. СОБИРАЮТ ДЕНЬГИ НА КРАСИВЫЙ ПЛАСТМАССОВЫЙ ВЕНОК — ВЫГЛЯДИТ КАК НАТУРАЛЬНЫЙ.

Запись, сделанная в субботу 21 сентября, резко отличалась от предыдущих:

ВЕСЬ ЛИЧНЫЙ СОСТАВ УЧАСТКА МОБИЛИЗОВАН ДЛЯ ОХРАНЫ ДЕМОНСТРАНТОВ ОТ ВОЗМУЩЕННОГО ГРАЖДАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ. ИНЦИДЕНТОВ НЕ БЫЛО. ОДНАКО АТМОСФЕРА БЫЛА НАПРЯЖЕННОЙ.

Еще через неделю:

СНОВА СТЫЧКИ С ДЕМОСТРАНТАМИ. ГОРАЗДО ХУЖЕ, ЧЕМ В ПЕРВЫЙ РАЗ, НО МЫ СНОВА СПРАВИЛИСЬ С ПОЛОЖЕНИЕМ. ПРИВЛЕЧЕНО МНОГО ПОЛИЦЕЙСКИХ ИЗ ДРУГИХ УЧАСТКОВ. МНОГИЕ ПОЛИЦЕЙСКИЕ НЕДОВОЛЬНЫ — ИМ ПРОТИВ ИХ ВОЛИ ПРИХОДИТСЯ ЗАЩИЩАТЬ ДЕМОСТРАНТОВ ОТ СПРАВЕДЛИВОГО ГНЕВА ГРАЖДАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ.

3 октября заместитель записал:

СЕРЬЕЗНОЕ СТОЛКНОВЕНИЕ ГРАЖДАНСКИХ С ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕМОСТРАЦИЕЙ. МОБИЛИЗОВАН ЛИЧНЫЙ СОСТАВ ПОЛИЦЕЙСКИХ УЧАСТКОВ ВОКРУГ ГОРОДА.

Неделю спустя:

НАСТОЯЩАЯ СВАЛКА У ЗДАНИЙ ПРАВИТЕЛЬСТВА И НЕСКОЛЬКИХ ДРУЖЕСТВЕННЫХ ПОСОЛЬСТВ. ПОЛИЦИИ ТРУДНО КОНТРОЛИРОВАТЬ ПОЛОЖЕНИЕ. МНОГИЕ ПОЛИЦЕЙСКИЕ ДЕЙСТВУЮТ НАПЕРЕКОР СВОИМ УБЕЖДЕНИЯМ.

Через несколько дней:

НАКОНЕЦ-ТО МЫ ПОЛУЧИЛИ ПРИКАЗ НОСИТЬ ОРУЖИЕ И ПРИНИМАТЬ ЖЕСТКИЕ МЕРЫ.

Запись от 21 октября была, очевидно, сделана в спешке и сформулирована недостаточно ясно:

ВЫБОРЫ ОТЛОЖЕНЫ, ПОРЯДКА БОЛЬШЕ НЕТ. СОЦИАЛИСТЫ НЕ РЕШАЮТСЯ НАПАДАТЬ НА ДРУЖЕСТВЕННЫЕ ПОСОЛЬСТВА. ВМЕСТО ЭТОГО ЛОЯЛЬНЫЕ ГРАЖДАНЕ ОСАЖДАЮТ ЗДАНИЯ ПОСОЛЬСТВ ВРАЖДЕБНЫХ ГОСУДАРСТВ. МЫ НЕ В СОСТОЯНИИ ЗАЩИТИТЬ ИХ, ДА И НИКТО ИЗ ПОЛИЦЕЙСКИХ НЕ ИМЕЕТ ТАКОГО ЖЕЛАНИЯ. ГОВОРЯТ, ПЕРСОНАЛ ПОСОЛЬСТВ УЕЗЖАЕТ.

Йенсен продолжал читать.

СЕГОДНЯ ВЕЧЕРОМ ЗАДЕРЖАНО ТОЛЬКО ДВОЕ ПЬЯНИЦ. У НАС НЕТ ДЛЯ НИХ ВРЕМЕНИ.

ИЗ СЕКРЕТНОЙ СЛУЖБЫ ПРИСЛАЛИ ДЛИННЫЙ СПИСОК НА АРЕСТ. 125 ЧЕЛОВЕК. ЗАДЕРЖАНО 86. ОСТАЛЬНЫЕ, ОЧЕВИДНО, СКРЫЛИСЬ.

НОВЫЙ СПИСОК НА АРЕСТ ИЗ СЕКРЕТНОЙ СЛУЖБЫ. ПОПЫТАЛСЯ ОТЫСКАТЬ НАЧАЛЬНИКА ПОЛИЦИИ. ОН ЗА ГРАНИЦЕЙ. БОЛЬШИНСТВО ЧЛЕНОВ ПРАВИТЕЛЬСТВА ТОЖЕ. ТРУДНО ПОЛУЧИТЬ ОФИЦИАЛЬНЫЕ УКАЗАНИЯ.

Эта запись была датирована 30 октября. На следующий день появилась новая запись:

С СЕГОДНЯШНЕГО УТРА В ГОРОД ВВОДЯТСЯ ВОЙСКА. ТАНКИ, БРОНЕМАШИНЫ И ТОМУ ПОДОБНОЕ. ПОЛУЧИЛ СООБЩЕНИЕ, ЧТО ИЗМЕННИКИ РОДИНЫ ГОТОВЯТ В СУББОТУ ПЕРЕВОРОТ — ОБ ЭТОМ ПИСАЛИ В ГАЗЕТАХ И ПЕРЕДАВАЛИ ПО ТЕЛЕВИДЕНИЮ. ДУХ ПОЛИЦЕЙСКИХ НЕБЫВАЛО ВЫСОК. ВСЕ ГОРЯТ ЖЕЛАНИЕМ ПОКОНЧИТЬ С СОЦИАЛИСТАМИ РАЗ И НАВСЕГДА.

Далее шло совершенно непонятное замечание:

КАК ЖАЛЬ, ЧТО СТАРЫЙ Й. НЕ С НАМИ! НАДЕЮСЬ, ЕМУ ХОРОШО НА НЕБЕСАХ!

Йенсен недовольно поморщился. Но продолжал читать о критических событиях в субботу:

КРАСНОЕ ГНЕЗДО РАЗГРОМЛЕНО НАМИ И ВОЕННЫМИ. МНОГИЕ ЧЕСТНЫЕ ГРАЖДАНЕ ОКАЗЫВАЛИ ПОМОЩЬ. КАКОЙ ДЕНЬ!

Через два дня:

СЕГОДНЯ В УЧАСТОК ЯВИЛИСЬ ДВА МЕРЗАВЦА-СОЦИАЛИСТА И ИМЕЛИ НАГЛОСТЬ ПРОСИТЬ О ЗАЩИТЕ! ПОЛУЧИЛИ ПО ЗАСЛУГАМ.

Запись от 12 ноября свидетельствовала о том, что для полицейских положение стабилизировалось:

ВСЕ ПРИХОДИТ В НОРМУ. ВОЕННЫЕ ПО-ПРЕЖНЕМУ В ГОРОДЕ, НО МЫ СНОВА МОЖЕМ ЗАНИМАТЬСЯ ПЬЯНИЦАМИ.

Однако через день появился первый тревожный сигнал:

ВСПЫХНУЛА КАКАЯ-ТО ЭПИДЕМИЯ, ПОЛИЦЕЙСКИЕ АВТОМОБИЛИ ИСПОЛЬЗУЮТ В КАЧЕСТВЕ САНИТАРНЫХ МАШИН.

Затем последовало подтверждение:

В ГОРОДЕ ТЯЖЕЛОЕ ИНФЕКЦИОННОЕ ЗАБОЛЕВАНИЕ. ОКОЛО ТРИДЦАТИ ПРОЦЕНТОВ ЛИЧНОГО СОСТАВА УЧАСТКА ВЫБЫЛО ИЗ СТРОЯ. МЕДИЦИНСКИЙ ПЕРСОНАЛ ВСТРЕВОЖЕН.

После этого в течение недели не было никаких записей.
И новая:

БОЛЕЕ ПОЛОВИНЫ ЛИЧНОГО СОСТАВА БОЛЬНЫ, МНОГИЕ УМЕРЛИ. ВСЕ АВТОМОБИЛИ ИСПОЛЬЗУЮТ ДЛЯ ПЕРЕВОЗКИ БОЛЬНЫХ И УМЕРШИХ В ЦЕНТРАЛЬНОЕ НАЛОГОВОЕ УПРАВЛЕНИЕ, ДОНОРОВ — В ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ГОСПИТАЛЬ.

Через три дня:

БОЛЕЗНЬ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ЗАРАЗНА. ЧУВСТВУЮ СЕБЯ ПЛОХО. ЛИЧНОГО СОСТАВА НЕ ХВАТАЕТ, НЕ СМОТЯ НА ПОМОЩЬ ВОЕННЫХ.

Далее шло всего три записи. Они были сделаны другим почерком и не подписаны:

ПОНЕДЕЛЬНИК, 25 НОЯБРЯ. ИСПОЛНЯЮЩИЙ ОБЯЗАННОСТИ КОМИССАРА УМЕР СЕГОДНЯ. КРЕМАЦИЯ ПРОИЗВЕДЕНА НЕМЕДЛЕННО.

СРЕДА, 27 НОЯБРЯ. ЧРЕЗВЫЧАЙНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ.

СУББОТА, 30 НОЯБРЯ. ВСЕ ПОЛИЦЕЙСКИЕ, НАХОДЯЩИЕСЯ В СТРОЮ, А ТАКЖЕ ВОЕННЫЕ ПОДЧИНЕНЫ

МЕДИЦИНСКИМ ВЛАСТЯМ. ДОЛОЖИЛ ГЛАВНОМУ
ВРАЧУ.

Последняя запись была сделана четыре дня назад. Больше в дневнике никто не писал.

Комиссар Йенсен внимательно перечитал дневник. Затем взял шариковую ручку и аккуратно записал:

СРЕДА, 4 ДЕКАБРЯ. 10.30. ПРИНЯЛ КОМАНДОВАНИЕ.
УЧАСТОК ПОКИНУТ. Й-Н.

Закрыв дневник и положил его на место.

Когда он снова сел за стол, ему показалось, что откуда-то, кажется из подвала, донесся слабый шум.

16.

Комиссар Йенсен спустился по винтовой лестнице, пересек помещение для патрульных, открыл стальную дверь и спустился в подвал. Недавно отстроенное помещение для арестованных было выкрашено в белый цвет, решетчатые двери сверкали никелем. Несмотря на пасмурную погоду и отсутствие искусственного освещения, в помещении было светлее, чем можно было ожидать. Большинство камер пустовало, однако две двери были закрыты. Он заглянул в один глазок. На нарах под закрытым решеткой окном (окно находилось под самым потолком) лежала обнаженная женщина. Ее одежда была небрежно брошена на пол. Женщина лежала на спине, и Йенсену было достаточно одного взгляда, чтобы определить, что она мертва и, по всей вероятности, умерла несколько дней назад. Ее кожа поражала неестественной белизной, глаза широко открыты. Женщина была совсем молодая. Светловолосая, с невыразительными чертами лица. Волосы под мышками и на лобке были выбриты. Если не считать удивительной бледности, смерть почти не изменила ее внешности. Оче-

видно, холод в неотапливаемом подвале задержал процесс разложения.

Йенсен не стал отпирать дверь, чтобы посмотреть на нее поближе, а направился ко второй запертой камере в конце коридора. И здесь на нарах лежал человек. Это был мужчина, и он был жив. Он лежал лицом к стене, закутавшись с головой в серое казенное одеяло. Казалось, он никак не мог согреться. В камере нестерпимо пахло мочой и экскрементами. Несколько мгновений Йенсен стоял не двигаясь и смотрел на лежащего человека. Затем достал связку ключей, отпер дверь и вошел в камеру. Человек повернул голову и взглянул на него. Кожа туго обтягивала кости его лица, налитые кровью глаза гноились. На подбородке и впалых щеках седая щетина.

— Что? — пробормотал он хрипло. — Кто?

— Сколько времени вы здесь находитесь? — спросил Йенсен.

— Четверо или пятеро суток, — сказал мужчина слабым голосом. — Что-то около этого.

— За что вас задержали?

— Как обычно. Алкоголь.

Йенсен кивнул.

— Это мой третий арест.

Три ареста за незаконное употребление спиртного означали немедленное принудительное лечение в больнице для алкоголиков, или, как ее стали недавно называть, платной поликлинике.

— Но наутро за мной никто не пришел. Никто. Если бы не таз с водой для мытья, я умер бы от жажды.

— Вы здесь были все время один?

— Легавые... простите... полицейские вместе со мной привезли девку. Вы полицейский?

— Да.

— Мне она не казалась пьяной. Во всяком случае,

она была не только пьяна. Я, правда, видел ее только при обыске, зато слышал, как она выла и выкрикивала что-то непонятное. Но вот уже дня два ее не слышно.

Йенсен снова кивнул. Затем посмотрел на мужчину и спросил:

— Вы можете идти сами?

— Смогу, наверно. Но я не ел с тех пор, как меня привезли. Только пил эту вонючую воду из таза.

— Следуйте за мной.

Арестованный вылез из-под одеяла и с трудом, покачиваясь, встал на ноги. Йенсен взял его под руку и повел в патрульное помещение. Мужчина был крайне истощен, но это, очевидно, следовало объяснить скорее хроническим алкоголизмом, нежели «курсом лечения голодом», которому он подвергся последние несколько суток.

В столовой по соседству с патрульным помещением Йенсен обнаружил несколько пачек печенья и пакет сухарей. Кроме того, он прихватил три бутылки лимонада и два удостоверения личности, которые нашел в шкафу, куда обычно складывали на ночь личные вещи арестованных.

Он отвел мужчину в свой кабинет и, в то время как тот, осторожно и нерешительно отщипывая кусочки печенья, запивал их лимонадом, принялся внимательно изучать удостоверения.

Женщине было двадцать шесть лет. Незамужняя, по профессии оператор вычислительной машины, работала в Министерстве связи. За пьянство ни разу не арестовывалась, и сейчас причина ареста была иной: нарушение норм приличия.

Мужчине сорок семь лет, по профессии — разнорабочий. Трижды подвергался приводу в полицию; три красные пометки на его удостоверении свидетельствовали о том, что ему действительно предстояло пройти курс лечения. Продолжительность курса с каждым разом увеличивалась на

месяц. Первый раз курс лечения занимал один месяц, второй — два, третий — три и т. д. После пяти курсов лечения человека заносили в категорию неизлечимых и оставляли в больнице навсегда. Таков закон.

Йенсен внимательно посмотрел на мужчину, который ел теперь с заметно лучшим аппетитом. Когда первая пачка печени исчезла, арестованный нерешительно спросил:

— Скажите...

— Я вас слушаю.

— Не найдется ли у вас случайно немного спирта?

Обычно в одной из комнат полицейского участка имелось весьма солидное количество спиртных напитков, конфискованных при арестах. Раз в квартал машины государственной монополии объезжали полицейские участки и собирали конфискованные бутылки, чтобы снова пустить их в оборот.

— Правила не разрешают распитие спиртных напитков в помещении полицейского участка,— уклончиво ответил Йенсен.

— Ага. Жаль, хотел согреться.

Йенсен достал из кармана записную книжку и открыл ее на чистой странице.

— Я хотел бы спросить вас кое о чем,— сказал он.

— Да, конечно.

— Вы сказали, что женщина не показалась вам пьяной. С чего вы это взяли?

— Ну, я только слышал ее плач и крики. По-моему, она была больной или ненормальной.

— Вы слышали, что она кричала?

— Да, временами. Она кричала, что все вокруг красное, что камера наполнена красным туманом.

— Что еще?

— Всякие неприличные вещи.

— Какие неприличные вещи?

— Самые разные. Кричала, что одежда ее душит. Что она свободна и не может ограничивать зов своей плоти. И тому подобное. Потом плакала и выла, точно зверь. Но последние два дня я не слышал ни звука из ее камеры. Может, даже три дня. Мне трудно судить.

— При каких обстоятельствах вас задержала полиция?

— Совершенно случайно.

— Каким образом?

— Я был пьян в стельку. Пил беспробудно несколько недель подряд. И вот споткнулся в подъезде, упал и заснул.

— Прямо в подъезде?

— Да. По крайней мере я лежал в подъезде, когда лег... когда полицейский в форме разбудил меня и доставил в участок.

— Кто вас обыскивал?

— Тот же полицейский. Других я не видел. Я думал, на следующее утро придет автобус и отвезет меня в вытрезвильню, но никто не пришел. Больше я никого не видел. До тех пор, покуда вы не появились и не выпустили меня.

— Когда вы впервые увидели женщину?

— Полицейский, который задержал меня, арестовал и ее.

— Почему?

— Не знаю. Мне она не показалась пьяной.

— Да, вы уже говорили.

— По-моему, она просто сумасшедшая. Спятила. Она кричала, ругала полицейского и требовала, чтобы он ее отпустил и лучше занялся сбродом.

— Каким сбродом?

— Не знаю. Затем она подняла подол и показала... Ну, да вы понимаете, о чем я говорю.

— А как вел себя при этом полицейский?

— О, он был очень спокоен. Сказал, что у него много дел, что он позаботится о том, чтобы меня захватили и отвезли в вытрезвилку. И еще сказал, что пришлет доктора осмотреть девку. Но никто так и не пришел. Во всяком случае, я никого не видел. Затем он ушел. Торопился в госпиталь. Он хотел сразу же вернуться и не вернулся. И никто не пришел. Если бы не вода в тазу для мытья... Послушайте, у вас, правда, нет спиртного?

Йенсен промолчал.

— Здесь холодно, — сказал пьянчужка. — Никак не согреюсь.

— Вы получите бутерброды и несколько одеял. Еще один вопрос.

— Ну, что еще?

— Как по-вашему, что это было за время, до того как вас задержали?

— Хорошее время.

— Что значит «хорошее время»?

— А то, что я сказал. Еще никогда не было так хорошо, как последние два месяца.

— В каком отношении?

— Да во всех. Понимаете, я люблю выпить. Раньше я работал автомехаником. У меня нет постоянного места жительства, я ночевал то здесь, то там. И вечно боялся полиции. Вечно пытался скрыться, чтобы меня не задержали и не отправили в вытрезвилку.

Мужчина замолчал, затем пробормотал себе под нос:

— Ну, на этот раз меня загонят на четыре месяца.

— Так почему же вам было хорошо?

— Наконец-то перестали обращать внимание на нас, пьяниц. Полиция смотрела на все сквозь пальцы. У нее была куча других забот. Каждый день били людей с плакатами и лозунгами. Это связано с политикой. В городе полно военных. Стреляют и тому подобное.

— Но ведь выборы были отложены?
— Какие выборы?
— Выборы правительства. Демократические выборы.
— Ах, это... Простых людей это не касается. Сам я, к примеру, никогда не голосую. Политика — это для тех, кто понимает, о чем там идет речь. Определяют и всякое такое. Ну, так вот...

— Я вас слушаю.

— Сразу после этого все прекратили работать. Началась заразная болезнь. Говорят, люди от нее мрут как мухи.

— А вы сами не боитесь заболеть?

— А-а, все равно умирать, рано или поздно.

— Итак, вы не знаете, что произошло?

— Не имею понятия. Знаю только, что на улицах становилось все меньше народу, фонари погасли. Сам-то я большую часть времени был пьян в стельку. Жаль вот, что я упал и заснул прямо в подъезде полицейского участка.

— Читать умеете?

— А как же. Этому нас учили в школе. Но...

— Да?

— Беда в том, что я никогда не читаю. Ведь в газетах пишут только то, что тебя не касается. Непонятное.

Наступило непродолжительное молчание. Затем мужчина спросил:

— А эта болезнь уже кончилась?

— Не думаю.

— Надо же...

— Судя по вашему удостоверению, вы провели здесь пять суток. За это время вы слышали или видели еще кого-нибудь? Не считая женщины в восьмой камере.

На мгновение мужчина заколебался.

— Д-да. Вчера.

— Кто это был?

— Я не видел. Но я слышал, как во двор въехал автомобиль. Судя по мотору, джип. Я-то разбираюсь — раньше был автомехаником... до того, как стал вот таким. Могу узнать мотор по звуку. Так вот, по-моему, это был джип.

— Дальше.

— Кто-то вышел из машины. Один. Это было слышно по шагам. В подвал он не спускался, а поднялся наверх, на второй этаж.

— Вы уверены, что это был мужчина?

— Мне так показалось.

— Продолжайте.

— Я попробовал кричать, но у меня пропал голос, а через несколько минут он уехал.

— Больше вы ничего не слышали?

— Ничего.

Йенсен закрыл блокнот и положил ручку на стол. Затем собрал сухари, взял две бутылки лимонада и остаток печенья и отвел мужчину в подвал. Принес два одеяла, ночной горшок, кувшин с водой и поставил все это в чистой камере, после чего запер дверь.

— Значит, не дадите мне выпить? — спросил мужчина.

— Не дам. Я постараюсь сделать так, чтобы вас доставили в лечебницу как можно скорее.

Йенсен вернулся в свой кабинет, сел за стол и не торопясь прочитал все записи, которые ему удалось сделать. Примерно через час он услышал шум мотора и подошел к окну.

В ворота въехал маленький джип с парусиновым верхом. Он остановился так близко к стене, что Йенсен не мог разглядеть, кто вышел из машины.

Сидя за письменным столом в своем кабинете, комиссар Йенсен прислушивался.

Человек, выпедший из джипа, не пытался прятаться или скрывать свои намерения. Его шаги гулко прозвучали по патрульному помещению, потом по лестнице. Через несколько секунд посетитель прошел по коридору мимо кабинета Йенсена. Судя по прерывистому дыханию, он нес что-то тяжелое. Где-то рядом открылась и снова захлопнулась дверь. По мнению Йенсена, незнакомец вошел в помещение радиоцентра.

Йенсен подождал несколько минут и снова прислушался. Ему казалось, что он различает едва слышные звуки — будто в радиоцентре включали аппаратуру.

Тогда он встал, вышел из кабинета и прошел несколько метров, отделявших его от радиокомнаты. Прежде чем войти, осторожно постучал в дверь.

Наклонившись над радиоаппаратурой, стоял человек. Рядом с ним на полу, похожие на большие батареи от автомобиля, стояли два аккумулятора в деревянных коробках. Человек повернулся и посмотрел в сторону двери. Йенсен сразу узнал его. Это был рыжеволосый полицейский врач.

Он был одет в зеленый комбинезон и резиновые сапоги. Через левое плечо висел автомат, направленный дулом вниз, к полу.

— Вот как, — медленно проговорил он. — Йенсен. А я-то подумал, откуда взялся автомобиль во дворе. Вчера его не было. Итак, вы выкарабкались.

— Как видите. Чем вы занимаетесь?

— Хотел запустить этот аппарат, — ничуть не смущаясь, сказал врач. — А вы чем занимаетесь?

— Пытаюсь выяснить, что здесь произошло.

— Это не так просто.

Полицейский врач задумчиво покачал головой и снова наклонился над аппаратурой.

— Итак, вам удалось выкарабкаться, — повторил он. — Признаться, я этого не ожидал. Когда вы вернулись?

Йенсен посмотрел на часы.

— Час назад.

— И пытаетесь выяснить, что здесь произошло?

— Да. И что происходит.

Врач снова покачал головой.

— Это будет не просто, — сказал он. — Как вы проникли в страну?

— На вертолете.

— По заданию правительства?

— В какой-то степени.

Наступила пауза. Затем Йенсен спросил:

— А вам известно, что здесь произошло?

— Отчасти.

— Что именно?

— Нечто ужасное.

— Это мне и самому понятно.

— И, к сожалению, нечто вполне логичное и закономерное. Это длинная история. Очень длинная.

— Рассказывайте, я слушаю.

— Сейчас у меня нет времени. К тому же вы знаете почти столько же, сколько я. Если только дадите себе труд подумать.

— Меня не было здесь более трех месяцев.

— Знаю. За время вашего отсутствия произошло много событий. И все-таки наиболее значительные из них, те, что имели решающее значение, произошли до вашего отъезда. Задолго до вашего отъезда.

На время он замолчал, поглощенный возней с проводами и контактами. Затем поднял голову и спросил:

— Вы что-нибудь понимаете в этой штуке?

— Нет.

— Ну что ж, тогда постараемся сделать все, что можем.

В аппаратуре что-то затрещало. Затем из множества шумов в эфире отчетливо послышался голос:

— Машина двадцать семь. Вы меня слышите?

— Да, да, слышим. В чем дело?

Йенсен узнал голос и равнодушную манеру говорить. Это была женщина, которая разговаривала с санитарями.

— Центральный госпиталь говорит с одной из санитарных машин, — сказал он.

— Ага, вам уже пришлось с ними столкнуться.

— Я беседовал с двумя санитарями, которые ехали в машине «Скорой помощи».

— Жаль, что вы их не прикончили.

— У меня не было оружия. Кроме того, они предъявили свои удостоверения.

— Все равно жаль.

Полицейский врач повернул рычажок громкости, и голоса стали тише. Он задумчиво посмотрел на Йенсена.

— Интересно, много ли вы знаете? — сказал он наконец.

— Очень немного.

— Я тоже всего не знаю. Вернулся только вчера. Я хочу сказать, вернулся сюда, в город. Есть некоторые вещи, которые и мне непонятны.

— А где вы были до этого?

— За городом. В лесу.

— Вы скрывались?

— Да.

— Но ведь вас арестовали?

Врач внимательно посмотрел на Йенсена.

— Нет, меня не арестовали.

Йенсен молчал.

— Благодаря вам, — добавил врач.

— Вы хотите сказать, что вам удалось скрыться?

— Да. Я не спустился по лестнице. Вместо этого я остановился за дверью и слышал, как вы позвонили дежурному. Тогда я вылез на крышу и перебрался на крышу соседнего дома. И скрылся.

— В таком случае я вынужден вас арестовать.

Врач покачал головой.

— Послушайте, Йенсен. Полиции больше не существует. Насколько мне известно, вы — единственный полицейский. И, насколько мне известно, в стране больше нет правительства, которое могло бы приказывать вам. Или мне. Нет никого, кто мог бы вновь заставить нас вести себя подобно идиотам.

— Я вас не понимаю.

Врач повернул выключатель на контрольной панели.

— Ну что ж, — сказал он. — По крайней мере аппаратура действует. Она может нам еще пригодиться.

— Вы говорите загадками, — сказал Йенсен.

— Да. И к тому же у меня нет времени. Каждые десять минут недалеко отсюда умирает человек. Умирает совершенно бессмысленно.

— Эпидемия?

Врач кивнул и направился к двери. Но, не дойдя, остановился и повернулся к Йенсену. Глаза его слезились, он был небрит и казался смертельно усталым.

— Йенсен?

— Да?

— У вас есть какой-нибудь канал связи с вашими... начальниками?

— Нет.

— Вы понимаете что-нибудь в политике?

— Не больше любого другого человека.

— Отлично. Я хочу, чтобы вы помогли мне в одном деле.

— Что вы имеете в виду?

— У меня в машине находится человек. Мужчина. Он очень плох. Было бы хорошо, если бы вы присмотрели за ним до тех пор, пока я не вернусь. Идемте.

Йенсен кивнул и вслед за врачом пошел к джипу.

— Беритесь с той стороны,— сказал врач.— Мне помнится, в комнате рядом с вашим кабинетом стоит диван, правда?

— Да.

— Там мы его и положим.

На вид мужчине было лет тридцать. Он лежал, завернутый в одеяло, на заднем сиденье джипа. Лицо его было бледным, щеки ввалились. Вряд ли он понимал, что с ним происходит. Когда его подняли и понесли к винтовой лестнице, оказалось, что он очень легкий. И только после того, как больного уложили на диван и врач развернул одеяло, Йенсен увидел, что у него нет ног.

— Разве не лучше было бы доставить его в госпиталь?

— Он только что оттуда,— ответил врач.

Йенсен в недоумении посмотрел на него.

— Сейчас он спит, но скоро должен проснуться. Я сделал ему укол. Когда он придет в себя, можете с ним поговорить. Уж ему-то есть что вам рассказать. Психически он совершенно здоров.

Врач пожал плечами.

— Как ни странно. Если хотите, можете допросить его,— добавил он с иронией.

— Кто он?

— Мой друг. Если ему будет очень больно, дайте одну из этих вот таблеток. Он заснет и будет спать около часа. Боль на время исчезнет. Боюсь, придется очень часто давать ему таблетки. И пусть как можно больше пьет. Если вам понадобится отлучиться, положите рядом с ним таблетки. И дайте ему что-нибудь почитать.

— А если кто-нибудь придет?

— Сюда никто не придет. В центре города не осталось людей. Пока. Ну так как, предполагаете продолжить свое так называемое расследование?

Йенсен кивнул.

— В таком случае могу дать вам совет. «Стальной прыжок».

— «Стальной прыжок»?

— Да. Выясните, что это означает. Вы можете спросить кого-нибудь. Или, к примеру, попробовать разузнать об этом в Министерстве внутренних дел или в тайной полиции. Или же у членов правительства.

— У нас нет тайной полиции.

— Да, теперь уже нет. Но несколько недель назад она существовала. А теперь мне нужно идти.

Он взглянул на часы.

— Я вернусь к семи вечера.

— Еще один вопрос, — сказал Йенсен.

— Слушаю.

— В восьмой камере лежит мертвая женщина. Вам следовало бы взглянуть на нее.

— Пожалуй.

Они спустились в подвал. Пьянчужка спал, дрожа под двумя одеялами.

— А что делает здесь этот бедняга? — спросил врач.

— Алкоголик, по третьему разу.

— Почему бы вам не дать ему бутылку водки из конфискованного запаса?

— Это против правил.

— Правил больше не существует. А человек мерзнет.

Они подошли к камере, где лежала мертвая женщина, открыли дверь со стальной решеткой и вошли внутрь. Полицейский врач бегло осмотрел ее, затем провел пальцем по коже живота.

— Эпидемия? — спросил Йенсен.

— Да. Она жертва эпидемии. Смотрите, у нее почти прозрачная кожа. Половые органы неестественно увеличены. Очевидно, последние дни были для нее очень необычными.

— Как называется эта болезнь?

— Этого я не знаю.

Он на мгновение замолчал, затем добавил:

— Ее открыли совсем недавно.

— От нее можно вылечить?

— Нет. Если бы перед самой смертью у этой женщины взяли кровь, ее кровь была бы густой, как сливки.

— И не существует никакой вакцины?

— Никакой.

— А вы не боитесь заразиться?

— Нет.

Полицейский врач внимательно посмотрел на Йенсена.

— Эта болезнь незаразна, — сказал он.

18.

Человек на диване зашевелился и открыл глаза. С того момента, как полицейский врач сел в джип и уехал, прошло тридцать пять минут. Йенсен придвинул стул поближе и поймал вопрошающий взгляд больного.

— Вы находитесь в здании шестнадцатого полицейского участка. Меня зовут Йенсен.

Он поднял руку к грудному карману за полицейским значком, но так и не достал его. Вместо этого спросил:

— Хотите пить?

Больной кивнул и провел языком по губам.

— Да, спасибо.

Его голос оказался на удивление молодым и звонким.

— Ваш друг оставил вас здесь, со мной. Он скоро вернется. Вам больно?

Мужчина покачал головой. Йенсен открыл одну из принесенных бутылок лимонада и налил его в пластмассовый стакан. Мужчина дрожащими руками взял стакан и с жадностью начал пить.

— Вы всегда были инвалидом?

— Что? А, вы имеете в виду мои ноги. Нет, недавно.

— Как недавно?

— Точно не знаю. Какой сегодня день?

— Сегодня среда, 4 декабря.

— Ага. Здесь холодно.

Йенсен накрыл его еще одним одеялом.

— Так лучше?

— Да, спасибо. О чем вы меня спрашивали?

— Что с вами произошло?

— Это длинная история. Вы не хуже меня знаете, что случилось.

— Нет, я не знаю.

Больной испытующе посмотрел на Йенсена.

— Кто вы такой?

Йенсен достал свой служебный значок.

— Йенсен. Полицейский комиссар шестнадцатого участка.

— Ненавижу полицию.

— Почему?

— И вы еще спрашиваете. Что вы намерены со мной сделать?

— Ничего. Присмотрю за вами, пока не вернется ваш друг.

Мужчина, казалось, все еще не пришел в себя.

— Четвертое декабря, — прошептал он. — Значит, прошло уже больше месяца.

— После чего?

— После 2 ноября.

— А что было 2 ноября?

— Разве вы не помните? Вы что, спятили?

— Я был в отъезде. Вернулся только вчера.

— Не верю. Вы пытаетесь меня обмануть.

Мужчина отвернулся к стене.

— Зачем мне обманывать вас? — спросил Йенсен.

Больной не ответил, и Йенсен не настаивал. На улице дождь перешел в снегопад. Большие мокрые хлопья залепили окно. Через некоторое время мужчина произнес:

— Конечно, вы правы. Зачем вам меня обманывать?

Снова наступила тишина.

— Что вы хотите узнать?

— Я пытаюсь выяснить, что здесь произошло.

— Я знаю только то, что произошло лично со мной.

После короткой паузы он добавил:

— И с людьми, которых я знаю.

Несколько секунд Йенсен молчал. Затем спросил:

— Вы знаете полицейского врача шестнадцатого участка?

— Да.

— Давно?

— Несколько лет. Лет пять-шесть.

— При каких обстоятельствах вы познакомились с ним?

— Мы были членами одного клуба. Или союза, если хотите.

— Какого союза?

— Политического союза нашего района

— Коммунистическая организация?

— Скорее социалистическая. По крайней мере так мы себя называли.

Мужчина повернул голову.

— Это не запрещается законом, — сказал он внезапно.

но.— Политические клубы не запрещаются законом.

— Я знаю.

— Демонстрации также разрешены законом.

— Конечно. Разве кто-нибудь утверждает обратное?

— Нет. Но тем не менее...

Он запнулся и посмотрел в глаза Йенсену.

— Вы в самом деле не принимали участия в событиях 2 ноября?

— Не принимал. Чем вы занимались в этом своем политическом союзе?

— Обсуждали различные вопросы.

— И к какому же выводу пришли?

— Мы пришли к выводу, что существующая в нашей стране общественная система ни к черту не годится. Ее нужно уничтожить.

— Почему?

— Потому что так называемое государство «всеобщего взаимопонимания» всегда было не чем иным, как блефом. Оно было создано только потому, что прежнее социалистическое движение потеряло контроль над рабочим классом и трудящимися. И тогда социал-демократы продали своих избирателей, целиком и полностью, буржуазии. Они вошли в эту великую коалицию, иначе называемую всеобщим взаимопониманием, только для того, чтобы сохранить власть в руках горстки людей. Они предали социализм, изменили программу собственной партии и отдали страну на милость империализма и частного капитала.

— Вы вряд ли помните это время,— осторожно заметил Йенсен.— Сколько вам лет?

— Тридцать. Но я изучал эти вопросы долго и основательно. Для того чтобы не допустить торжества социализма в нашей стране, социал-демократическая партия и руководство профсоюзами предали свои идеологические принципы. Тогдашние лидеры столько времени находились

у власти, что они уже не могли заставить себя расстаться с ней. А кроме того, они узнали, что можно управлять рабочим движением с помощью буржуазно-плутократических методов с целью извлечения экономических выгод для себя, для избранных. Основной принцип нашего так называемого «всеобщего взаимопонимания» состоит в том, что все должно оправдывать себя экономически. Именно поэтому и была создана эта видимость народного правительства, а его подлинная сущность скрыта за дымовой завесой стандартных фраз о росте благосостояния, взаимопонимания и уверенности в завтрашнем дне, за непрерывными заверениями, что жизнь с каждым днем становится все лучше.

— Она действительно становилась лучше,— заметил Йенсен.

— Да, в материальном отношении и к тому же временно. Человек был обеспечен физически, но ограблен духовно. Политика и общество стали для него чем-то абстрактным, что не имеет к нему никакого отношения. И для того чтобы убедить в этом людей, на них с помощью газет, радио и телевидения лили непрерывный поток лжи, прошедший к тому же сквозь сито цензуры. Дело дошло до того, что почти весь народ потерял человеческий облик; люди только и знали, что у них есть автомобиль, квартира, телевизор. И они были глубоко несчастны. Многие предпочитали покончить жизнь самоубийством или жить в беспробудном пьянстве, чем продолжать так жить и работать.

— По-вашему, вы тоже потеряли человеческий облик?

— Я сказал — почти весь народ. Оставались группы политически сознательных людей, число которых, после того как однажды их влияние почти совсем упало, снова начало расти. Люди стали понимать: то, что так называемые теоретики государства «всеобщего взаимопонимания», называли «всеобщим благополучием» и «мирной революцией» является не чем иным, как преступной попыткой

заставить народ поверить в полную бессмысленность существования. Просто удивительно, как этого не увидели еще много лет назад. Нужно было только оглянуться вокруг. Стало бессмысленно работать, бессмысленно учиться — разве что несколькими простыми техническими приемам. Даже физиологическая сторона жизни, такая, как необходимость есть, любить, рожать детей, потеряла смысл.

— Не вы открыли это,— сказал Йенсен.

— Нет, не я. В основном я цитирую то, что было сказано и написано другими. Но я понимаю их и вижу, что у нас плохо.

— Давайте обратимся к фактам,— сказал Йенсен.— Чем еще вы занимались в своем политическом клубе? Организовывали демонстрации?

— Да.

— Чего вы с их помощью хотели добиться?

— Мы стремились раскрыть глаза народу, помочь людям понять свое положение и уничтожить систему «всеобщего взаимопонимания». Только после ее уничтожения можно будет взяться за основных врагов.

— Кого вы имеете в виду?

— Социал-демократов, которые предали рабочее движение и продались капиталистам. И, разумеется, саму капиталистическую систему.

— И чего же вы добились?

— Нас было не так много, но наши ряды непрерывно росли. Сначала демонстрациями интересовалась только полиция. Основная масса народа была, как мы и ожидали, равнодушна к нашим действиям. Люди отупели от непрерывной пропаганды и не проявляли никакого интереса к общественной жизни. Постепенно полиция также перестала чинить нам препятствия, очевидно, по приказу свыше. Мы истолковывали это...

— Интересно, как?

— Мы сочли это положительным явлением. Мы полагали, что те, в чьих руках сосредоточена власть, испугались и решили любой ценой отвлечь внимание народа от нашей деятельности. И это им удалось, так как подавляющее большинство людей все еще оставалось пассивным, хотя, как я уже сказал, нас становилось все больше и наши демонстрации учащались. Людей только раздражало, что мы мешаем уличному движению. Однако полиция скоро начала помогать нам и в этом: она направляла демонстрантов так, чтобы они скорее и беспрепятственно добирались до своей цели. Мы также истолковали это как признак нашей растущей силы. Нам казалось, что правительство делает все возможное, чтобы не беспокоить народ, не нарушать мира его грез, основанных на материальном благополучии.

— Удалось вам добиться успехов на выборах?

— До некоторой степени.

— Что вы имеете в виду?

— За нас голосовало не так много, зато все больше избирателей вообще отказывалось принимать участие в голосовании. Одно это свидетельствовало о том, что одновременно с недовольством угнетенных росло отвращение к политике. Значит, мы на правильном пути. Правда, большинство по-прежнему голосовало за систему «всеобщего взаимопонимания».

— Почему?

— В силу привычки. Они или их родители привыкли голосовать за социал-демократов или за буржуазные партии. Мы не имели средств широкой пропаганды. Но мы продолжали нашу работу, мы кричали правду глухим, до тех пор пока...

— Пока?

— До тех пор пока все внезапно не изменилось.

— Когда это произошло?

— В середине сентября.

— Что изменилось?

— Не знаю. Возможно, люди... Впервые я заметил это
21 сентября.

— Что произошло в этот день?

— Попробую рассказать...

Внезапно лицо его исказила гримаса боли.

— Вам больно?

— Да, ноги...

Он застонал, забился в конвульсиях.

Йенсен взял пробирку, оставленную врачом, и вытряхнул из нее белую таблетку. Налил лимонада в стакан.

— Проглотите.

Он подsunул правую ладонь под затылок больного и осторожно приподнял его голову, чтобы тот мог проглотить таблетку. Неожиданно он вспомнил медсестру там, в чужой больнице, и то, как однажды увидел ее плачущей.

Не прошло и двух минут, как больной заснул.

Комиссар Йенсен неподвижно сидел рядом и бесстрастно смотрел на него.

19.

Примерно через час человек на диване проснулся. Он открыл глаза и посмотрел на Йенсена, не узнавая его. Но вскоре взгляд его прояснился.

— Ну да, — сказал он, — вспомнил.

— Вам больше не больно?

— Нет. Теперь все в порядке. Спасибо.

Голос больного звучал хрипло, будто у него пересохло в горле. Йенсен налил в стакан лимонада и поднес ко рту больного. Несколькими жадными глотками тот осушил стакан.

— Продолжим нашу беседу. Мы говорили о вашей политической деятельности.

— Да, помню.

— Вы разъяснили свою позицию.

— Да. Теперь вы понимаете, что мы были правы?

— Нет, но меня больше интересует, что произошло дальше.

— Ничего не произошло.

— Что было в сентябре?

— А-а, вот вы о чем.

Он на мгновение замолчал. Затем, не сводя глаз с Йенсена, сказал:

— Я не могу объяснить, что произошло. Я этого не понимаю.

— Но вы знаете, что произошло лично с вами.

— Я знаю, что произошло со многими из нас.

Он снова замолчал.

— Но я не могу этого объяснить, — сказал он.

— Тогда давайте придерживаться фактов. Самых обычных фактов, — невозмутимо произнес Йенсен.

— Самых обычных фактов не существует.

— Например, кем вы работали?

— Я социолог. Занимался исследованием проблем алкоголизма.

— Это была сложная работа?

— Да, очень.

— И напряженная?

— Физически — нет. Я был всего лишь одним из тех, кто занимался статистикой. Мы сопоставляли данные, которые получали из магазинов, полиции и больниц, где лечили алкоголиков. Сама по себе работа нетрудная.

— Ответственная?

— Вряд ли. Наши статистические таблицы шли дальше, в более высокие инстанции, где их обрабатывали.

То есть там их внимательно изучали, одну за другой. Когда таблицы попадали наконец к... ну, к тем, для кого они предназначались, они уже были изменены до неузнаваемости. Улучшены, если хотите. Даже мы, делавшие первоначальные расчеты, не могли их узнать.

Он покачал головой.

— Нет, это было нетрудно.

— В чем же тогда заключались трудности? Ведь вы сказали, что это была сложная работа?

— Трудности были морального характера.

— Морального?

— Да. Во-первых, вся система нашей работы противоречила основным принципам статистической науки. Данные, которые мы получали, часто с самого начала были подтасованы. В дальнейшем процесс их подтасовки продолжался совершенно сознательно и почти открыто. Сознание этого факта делало нашу работу почти невыносимой.

— Ваши коллеги разделяли эту точку зрения?

— Немногие. Большинство просто исполняли то, что им поручалось, — как роботы, бездумно и не задавая вопросов. Иными словами, они относились к своей работе точно так же, как почти все остальные в стране.

Мужчина замолчал на мгновение, затем продолжил:

— Но самым невыносимым было то, что вообще приходилось заниматься этим вопросом.

Он посмотрел на Йенсена.

— Вы, как полицейский, несомненно, имели много возможностей заниматься законами об алкоголизме и их применением?

Йенсен кивнул.

— Вождение машины в нетрезвом виде? Появление на улице пьяным? Злоупотребление спиртными напитками дома? Так, кажется, они называются?

— Да.

— Один закон безумнее другого? Множество самоубийств, особенно среди алкоголиков?

— Я присутствовал при многих случаях скоропостижной смерти,— сказал Йенсен.

Больной засмеялся.

— Вот видите,— сказал он.— Так что мне не нужно ничего объяснять.

— Нет,— сказал Йенсен.— Но я хотел бы уточнить, что же казалось вам невыносимым?

— Лицемерие, разумеется. Фальшь. Трусость. Беззастенчивое стремление извлечь прибыль из всего. Вам известна цена на спиртные напитки в нашей стране?

— Да.

— Разве вы не видите причинную связь? Людям нужен алкоголь, одним — для того чтобы продолжать жить, другим — чтобы решиться покончить с жизнью. И вот устанавливаются бешеные цены на спиртное, и в довершение всего потребление алкоголя преследуется законом. К тому же в спиртные напитки добавляют так называемые «отучающие» средства, что в свою очередь бросает людей во мрак депрессии и приводит к еще большему количеству самоубийств.

— Вам следовало бы подбирать выражения.

Комиссар сделал это замечание машинально, по старой привычке.

— Почему? Вы что, собираетесь привлечь меня к ответственности?

Йенсен почувствовал себя неловко.

— Мы стоим на первом месте в мире по количеству самоубийств на душу населения, а по уровню потребления алкоголя в нашей стране ничуть не уступаем самым прогнившим капиталистическим странам. К тому же у нас самая низкая в мире рождаемость. И поскольку правительство обеспокоено этим обстоятельством и, несомненно, сты-

дится признаться в собственном бессилии, то оно находит выход во лжи.

— Ну,— напомнил Йенсен,— что же все-таки случилось в сентябре?

— Пойдите, я хочу закончить свою мысль. И что делают потом? Потом наказывают рабочего за то, что его вынудили стать алкоголиком, подобно тому как наказывают людей, которых вынудили жить в плохих квартирах. Рабочих наказывают и за то, что никто не научил их находить в работе источник радости. Людей даже заставляют отравлять тот самый воздух, которым им затем приходится дышать. И все классы общества вынуждены страдать от этого своеобразного наказания. И только спекулянты, которые имеют возможность жить за границей или покупать себе виллы в лесу или на островах в шхерах, избегают этого наказания. Все это связано одно с другим, произрастает из одного прогнившего корня. Теперь вы понимаете, почему моя работа была для меня невыносимой?

Йенсен не сразу ответил. Уставившись в одну точку, не глядя на человека, лежавшего на диване, он спросил:

— Именно такие идеи вы и выдвигали во время демонстраций?

— Да, в числе многих других. Впрочем, выдвигали — не то слово. Мы не открывали ничего нового. Мы хотели скорее напомнить людям о том, что существует явление, которое им хорошо знакомо, хотя правительство сделало все, чтобы заставить народ забыть о нем.

— Что вы имеете в виду?

— Классовую борьбу. У вас есть еще вода?

Йенсен снова наполнил пластмассовый стаканчик.

— Спасибо. Можно задать вам вопрос?

— Пожалуйста.

— Вы сами пьете?

— Да,— сказал Йенсен.— По крайней мере раньше пил.

— Ежедневно?

— Да.

— Почему?

— По той же причине, по какой вы принимаете таблетки. Чтобы заглушить боль.

— Это единственная причина?

Йенсен несколько долгих секунд смотрел на лежащего. Наконец он сказал:

— Давайте вернемся к тому, что случилось в сентябре.

— Я не могу этого объяснить. Все изменилось. И все изменились.

— Каким образом изменились вы сами?

— Сам я не изменился. По крайней мере я этого не заметил. Изменился окружающий мир. Вам это кажется странным?

— Да.

— Это и в самом деле было очень странно.

— Когда вы впервые обратили на это внимание?

— В третью субботу сентября. Двадцать первого числа.

— В какой связи?

— Обычно наши демонстрации происходили по субботам.

— Я знаю.

— Мы руководствовались чисто практическими соображениями: по субботам большинство людей не работает и находится дома. В эту осень мы активизировали свою деятельность в связи с предвыборной кампанией. Конечно, мы не надеялись достичь значительных успехов. Пропагандистская машина коалиционных партий работала на полных оборотах всю весну и лето. В их распоряжении были все средства. У нас же не было ничего. О победе на выборах и речи быть не могло, но нам было известно...

Он вздрогнул и прислушался. Его взгляд метнулся к двери.

— Не обращайтесь внимания,— сказал Йенсен.— Это всего лишь алкоголик, который шумит в своей камере. Продолжайте.

— Нам было известно, что в высших сферах проявляют беспокойство. Процент избирателей, принимающих участие в выборах, с каждым разом становился все ниже. Естественно, это раздражало профсоюзных боссов и лидеров социал-демократической партии. По своему тупоумию они не могли понять, почему народ отказывается голосовать за их превосходную систему. Те же, кто на деле управлял страной, конечно, понимали причины. Именно поэтому избирательная кампания на сей раз велась так интенсивно и широко.

— Что же вы предприняли?

— Мы стремились всячески усилить их раздражение. Поэтому решили проводить демонстрации чаще. Между прочим, это вначале не возымело действия. Народ столь же трудно было раскачать, как и раньше. До субботы 21 сентября.

— У вас в тот день была демонстрация?

— Да. Мы организовали марш протеста под лозунгом борьбы с империализмом. Как обычно, демонстрация должна была начаться в пригородах и направиться к центру города. Она должна была завершиться митингом. Все было спланировано заранее.

Йенсен кивнул.

— Вместе с двумя товарищами я на такси поехал к месту сбора. Линотипист с женой. Мои лучшие друзья. Мы были однолетки и состояли в одном союзе. Знали друг друга много лет. Часто приходилось работать вместе.

— Где?

— Мы печатали листовки, рисовали афиши, изготавливали плакаты и лозунги. И многое другое. У нас был ротатор, и мы печатали небольшую газету, которую распрост-

раняли среди членов нашего союза. Повторяю, мы знали друг друга давно и были хорошими друзьями.

— У них были дети?

— Нет.

— Какая профессия была у женщины?

— Она работала в архиве Министерства юстиции.

Позднее оказалось, что...

— Продолжайте.

— Нет. Ничего.

— Вы сами женаты?

— Нет. Почему вы об этом спрашиваете?

— Привычка, — сказал Йенсен. — Итак, вернемся к субботе.

— Да. Так вот, мы вместе поехали к месту сбора, но по какой-то причине запоздали. Сейчас не помню, почему мы задержались. Это имеет какое-нибудь значение?

— Нет.

— Когда мы приехали, демонстранты уже тронулись в путь. Мы встретили их на шоссе.

Он замолчал и посмотрел в окно. На улице по-прежнему шел мокрый снег, и крупные снежные хлопья ударялись о стекло.

— Был солнечный, очень ветреный день. Помню, ветер рвал знамена, и те, кто нес плакаты, с трудом удерживали их в руках. Издали это было очень красивое зрелище.

— Почему — красивое?

— Красиво, когда красные флаги развеваются по ветру. Красиво, когда друзья напрягают силы, стараясь наперекор ветру прямо держать транспаранты.

— Сколько человек принимало участие в этой демонстрации?

— Около двух тысяч. Кроме того, было много детей. Те из нас, у кого были дети, обычно брали их с собой на демонстрацию.

- Почему?
- По разным причинам.
- Например?

— Ну, прежде всего чтобы дети получили правильное воспитание с малых лет. Затем для того, чтобы показать прохожим, что есть люди, у которых есть дети и дети доставляют им радость. А кроме того, их негде было оставить. Детских садов в стране почти нет, а у социалистов редко бывает домашняя прислуга.

— Понятно.

— Отлично. Итак, мы встретили демонстрацию на шоссе и, уже проезжая мимо, обратили внимание, что происходит что-то необычное.

— Что именно?

— Вдоль шоссе стояли люди, всячески провоцирующие демонстрантов на столкновение. Некоторые из них выкрикивали оскорбления по адресу социалистов, другие бросали в них камнями, пустыми бутылками и консервными банками. В одном месте мы видели несколько человек, которые дрались с полицейским.

— Почему?

— Полиция пыталась помешать зрителям выбежать на улицу и начать драку с демонстрантами. В то время полицейским было приказано охранять порядок во время демонстраций. Впрочем, вы знаете это лучше меня.

Йенсен кивнул.

— Большинство проезжавших мимо или стоявших на тротуарах не проявляли никакого интереса, однако кое-где возникали столкновения.

— Как же вы поступили?

— Мы вышли из такси и присоединились к маршу.

— А потом?

— Так было на протяжении всего пути. Люди стояли на тротуарах и выкрикивали оскорбления, некоторые бро-

сали в нас яйцами и помидорами. Жене моего приятеля помидор угодил прямо в лоб. Но она только засмеялась. В двух местах в нас бросали камнями, а несколько человек даже выбежали на мостовую и попытались вырвать у нас плакаты. Но полиция им помешала. Всю дорогу нас сопровождало несколько автомобилей, и те, кто там находился, плевали в демонстрантов и выкрикивали ругательства.

— А что собой представляли люди, которые на вас нападали?

— Я как-то не обратил внимания. Большинство было хорошо одето, люди разного возраста. Среди них были и женщины.

— Как вы к этому отнеслись?

— Впервые почувствовали глубокое удовлетворение.

— Удовлетворение?

— Вот именно. Самое обидное, что на нас раньше никто не обращал внимания, даже полиция старалась не замечать. И вот впервые люди стали как-то реагировать на наши действия. Мы почувствовали, что больше не обращаемся к глухим и слепым.

— Раненые были?

— По-моему, нет. Во всяком случае, если и были, то ничего серьезного. В основном против нас использовали, так сказать, словесные средства атаки. Кричали, размахивали руками, ругались и бросали в нас разными неопасными предметами. Помидоры и пустые жестянки из-под пива вряд ли могут кому-нибудь причинить серьезные повреждения.

— Что было дальше?

— Этот митинг был самым оживленным и беспорядочным из всех, в которых мне приходилось принимать участие. К этому времени на площади собралось много людей. Они шумели, кричали, пытались помешать ораторам. Но у

нас были мегафоны, и мы сумели довести митинг до конца в соответствии с планом.

— Как по-вашему, эти люди были проинструктированы?

— Нет. Это обстоятельство мы также отметили с удовлетворением. Те, кто пытался нам помешать, делали это стихийно, и отчасти именно поэтому им не удалось сорвать митинг. Казалось, каждый из них действовал сам по себе. Позднее мой товарищ обратил внимание и на их возраст. Если бы не эти обстоятельства, естественно было бы предположить, что против нас выступил какой-то организованный фронт, пытающийся оказать противодействие, что правительство направило против нас нечто вроде враждебной демонстрации — ведь это также входило в их предвыборную кампанию. Однако было ясно, что дело обстояло не так.

— Чем закончился митинг?

— Мы приняли резолюцию, собрали плакаты, аппаратуру и оправились по домам.

— А как прошла следующая демонстрация?

— Минуту, я не закончил. После митинга произошло очень странное событие, которое казалось мне совершенно необъяснимым. Попробую о нем рассказать.

Йенсен вопросительно посмотрел на больного.

— Когда мы расходились, я пошел вместе с товарищем и его женой. Мы хотели зайти в помещение союза и закончить работу над афишами, которую начали накануне. Товарищ под мышкой нес свернутый красный флаг.

Больной замолчал. Казалось, он пытался бороться с мыслями. Йенсен выжидающе смотрел на него. Слышно было, как внизу, в камере, кашлял арестованный.

— Наш союз помещался в подвале жилого дома в районе Эстер. Чтобы добраться до места, необходимо переправиться на пароме через канал, если, конечно, вы не на ма-

шине. Вы ведь знаете, пешеходам запрещен проход по мостам и туннелям. На пароме было мало народа, и никто не обращал на нас внимания. Мы сидели и разговаривали. Все трое пришли к единому мнению, что происшедшее следует рассматривать как весьма обнадеживающий факт. Когда паром остановился, мы спустились на берег и отправились дальше пешком — помещение союза находится всего в нескольких кварталах от пристани. По дороге нам нужно было пройти через район, где расположены дома высокооплачиваемых служащих. Вы знаете, это в...

— Да, я знаю, какой район вы имеете в виду.

— Мы молча шли по тротуару. Улица была пустынной, если не считать двух пожилых людей, которые остановились у одного из подъездов. Я решил, что они живут в этом доме и собираются войти в подъезд. Мужчине было лет под семьдесят, женщине примерно столько же. Оба были отлично одеты — типичные представители высшей буржуазии старой школы. На мужчине было черное пальто, серая фетровая шляпа и галоши, в руке он держал зонтик с серебряной ручкой. Конечно, я не запомнил бы всех этих деталей, если бы не то, что произошло через несколько секунд.

Он замолчал и покачал головой.

— Я до сих пор этого не понимаю, — сказал он наконец. — Непостижимо!

— Ближе к делу, — напомнил Йенсен.

— Как только мы с ними поравнялись, мужчина прошипел: «Подонки вонючие!» Мой товарищ, который был ближе всех к нему, не сразу понял, а может, просто не поверил своим ушам. Он остановился и сказал очень вежливо: «Извините?» Тогда мужчина посмотрел на него и громко, отчетливо произнес: «Проклятый сброд! Как только вы осмеливаетесь здесь показываться!» Мой товарищ попрежнему ответил вежливо: «А разве мы с вами знакомы?»

Тогда старик схватил его за пиджак и крикнул: «Еще не хватало, чтобы я знался с проклятыми социалистами!» Тут старуха — а я уже сказал, что она была весьма дряхлой, — завопила на всю улицу и начала вырывать у моего друга свернутый флаг. Казалось, оба они обезумели. Старухе удалось вырвать флаг, она бросила его на землю и принялась топтать ногами. Затем размахнулась и с криком «Красная потаскушка!» изо всех сил ударила жену моего друга сумочкой по голове. Старик тут же поднял свой зонтик, взял его наперевес, как ружье, и изо всех сил начал тыкать моего друга в грудь. Тот упал на колени, тогда старуха схватила его за волосы и все норовила пнуть в лицо. И все время оба не переставая ругались и плевали на нас.

Взглянув на Йенсена, мужчина нервно потер подбородок.

— Я буквально остолбенел. Ведь это пожилые люди, мы не могли ответить им тем же. Наконец, жена моего товарища оттолкнула их, отняла флаг и мы пошли прочь. Старик вдогонку нам продолжал кричать.

— Вы не помните, что именно?

— «Всех вас надо прикончить!»

На мгновение наступила тишина. Затем больной продолжал:

— Тогда я ничего не понял, да и сейчас не могу понять, что случилось. Но после этого произошло множество других столь же необъяснимых случаев. Нам все-таки удалось выяснить, кто были эти люди. Оказалось, ушедший на пенсию директор банка и его жена. Оба из аристократической семьи. Разумеется, он был реакционером до мозга костей, но всегда отличался выдержанностью и был очень воспитанным человеком. Во всяком случае, так говорили.

— Когда состоялась следующая демонстрация?

— Ровно через неделю. На сей раз она была очень оживленной. Опять собралось много народу, больше, чем

в прошлый раз. Они кричали, пытались нарушить ход демонстрации. Полиции пришлось вызвать подкрепление. Несколько человек на автомобилях врезались прямо в ряды демонстрантов. Человек десять участников демонстрации было ранено, а одного малыша лягнула полицейская лошадь. Все-таки мы довели демонстрацию до конца и закончили ее митингом. Мы по-прежнему считали, что эти события следует рассматривать как положительное явление. И поэтому решили чаще организовывать демонстрации, выбирая различные дни недели, чтобы сбить с толку противников. Пресса и телевидение также подняли кампанию против нас. Но прошло несколько дней, и все как по уговору снова перестали нас замечать. Даже в хронике не писали ни единого слова. Газеты снова сплетничали о жизни кинозвезд и других знаменитостей. И это в то время, когда рушилось все общество!

— Почему вы так считаете?

— А разве все происходившее не говорило об этом? Йенсен не ответил.

— К тому же выявилось еще одно тревожное обстоятельство.

— Какое?

— Среди членов нашего союза было много врачей и студентов-медиков. В начале сентября они исчезли, и никто их больше не видел. Кстати, один из них привез меня сюда. Это полицейский врач вашего участка. Когда мы начинали расспрашивать о них, то неизменно получали один и тот же ответ: «Они уехали для участия в медицинском конгрессе». Жене моего товарища, которая работала в Министерстве юстиции, удалось выяснить, что их арестовали. Но мы не знали, верить этому или нет.

Йенсен промолчал.

— Очевидно, так оно и было, потому что исчезли почти все врачи, сочувствовавшие социалистическим идеям.

Затем прошел слух, что они были арестованы по приказу тайной полиции.

— У нас нет тайной полиции,— сказал Йенсен.

— Лжете! — последовал категорический ответ.— Я точно знаю, что тайная полиция существует. Во всяком случае, существовала. Женщина, которая работала в министерстве, сумела это узнать. Она подчинялась непосредственно министру юстиции. По-видимому, ее основной задачей было составлять списки людей, чьи политические взгляды не устраивали руководящую верхушку.

Йенсен закусил губу. Затем спросил:

— Что вам известно о выражении «Стальной прыжок»?

— «Стальной прыжок»?

— Да.

— Никогда о нем не слышал.

Больной поморщился и сказал:

— Снова начинают болеть ноги.

— Хотите таблетку?

— Да.

— Ответьте мне только на последний вопрос. Как прошла следующая демонстрация?

— Настоящая свалка. Хаос. Потасовки. Множество полицейских, но они ничего не делали для нашей защиты. На нас сыпался град камней и пустых бутылок. Было много раненых как с одной, так и с другой стороны. К счастью, на этот раз с нами не было детей. Фашисты — так мы начали их называть — совсем обезумели. Это было 10 октября, за три недели до катастрофы.

Он откинул голову и сжал губы.

— Но не только фашисты начали сходить с ума. Другие тоже вели себя очень странно. Жена моего товарища, например... Можно таблетку?

— Сейчас. Скажите только, что случилось с женой вашего товарища?

— Потом расскажу. Потом. Бога ради, дайте таблетку! Йенсен отложил в сторону записную книжку. Взял пробирку, вытряхнул из нее белую таблетку и подsunул ладонь под затылок больного.

20.

Когда он заснул, Йенсен пошел к себе в кабинет. Открыл сейф, в котором обычно хранились приказы и инструкции, прибывшие в участок извне, например из Центрального полицейского управления. Он снова вернулся к тому дню, когда передал участок заместителю, и достал красную папку со списком сорока трех врачей, подлежащих аресту. Быстро просмотрел ряды папок за последние три месяца, отобрал с десятков и положил их на стол. Затем сел в кресло и начал внимательно изучать отобранные документы. Все папки были красного цвета, и на каждой стоял шифр «Стальной прыжок». В двух находились списки людей, подлежащих аресту, в остальных — инструкции касательно демонстраций. В первом списке Йенсен насчитал сто двадцать пять фамилий, во втором — четыреста шестьдесят. Против некоторых имен стояли галочки — очевидно, этих людей удалось задержать. Около других стояли пометки «скрылся» или «местонахождение неизвестно», многие же просто были под вопросом. Пометки, судя по всему, делались в спешке. Йенсен установил, что полиции шестнадцатого участка удалось арестовать не более одной пятой лиц, подлежащих аресту, причем в основном из первого списка.

Как и в случае приказа об аресте сорока трех врачей, последующие приказы не имели ни подписи, ни исходящего номера, и все же после тщательного изучения Йенсен установил, что на них стояла печать Министерства юсти-

ции. На последних двух приказах внизу была сделана пописка:

«Названные лица представляют собой угрозу для безопасности государства. Их следует немедленно задержать, обыскать и арестовать, а затем передать в руки представителей тайной полиции».

Инструкции, касающиеся вмешательства полиции в уличные демонстрации, также были присланы непосредственно из министерства. После того как Йенсен разложил их в хронологическом порядке, ему бросилось в глаза, что характер инструкций на протяжении одного только месяца — октября — сильно изменился. Еще в начале октября распоряжения касались в первую очередь поддержания общественного порядка и регулирования городского транспорта в связи с проведением демонстраций. Однако после 10 октября тон их резко изменился. В них больше ничего не говорилось о защите демонстрантов, а неизменно подчеркивалась необходимость решительно противодействовать выступлениям врагов общества. Еще через несколько дней был издан приказ, обязывающий полицейских носить при себе огнестрельное оружие. Своим новым приказом Министерство юстиции снимало все ограничения о применении оружия полицейскими, ссылаясь на закон о мятежах.

Списки людей, подлежащих аресту, прибыли в шестнадцатый участок почти одновременно — 24 и 26 октября. Только одна папка красного цвета получена позже. Ее текст показался Йенсену особенно загадочным.

«Ввиду готовящегося выступления врагов общества в субботу 2 ноября обычные полицейские силы, ответственные за поддержание общественного порядка, будут усилены специальными воинскими подразделениями. Детальные распоряжения последуют позднее».

На этом приказе, датированном 31 октября, также стояла печать Министерства юстиции. Судя по записям в дневнике, почти все члены правительства и руководство полицейского корпуса накануне выехали за границу.

На основании просмотренных документов Йенсен не мог установить, какой отдел Министерства юстиции издавал приказы, но на каждом из них стояли одни и те же слова — «Стальной прыжок». Очевидно, это кодовое название имело какое-то отношение к полиции.

Комиссар Йенсен перечитал записи своего заместителя и сравнил их с собственными пометками в записной книжке. Да, кое-какие основные тенденции прослеживались достаточно четко.

С 21 сентября начались политические беспорядки. В течение октября они нарастали и достигли кульминации 2 ноября. После этого порядок был восстановлен, и все успокоилось.

Но через одиннадцать дней вспыхнула эпидемия. И хотя на борьбу с ней были брошены все силы, она достигла такого размаха, что еще через две недели власти полностью утратили контроль над положением в стране.

Никаких прямых доказательств связи между этими событиями нет.

Прошло еще несколько дней, и органы здравоохранения заявили, что распространение эпидемии остановлено. Вместе с тем чрезвычайное положение в стране было усилено и все контакты с внешним миром прерваны. Полицейский корпус и военные власти исчезли со сцены.

Казалось, между этими событиями не было логической связи.

Йенсен перевернул листок в записной книжке и прочитал свою последнюю запись: «Что случилось с женой линотиписта?» Ниже он написал еще два вопроса: «Что произошло 2 ноября? Что означает «Стальной прыжок»?

Затем выдвинул ящик письменного стола, достал портативный магнитофон и отправился в соседнюю комнату.

Больной уже проснулся и шарил рукой вокруг себя. Очевидно, искал стакан с водой.

21.

— Вы оказались правы, — сказал Йенсен. — Видимо, в стране действительно существовала тайная полиция — она подчинялась непосредственно министру юстиции. Я этого не знал.

Человек на диване засмеялся.

— Великолепно! — воскликнул он. — У нас настолько тайная полиция, что даже полиция не подозревает о ее существовании. Может, и те, кто в ней состоял, тоже не знали, что работают в тайной полиции?

— Маловероятно.

— Пожалуй. Благодаря связям в Министерстве юстиции нам удалось выяснить, при каких обстоятельствах была создана тайная полиция. Хотите послушать?

— Не стоит. Лучше ответьте на два вопроса.

— А все-таки я расскажу. Как вы, вероятно, помните, несколько лет назад служба безопасности была распущена. Она настолько себя скомпрометировала как внутри страны, так и за ее пределами, что власти сочли за благо ее распустить. Служащих уволили — кого совсем, кого в отставку, а секретные архивы сожгли. Официально задача шпионажа была возложена на военное министерство.

Йенсен нетерпеливо забарабанил пальцами по блокнутой. А больной продолжал:

— Правда, военные тоже сумели натворить массу глупостей. Так, например, они посылали самолеты на небольшой высоте, пытались разведать дислокацию кораблей в

портах соседних стран, пытались засылать туда шпионов. Нужно ли говорить, что самолеты тут же сбивали, а шпионов арестовывали еще до того, как они успевали спросить дорогу до ближайшей ракетной базы. То, что реакционная военная верхушка ведет себя подобно последним идиотам, скорее правило, чем исключение. К тому же всегда можно попытаться выдать черное за белое или выразить недоумение — не правда ли, обычно так и делают, если только представляется возможность? А кроме того, сами военные давно уже продали все свои секреты другим странам. Так что не это беспокоило власти. Больше всего их волновал вопрос: кто будет шпионить за населением?

Йенсен бесстрастно смотрел в окно. Снег прекратился, снова пошел мелкий дождь.

— И тогда необходимость решили выдать за благородный поступок — всеми презираемую службу безопасности упразднили, а составленные с таким трудом секретные документы — сожгли. Но перед тем как сжечь архивы, а помещения, в которых они хранились, переоборудовать в залы для пинг-понга, все списки аккуратнейшим образом сфотографировали и отослали в Министерство юстиции, где они были поручены заботам мелких чиновников. Видите, как все просто!

— Что странного вы заметили в поведении жены вашего друга? — прервал Йенсен его тираду.

Выражение лица больного изменилось. Кинув на Йенсена взгляд, полный боли, он коротко бросил:

— Она умерла.

— Именно это вы имели в виду?

— Нет. Я упомянул о ней в качестве примера. Люди будто взбесились. И это относится не только к тем, кто бросал в нас камнями и бутылками, давил машинами детские коляски или в истерике нападал на нас, как директор банка и его выжившая из ума жена, но и к тем, кого мы знали

и с кем были связаны по работе или союзу. Жена моего друга... она внезапно стала вести себя очень странно.

— То есть?

— Чтобы вам стало понятнее, я попытаюсь рассказать о ней подробнее. Я знал ее и ее мужа очень хорошо, почти так же, как самого себя.

Он наморщил лоб.

— Это была спокойная разумная женщина. Разве только излишне застенчивая, но это, видимо, объяснялось тем, что ее характеру совершенно не свойственна импульсивность. Она всегда долго взвешивала, прежде чем решалась на какой-нибудь поступок, и это ее качество очень всем нам помогало. Благодаря своей выдержке и хладнокровию она сумела удержаться в Министерстве юстиции. Ей казалось, что когда-нибудь нам это пригодится.

— Я попросил бы вас ближе к делу.

— Если вы не узнаете всех сопутствующих обстоятельств, вам трудно будет понять суть происшедшего.

— Продолжайте.

— Как и на всех нас, окружающая среда наложила на нее неизгладимый отпечаток.

— Что вы имеете в виду?

— Духовную сторону жизни. Это вообще характерно для нашего общества, а в отношении человека, с детства лишённого непосредственности и эмоций, результат усугубляется.

— Не совсем уловил вашу мысль.

— Я говорю о полном отсутствии чувственности. У людей атрофировано половое влечение. Чем иным, по-вашему, объясняется столь низкая рождаемость в стране?

— Но ведь ваша приятельница была замужем.

— Исключительно из практических соображений.

Йенсен промолчал.

— Да, она принадлежала к числу именно таких людей.

Но где-то в сентябре или начале октября мы заметили, что ее характер изменился.

— В чем это сказывалось?

— Она стала более вспыльчивой, раздражительной. Казалось, что-то ее беспокоит.

— И это все?

— Нет. Как-то мы трое работали в помещении союза. Я хорошо помню, что это было после столкновений 10 октября, так как мы обсуждали события дня. Нам казалось, что сейчас следует воздержаться от демонстраций.

— Почему?

— Да потому, что при этом люди подвергались опасности. Многие получили ранения. Большинство же вообще было напугано дикими сценами и пассивностью полиции. И действительно, после этого состоялась всего одна демонстрация.

Он замолчал, посмотрел глубоко запавшими глазами на Йенсена и тихо добавил:

— 2 ноября.

— К этому мы еще вернемся. Вы не досказали, что произошло в тот вечер.

— Мой друг приводил в порядок плакаты и лозунги, порванные во время стычек, а я с его женой работал на ротаторе. У нас кончилась бумага, и он отправился в ближайший писчебумажный магазин. Мы знали, что это займет у него минут двадцать. Как только он ушел, его жена вышла в другую комнату. Я не обратил на это внимания. Буквально через минуту она вернулась и встала рядом со мной. Я по-прежнему не обращал на нее внимания. Тогда она взяла меня за руку, и я увидел, что она совершенно обнажена.

— Вот как!

— Она пристально смотрела на меня, я тоже не мог оторвать от нее глаз. Вдруг она сказала: «Иди ко мне. Быстро!» Она хотела, чтобы я лег с ней.

— Очевидно. И это все?

— Что вам еще надо знать?

— Ну хотя бы, как она при этом выглядела?

— У нее был странный взгляд. В остальном же я не заметил ничего необычного. Мне и раньше приходилось видеть ее обнаженной. Разумеется, при других обстоятельствах.

— При каких же?

— В бане, например. Или во время купания. А как-то мы жили вместе в одной комнате в летнем лагере. Там не особенно стеснялись друг друга. Она была миловидной женщиной с маленькими округлыми грудями и очень широкими бедрами. Да, вы правы, я действительно заметил одно необычное обстоятельство: она стояла в непристойной позе, с широко раздвинутыми ногами.

— И как вы поступили?

— Сказал, чтобы она немедленно оделась, естественно. Но мне пришлось повторить несколько раз, только тогда она согласилась надеть блузку. Мне это осточертело, и я ушел домой, не дожидаясь возвращения мужа.

— Это все?

— А что еще нужно? Для меня этого было вполне достаточно. Такое необычное поведение!

— Может быть, оно вовсе не такое необычное, как вам кажется.

— Что вы хотите этим сказать?

Йенсен промолчал, а немного погодя спросил:

— Скажите, что было потом?

— С ней?

— Нет, я хотел бы знать общую обстановку.

— С каждым днем положение ухудшалось. Люди, казалось, выходили из себя по малейшему поводу. После того как мы отменили демонстрации, они стали нападать на посольства социалистических стран. Группа хулиганов раз-

громила и подожгла одно из посольств. Полицейские не вмешивались, хотя и были вооружены. За каких-нибудь несколько дней около десяти посольств и консульств были закрыты, а их персонал покинул страну.

— Какую позицию вы занимали?

— Мы выжидали. Затем совершенно неожиданно появилось сообщение о том, что выборы откладываются на неопределенный срок. Это произошло 21 октября, когда до дня выборов оставалось меньше недели.

— Как об этом стало известно?

— Сообщение было опубликовано в газетах, передавалось по радио и телевидению. Выступил один из членов правительства. Кажется, министр просвещения. Он очень скупно заявил, что выборы откладываются, так как в стране необходимо восстановить закон и порядок. Он призвал народ к спокойствию. И еще... После его выступления...

— Продолжайте, я вас слушаю.

— ...после его выступления социалистов вдруг оставили в покое. Пресса и радио больше не писали и не говорили о нас ни слова. Как будто все кончилось. На самом же деле все только начиналось.

— Что произошло 2 ноября?

— Нечто чудовищное!

Охваченный тяжкими воспоминаниями, рассказчик внезапно закрыл глаза руками. После нескольких минут молчания он снова заговорил:

— Сообщение о том, что выборы откладываются, было опубликовано в понедельник. А уже в субботу полиция неожиданно начала массовые аресты. Многие лица, члены социалистических союзов, а также сочувствующие были схвачены, и с тех пор о них нет вестей. Правда, некоторые успели скрыться. Через два дня — новая волна арестов. На этот раз мы были готовы, и полиции удалось арестовать только немногих. Большинство же покинуло город. Мы трое

остались. В подвале, рядом с помещением союза, была комната, о которой почти никто не знал. Мы могли бы жить там, даже если бы полиция разгромила наш клуб. На следующий день события приняли совершенно неожиданный оборот. По радио и телевидению вновь выступил министр просвещения. Он заявил, что за последние дни были совершены серьезные ошибки. По его словам, полиция выпла за рамки законности, а народ неправильно понял создавшееся положение.

— Он говорил о чем-нибудь еще?

— Он сказал, что произведенные аресты незаконны, и поэтому все арестованные по политическим причинам будут немедленно освобождены. И хотя лично он великолепно понимает, что действия полиции и общественности были продиктованы исключительно чувством справедливого негодования, избранные ими методы достойны осуждения.

— Дальше, прошу вас.

— Нам это выступление показалось подозрительным, но, как ни странно, все задержанные полицией, в тот же день были освобождены. Они рассказали, что их затолкали в огромное подземелье в здании Центрального налогового управления. Полиция и охрана обращались с ними как звери, а затем внезапно всех выпустили на свободу.

Он по-прежнему не отнимал рук от лица. Голос его звучал глухо, невыразительно.

— Через день появились новые правительственные сообщения. В них говорилось, что в стране с демократической системой правления каждый гражданин имеет право открыто выражать свои политические взгляды, не опасаясь репрессий; что выборы состоятся через две недели; что правительство «всеобщего взаимопонимания» приглашает всех социалистов принять участие в массовом митинге в субботу на той же неделе, то есть 2 ноября; что этот ми-

тинг явится заключительным этапом предвыборной кампании. В город будут вызваны воинские части, которые вместе с полицией будут отвечать за поддержание порядка. Гарантировалась полная физическая неприкосновенность всех участников.

Одновременно все социалистические и левые радикальные союзы получили письменные приглашения принять участие в митинге, который состоится на центральном городском стадионе. На митинге выступят представители правительства и всех заинтересованных общественных групп и организаций. Там же будет проведена широкая политическая дискуссия. Социалисты — участники митинга пройдут к стадиону по бульвару. Полиция и войска закроют бульвар для городского транспорта.

Йенсену послышалось, что с улицы доносятся какие-то звуки. Он попытался прервать рассказчика, но тот, казалось, этого не заметил.

— Уже в четверг к вечеру в город начали прибывать танки и вертолеты. Почти все социалистические союзы и организации решили участвовать в политической дискуссии. И мы усиленно готовились к митингу. Многие товарищи приехали из других городов. Пятница прошла спокойно. В ночь на субботу мы спали всего несколько часов в помещении союза — я, мой товарищ, его жена и еще несколько человек. Женщине становилось все хуже, она теряла над собой власть. Едва я заснул, как проснулся от того, что она...

Йенсен прислушался. Теперь до него уже отчетливо донесся шум приближающейся машины. Она еще не въехала во двор, как он понял, что это джип. Но рассказчик, видимо, был глух ко всему.

— Впрочем, это не имеет значения. Люди собрались к десяти утра и двинулись по бульвару точно в назначенное властями время, в одиннадцать часов. На этот раз де-

монстрация была мощная, участников раз в десять больше, чем обычно, — ведь впервые все левые организации выступили совместно. Вдоль всего пути на тротуарах стояли люди, но никто не кричал и не оскорблял нас. Между демонстрантами и зрителями выстроилась цепь солдат и полицейских. На улицах совсем не было транспорта, только полицейские машины и танки. Демонстрация медленно двигалась вперед. Кто-то запел. Песня нарушила типину пасмурного дождливого дня. И внезапно, когда мы прошли полпути, они бросились на нас.

— Кто?

— Все. Солдаты, полицейские, люди, стоявшие на улице. Они открыли стрельбу и вопили как дикие звери. Сначала трудно было что-нибудь понять. Мне показалось, что стреляют в воздух, чтобы разогнать демонстрантов. Но вскоре я увидел, что стреляют не в воздух, а в нас, что нас расстреливают! Правительство заманило нас в гигантскую мышеловку. Вокруг падали и умирали люди. Дети гибли под ногами бегущих. Те, кто пытался вырваться из окружения, скользили в лужах крови и попадали под копыта лошадей. Это была бойня, страшная, чудовищная бойня!

Мы старались держаться вместе. Каким-то чудом нам удалось найти брешь в рядах полиции и мы проскользнули в переулок. Сзади раздавались стрельба и крики о помощи. Я оглянулся и увидел, что над крышами домов летит вертолет. Сидящие в нем люди обстреливали демонстрантов из пулемета. Мы прятались под виадуком, пока не стемнело, а затем прокрались к себе в убежище. Беспрерывно ревели сирены полицейских и санитарных машин, проносившихся по улицам. Мы остались в убежище. Это была единственная возможность уцелеть.

Вот что случилось 2 ноября — величайшая в мировой истории резня. Вы хотели об этом знать, я вам ответил.

— Расскажите, что последовало за этим.

— Мы остались в убежище. Сколько там пробыли — не помню. Затем жене товарища стало совсем плохо. У нее начался бред, она кричала, что все окутано красным туманом, задыхалась и все время пыталась сбросить с себя одежду. Когда стало ясно, что ей становится все хуже, мы решили отвезти ее в больницу. Бросили жребий, кому ехать с ней. Выпало мне. Муж помог вынести ее на улицу, я оттащил ее к ближайшему телефону и оттуда вызвал «Скорую помощь». Прошло немало времени, прежде чем прибыла санитарная машина. Врач не прикоснулся к больной. Он только сказал, что у нее заразная болезнь и она скоро умрет. Велел мне положить ее в машину и ехать вместе с ней в больницу, так как я, несомненно, тоже заразился и меня необходимо поместить в изолятор.

Он говорил все тем же безжизненным голосом и все так же не отрывал рук от лица.

— Врач не солгал. Она умерла в машине. В больнице врача заставили отправить тело прямо в Центральное налоговое управление. Меня сняли с машины и положили на носилки, стоявшие в коридоре. Потом мне сделали укол, и я заснул. Проснувшись, я обнаружил, что все еще лежу на носилках, и двое санитаров — один очень высокий, другой маленький — несут меня по длинному белому коридору. Высокий шагал размашисто, маленький семенил за ним. Мне же показалось, будто они бегут. На ходу они все время переговаривались между собой. Я краем уха уловил несколько медицинских терминов, но для меня это был пустой звук. Когда же я увидел глаза санитаров, мне стало ясно, что это безумцы.

— Не торопитесь, — сказал Йенсен.

— Кажется, мне сделали еще укол. Очнувшись, я увидел, что лежу, завернутый в одеяло, на полу в огромной больничной палате. Ног у меня не было. Всюду валялись такие же калеки. Многие были мертвы. Живые кричали и

стонали. В палате невыносимо пахло. Сквозь забытие я услышал, как кто-то сказал: «Этого я знаю». Надо мной склонился какой-то рыжеволосый мужчина. Я узнал его. Это был полицейский врач. Больше я ничего не помню. Окончательно я проснулся здесь, в этой комнате и тогда увидел вас.

Голос его прервался, и он замолчал.

Йенсен повернул голову и увидел рыжеволосого врача, который, прислонясь к двери, стоял на пороге.

— Это правда?

Врач предостерегающе поднял палец, достал шприц и прозрачную ампулу и подошел к дивану. Йенсен молча смотрел, как он впрыснул жидкость из ампулы. Мышцы больного расслабились, и он заснул.

Полицейский врач поправил одеяла и повернулся к Йенсену.

— О чем вы говорили?

— Это правда?

— Как вам сказать,— ответил врач.— И да и нет.

— Что вы хотите этим сказать?

— А то, что все, что произошло с этим беднягой, было на самом деле, но он несколько вольно истолковывает факты.

22.

Комиссар Йенсен сидел за письменным столом в своем кабинете. Он только что выключил магнитофон. Врач стоял у окна и смотрел на улицу.

— Я еще раз спрашиваю вас, правда ли то, о чем он рассказал?

— Правда, но весьма своеобразная.

— Расхождения большие?

— Значительные. О некоторых вещах вы и сами можете судить.

— Да, вы правы.

— Вы ведь понимаете, например, что произошло с той женщиной.

— Да. Она стала жертвой эпидемии.

— Точнее, болезни. А так как он не знал, что ее поведение было результатом заболевания, он, естественно, находил его необъяснимым.

— Согласен с вами.

— Следовательно, наибольший интерес вызывает не ее поведение само по себе и не то, что она умерла точно так же, как и женщина в камере предварительного заключения. Самое важное, почему ее поразила болезнь.

— А вы можете ответить на этот вопрос? — спросил Йенсен.

— К сожалению, пока еще нет. Вам удалось выяснить, что означает выражение «Стальной прыжок»?

— Нет.

— Это тоже один из вопросов, который требует ответа. — Врач повернулся к Йенсену. — Я могу внести также поправку и в то, что произошло на самом деле 2 ноября. Я достаточно четко представляю себе, что случилось.

— По-вашему, рассказ очевидца неверен?

— Нет, он совершенно точно рассказал о том, что слышал и видел собственными глазами. Он только выводы делал неправильные.

— Вы так полагаете?

— Да. По его мнению, это была хорошо продуманная резня, ловушка, из которой ему вместе с друзьями удалось вырваться по счастливой случайности.

— Разве не так?

— С его точки зрения, именно так. Но это субъективная точка зрения. На самом деле тысячи демонстрантов

сумели сохранить самообладание и способность действовать и спаслись. И большинство людей вовсе не пряталось в убежища, трясаясь от страха и ожидая, когда полицейские патрули выследят их. Они, не медля ни минуты, покинули город, чтобы организовать сопротивление.

— Куда же они отправились?

— В лес.

— Как и вы?

— Да, как и я. К тому же нападение на демонстрацию отнюдь не было таким продуманным и хорошо организованным, как ему казалось. Насколько нам удалось восстановить последовательность событий, полиция, солдаты и гражданское население действовали стихийно. В пылу охоты полицейские и солдаты стреляли друг в друга и в кого попало. Обстрел толпы из пулеметов, установленных на вертолетах, был, к примеру, совершенно бессмысленным — к тому времени демонстрация уже успела рассеяться и многие участники находились далеко от места происшествия. Я не отрицаю: в суматохе погибло много людей, но не так много, как ему показалось. И среди демонстрантов, и среди тех, кто на них напал, и среди тех, кто оказался невольно вовлеченным в конфликт, было немало жертв. Поймите, я не отрицаю, что расправа с демонстрантами не была заранее подготовлена. Напротив, я убежден, что нападение было продумано.

— Но вряд ли правительством, — заметил Йенсен.

— Вы тоже обратили на это внимание?

— И все-таки расправа была подготовлена. Кем?

— По-моему, те, кто прислал вас сюда, тоже очень хотели бы это знать.

Наступила тишина. Врач снова уставился в окно. Он стоял неподвижно, как бы ожидая чего-то, что неминуемо должно было произойти через несколько минут.

— Вы, кажется успокоились, — заметил Йенсен.

— Да, спешить больше некуда. Зло уже свершилось.
Он взглянул на часы.

— Пожалуй, пора попытаться установить связь,— пробормотал он про себя.

Он повернулся к Йенсену:

— Идемте со мной.

Они вошли в центр радиосвязи. Врач включил приемное устройство и некоторое время манипулировал ручками настройки. Потом выпрямился:

— Наверно, еще рано.

— Что вы делаете?

Врач не ответил. Он вновь склонился над приемником и настроился на другую волну. Через несколько секунд послышался знакомый женский голос:

— Алло, машина номер пятьдесят, алло, машина номер пятьдесят. Алло, все машины, все машины...

Следующая фраза, очевидно, относилась к кому-то, кто стоял рядом:

— Не отвечают.

— Конечно. И никогда больше не ответят,— пробормотал полицейский врач.

Он выключил рубильник.

— Надо беречь батареи.

Они вышли из радиоцентра. Больной все еще спал.

Когда они вошли в кабинет комиссара, Йенсен сказал:

— Ответьте мне на несколько вопросов.

— Не имеет смысла,— сказал врач и опустился в кресло для посетителей.

— Я привык, чтобы на мои вопросы отвечали.

— Вы меня неправильно поняли. Я хотел сказать, что бессмысленно о чем-либо спрашивать, пока мы не можем ответить на главный вопрос: что такое «Стальной прыжок»?

Он задумчиво посмотрел на Йенсена.

— Правда, я знаю человека, который мог бы нам в этом помочь.

— Кого вы имеете в виду?

— Того, кто прислал вас сюда.

— Министра?

— Нет, он лишь подставная фигура, которую используют для предвыборных афиш.

— Министр просвещения?

— Совершенно верно. Он знает то, что нам неизвестно. С другой стороны, нам известно многое, о чем он не имеет ни малейшего представления.

Он немного подумал, потом спросил:

— Как по-вашему, нам удастся заманить его сюда?

— Это нелегко.

— Всегда есть способ этого добиться.

— Какой же?

— Насилие, — лаконично ответил врач.

Он встал и быстрыми шагами направился в радиоцентр. Йенсен остался в кабинете.

23.

— Вы мне не нравитесь, Йенсен, — сказал полицейский врач.

Комиссар Йенсен не ответил.

— Не считите это за личную обиду. Вы мне не нравитесь потому, что служите в полиции.

Они сидели на переднем сиденье полицейской машины. Йенсен включил сирену и на большой скорости гнал автомобиль по вымершим деловым кварталам центра города.

— Вы можете не снижать скорости, — заметил врач. — Баррикады уже убраны. Сумеете доехать до аэродрома за полтора часа?

— Попробую.

— Тогда мы успеем к прибытию самолета, на котором прилетает наш общий знакомый.

— А вы уверены, что он прилетит?

— Да.

— Как вам удалось это сделать?

— Очень просто. Он был в равной степени удивлен и обрадован, когда увидел на аэродроме знакомый истребитель. Когда же он узнал, что вы находитесь в самолете, его радость превзошла все границы. И тогда ребята втащили его в кабину и взлетели. Если верить древним сказаниям, таков лучший способ заполучить желанную женщину. Уговоры, хитрость и наконец — сила.

Автомобиль промчался мимо королевского замка и Министерства связи, затем миновал здания Комитета коалиционных партий и Министерства внутренних дел.

— Конечно, если бы заглянуть туда, мы нашли бы ответы на все наши вопросы, — заметил врач. — Но так быстрее.

В холодном вечернем свете огромные здания казались причудливым нагромождением камней. Йенсен направил машину в туннель, ведущий на юг.

— Конечно, полиция нужна, — продолжал врач как ни в чем не бывало, — но наша полиция всегда была слугой капитала и высшего чиновничества. В ней слишком сильны буржуазные идеалы, чтобы ее можно было перестроить. То же относится и к армии. А нам нужна социалистическая полиция и социалистическая армия, поэтому старый аппарат насилия надо уничтожить и на его месте создать нечто принципиально иное. Вот почему вы мне не нравитесь. Из принципиальных соображений.

Йенсен, сжав губы, слушал монолог врача.

— Когда насквозь прогнившие полиция и армия по той или иной причине перестают выполнять свои функции, создается положение, которое профессионалы называют ре-

волюционной ситуацией. И вот теперь кто-то оказал нам большую услугу, устранив армию и полицию. Очевидно, это произошло ненамеренно, да и все то, что этому предшествовало, было ужасным. Недаром даже те из нас — а таких было немного, — кто стремился к скорейшему созданию революционной ситуации, содрогнулись.

Неожиданно врач хлопнул Йенсена по плечу.

— Послушайте, Йенсен, вы остались совсем один. Понимаете? Единственный полицейский в стране.

— Да.

— Это ваша последняя возможность, Йенсен. Я готов пойти вам на встречу. Если вам что-нибудь еще непонятно, а я могу вам помочь — к вашим услугам. Спрашивайте!

Йенсен молчал.

— Ну, спрашивайте же, Йенсен. В крайнем случае я могу подтвердить часть ваших догадок.

— Догадок?

— Или выводов, если хотите.

— Болезнь...— начал Йенсен.

— Что вас интересует?

— Она смертельна?

— Да.

— Существует ли какой-нибудь способ поддерживать жизнь больного?

— Да.

— Переливание крови?

— Да.

— На какое время?

— Трудно сказать. Но это непродолжительная отсрочка.

— Вам удалось установить, как протекает болезнь?
С медицинской точки зрения?

— В принципе да. У нее несколько симптомов.

— Вы можете их перечислить?

— Начальный симптом — полное отсутствие психоло-

гического торможения. Болезнь поражает центральную и симпатическую нервную систему, действует на мозг. Если хотите, речь идет о своего рода стимулирующем действии.

— Отсюда повышенное половое влечение?

— Да. Впрочем, это в большей степени зависит от снятия торможений, нежели от стимулирующего действия на нервную систему и мозг. Под влиянием среды и уродливого воспитания люди подавляют в себе чувства. Результаты поразительные! Вам не приходилось участвовать в секретном исследовании половой жизни населения, которое проводилось несколько лет назад?

— Нет.

— Удручающая картина. Супруги месяцами не имеют близости. Исследование было вызвано резким сокращением рождаемости. По-видимому, правительство было удовлетворено его результатами. И никому в голову не пришло поинтересоваться, почему все-таки люди не хотят иметь детей. А тем, кто задавал такие вопросы, посоветовали держать язык за зубами.

Йенсен бесстрастно смотрел вперед. Он включил фары, и полосы яркого света исчезали в глубине туннеля.

— Какой вывод можно отсюда сделать? — спросил он наконец.

— Да поймите, в результате этого у человека возникают сдвиги в психике. Подавляемые доселе животные начала выходят на поверхность, люди нападают друг на друга, если им это придет в голову, убивают друг друга, если возникает желание. Но одновременно притупляется чувство здравого смысла. Человек становится более впечатлительным, легче поддается посторонним влияниям. Вместе с тем он затрудняется в оценке реальных фактов и не может делать правильные выводы. Вместо этого он начинает искать радикальные решения. Ему неважно, что эти решения в результате могут привести к убийству.

— В дальнейшем появляются чисто физические симптомы болезни?

— Нет. Как нам кажется, следующей стадией болезни является возвращение к нормальному состоянию. Больной чувствует себя хорошо, и поведение его не выходит за рамки обычного. Он помнит, что с ним происходило ранее, но не испытывает угрызений совести за содеянное и не считает, что несет за это какую-нибудь ответственность. Другими словами, у больного наступает просвет, однако этот просвет характерен для общей картины болезни.

— Долго продолжается этот период?

— Неделю, от силы две.

— А затем?

— Затем болезнь вступает в решающую фазу. Этот этап протекает очень быстро. Сначала появляется быстрая утомляемость, после начинается тошнота, головокружение, а затем погода — непрерывная головная боль. Больного охватывает чувство апатии. Все окружающее он видит в каком-то красном тумане. Появляется боязнь замкнутого пространства, так называемая клаустрофобия, удушье. Затем на короткий период больной теряет сознание, и вслед за этим наступает смерть.

— Как объясняют это врачи?

— С медицинской точки зрения смерть вызывается непропорциональным увеличением числа белых кровяных телец за счет исчезновения красных кровяных телец. Болезнь напоминает лейкемию, хотя протекает неизмеримо быстрее.

— Можно ли предотвратить смертельный исход?

— Насколько мне известно — нет. Я не знаю сколько-нибудь действенного метода лечения. Это, конечно, не означает, что нельзя открыть способа прервать ход болезни на ее ранней стадии.

Автомобиль выскочил из туннеля. Промышленные

районы по-прежнему казались вымершими, но по обочинам шоссе выстроились грузовики и джипы. Рядом стояли группы вооруженных людей, одетых в серебристо-серые и зеленые комбинезоны, то тут, то там валялись остатки дорожных заграждений.

— Очевидно, ваши,— сказал Йенсен, не отрывая глаз от дороги.

Врач кивнул.

— Нам попадет еще много встречного транспорта,— сказал он.— Однако на этом шоссе все препятствия уже должны быть убраны. Так что можно ехать без опаски.

— Из того, что я видел и слышал, мне казалось, что у этой болезни есть еще одна стадия. После клинической смерти.

— Да. Но здесь мне приходится довольствоваться только догадками. Действительно, можно отдалить момент смерти — я имею в виду физическую смерть — с помощью переливания крови. На некоторое время. При этом переливания крови нужно делать очень часто. Они не только сохраняют жизнь больному, но и поддерживают его в отличном физическом состоянии. Но, как я уже сказал, только на некоторое время.

— Продолжайте.

— Увы, переливание крови не препятствует переходу болезни в следующую стадию, которую вы столь метко назвали стадией после клинической смерти.

Он замолчал. Йенсен тоже молчал, сосредоточив все внимание на управлении машиной. Время от времени мимо них проносились колонны грузовых автомобилей, направляющихся в город. В кузовах сидели вооруженные мужчины и женщины, одетые в зеленые комбинезоны.

Когда они проехали километров пять, Йенсен сказал:

— Насколько мне известно, болезнь проявилась почти у всех одновременно?

— Да.

— Следовательно, заражение произошло (или было распространено умышленно) за одиннадцать-двенадцать недель до смерти?

— Да,— сказал полицейский врач.

Помолчав, он добавил:

— Так что выбор у нас небольшой, не правда ли?

— Да,— согласился комиссар Йенсен.

24.

— Почему они ампутировали ему ноги?

— Потому что основывались на собственных выводах,— сказал врач.

— По-вашему, это разумное объяснение?

— Они исходили из трех ошибочных положений: во-первых, масса людей, включая их самих, больна; во-вторых, предполагаемая болезнь заразна; и, в-третьих, она излечима. Они поддерживали свою жизнь непрерывными переливаниями крови, но понимали, что это временное облегчение. Поэтому они испытывали различные методы лечения. Им стало известно, что мужчина, доставивший умирающую женщину в больницу, находился с ней в тесном контакте. Естественно, по их мнению, что и он заразился.

— И они попытались вылечить его?

— Да. Точнее, воспользовались им для того, чтобы испытать на нем новый метод лечения. Он был всего лишь звеном в длинной цепи экспериментов.

— Но они поступали так без злого умысла?

— Вот именно. Без злого умысла. Вы удивительно метко подбираете выражения, Йенсен.

Полицейский врач посмотрел на Йенсена красными воспаленными глазами, потом осторожно извлек недокуренную сигарету из нагрудного кармана комбинезона.

— Удивительно метко, — повторил он. — Очевидно, все, что произошло, было сделано без злого умысла. Ведь это же соответствует самому духу «всеобщего взаимопонимания» — ни у кого не должно быть дурных мыслей или вредных намерений. Никто не должен беспокоиться, или тревожиться, или желать другому зла. Эта доктрина вдалбливалась в головы людям на протяжении десятилетий. Так почему врачи должны быть исключением?

Йенсен не ответил.

— При этом только упустили из виду, что если не признавать отрицательных сторон жизни, то ее положительные стороны тоже начинают казаться чем-то нереальным.

Врач закурил, глубоко затянулся и выдохнул облачко синего дыма.

— Ибо даже в обществе «всеобщего взаимопонимания», несомненно, существовали положительные стороны. Только вы их почему-то не заметили, правда, Йенсен?

Йенсен по-прежнему молчал.

— Три месяца назад, когда вы ехали по этой же дороге, вы не задумывались над тем, что чувствует человек при приближении смерти?

— Нет.

— Вам не приходила в голову мысль, что кому-то может вас не хватать?

— Как по-вашему, ампутация была произведена в лечебных целях? — неожиданно спросил Йенсен.

— Это лишь следствие, — сухо сказал полицейский врач. — Сначала этого человека подвергли так называемой профилактической обработке. Ему впрыснули иприт или аналогичное сильно действующее средство.

— Иприт?

— Именно. Это совсем не так бессмысленно, как может показаться неспециалисту. У медиков существует теория на этот счет, хотя и весьма примитивная. Когда же лече-

ние оказалось безрезультатным, его оперировали в надежде спасти ему жизнь. Не забывайте, они все-таки врачи, а долг врача — бороться за жизнь других людей. К тому же в своей отчаянной попытке победить болезнь они старались осуществить опыты, на которые в обычной обстановке требуется лет десять, а то и больше, за одну неделю.

— Безумцы!

— Вы опять удивительно точны. Нарушение деятельности мозга даже на ранней стадии — процесс необратимый. И тем не менее в их действиях была определенная логика.

— Должно быть, они умертвили тысячи людей.

— Да. Возможно, десятки тысяч. Но только после того, как у них истощился запас плазмы крови. Тогда они начали делать облавы, стремясь схватить как можно больше доноров.

— Как им удавалось все это осуществлять там, в центральном госпитале?

— А как вы себе это представляете? Гигантская больница, обслуживаемая одной-двумя тысячами обезумевших врачей, которым необходимо дважды в сутки переливать кровь, чтобы не умереть. Они работали как... да, как одержимые, пытаясь найти эффективный способ лечения болезни, от которой сами страдали и которую не могли понять. Проводили исследования за забором из колючей проволоки и стеной из мешков с песком — последняя «забота» военных, прежде чем все они перемерли. Вспомните, о чем вас спросили те двое из санитарной машины, которые остановили вас вчера утром.

— Они спросили, здоров я или болен.

— Вот именно. В их помутившемся рассудке смешались все понятия. Подобно всем людям с больным мозгом, они считают себя здоровыми, а всех остальных больными.

Врач опустил боковое стекло, и в машину ворвался свежий воздух.

— Если бы только к нам прислушивались,— тихо сказал он.

— Что вы с ними сделали?

— С теми людьми?

— Да.

— То, что вы должны были сделать с самого начала. Убили. Через час начинается штурм центрального госпиталя, и как только мы его захватим, убьем остальных.

Он пожал плечами и швырнул окурок в открытое окно машины.

— Значит, это вы забрали из города детей?

— Да. Это все, что мы могли тогда сделать.

Комиссар Йенсен свернул к зданию аэропорта и поставил машину там, откуда угнал ее шестнадцать часов назад.

— Знаете, Йенсен,— сказал полицейский врач.— А ведь кое-кому вас недоставало.

— Кому же это?

— Мне.

25.

— Вы входили внутрь госпиталя? — спросил Йенсен. Врач покачал головой.

— Видел его только снаружи,— сказал он.— Этого вполне достаточно.

— Где вы нашли человека с ампутированными ногами?

— В здании Центрального налогового управления. Вчера они сняли оттуда охрану. Не хватает людей.

Он помолчал.

— Вы, верно, представляете себе это здание. Сначала его использовали в качестве тюрьмы. Затем, когда цент-

ральный госпиталь и городские больницы были переполнены мертвецами и умирающими, в нем начали сжигать трупы. Само по себе разумное решение... с их точки зрения. Скоро всех безнадежных стали доставлять прямо туда. Кроме тех, кто принадлежал к правящей верхушке и кого оставляли в центральном госпитале, чтобы продлить им жизнь за счет переливаний крови. Жизнь-то продлевали, а между тем их мозг неумолимо подвергался распаду.

— Но ведь этот человек был здоров?!

— Через несколько дней уже не успевали сжигать трупы — те, кто занимался кремацией, либо бежали, либо умерли. Но врачи с маниакальным упорством продолжали доставлять трупы на военных грузовиках. Еще вчера утром продолжалась перевозка.

Йенсен кивнул.

— Я видел несколько грузовиков, — сказал он.

— Грузовики, которые вы видели, перевозили в основном не тех, кто умер от болезни, а трупы доноров, умерщвленных в центральном госпитале или в районных донорских пунктах. Всех, по их мнению безнадежных, больных доставляли в здание налогового управления. У этих людей по различным причинам не брали кровь перед смертью. Именно к этой категории относился человек с ампутированными ногами.

— Почему же никто не сопротивлялся? — вырвалось у Йенсена.

— Потому что они не хотели слушать наших предупреждений, — с горечью ответил врач. — Потому что они потеряли человеческий облик.

— Вы чрезмерно упрощаете, — сказал Йенсен.

Врач метнул взгляд в его сторону.

— Разумеется, упрощаю. К вашему сведению, часть населения сопротивлялась, многие попрятались, немало людей скрылось из города. Кроме того, не забывайте, что в

распоряжении медиков были вооруженные солдаты, кадровые военные, которым они поддерживали жизнь по трем причинам: им требовалась защита центрального госпиталя, а также нужны были люди для обороны баррикад на дорогах, ведущих в центр города, и для охраны грузовиков с донорами. И все же я понимаю: этих фактов недостаточно, чтобы ответить на ваш вопрос.

— Я не уловил вашу мысль.

— Вы спросили: почему люди не сопротивлялись? Все дело в том, что высокооплачиваемая реакционная группа врачей в нашей стране создала и постоянно поддерживала дутий образ всемогущих медиков. Благодаря этому они имели возможность обращаться с пациентами как им заблагорассудится и наживать огромные деньги частной практикой — и это в то время, как каждый из них занимал официальные должности в государственных больницах и госпиталях.

Йенсен молчал.

— Это надувательство не только не вызывало протеста со стороны правящей верхушки, но и всячески поощрялось. Врачи заняли в стране особое положение, они уподобились божествам, властным над жизнью и смертью. Официально специалисты возглавляли отделения и секторы государственных больниц, но в то время как больные тщетно просились в коридорах госпиталей, в лучшем случае попадая к врачам-практикантам или стажерам, сами они занимались частной практикой — обслуживали пациентов, готовых платить за лечение, в котором они по большей части не нуждались.

Он повернул голову в сторону Йенсена.

— Так врач в глазах народа стал олицетворением элиты, подобно правительству и властям, которые с каждым днем отдалялись от простых людей, становились все более абстрактным понятием. Удивительно ли, что законы народ

воспринимал как нечто само собой разумеющееся, против чего нельзя бороться. Вот почему народ не сопротивлялся.

Они поднялись в комнату на третьем этаже в здании аэропорта. На посадочной площадке сновали люди, оттаскивая в сторону грузовики и бронемашины. Несколько вертолетов и самолетов готовились к старту.

На поле стояли группы людей в зеленых комбинезонах. Около аэровокзала Йенсен увидел двух молодых женщин и мужчину — у каждого через плечо были перекинuty ленты с патронами. Они курили и негромко переговаривались друг с другом. Лица их были печальные и сосредоточенные.

Спутник Йенсена вновь вернулся к прерванной теме.

— Такое положение вещей вызвало недовольство многих врачей, особенно молодых. Постепенно они стали переходить в лагерь социалистов. Это были главным образом врачи, работающие в государственных больницах. Откровенно говоря, при этом многие из них руководствовались не только общественным самосознанием и чувством долга перед народом, но и личными мотивами.

Он вытер запотевшее стекло. Снова пошел снег с дождем. Темнело.

— Реакционная верхушка смотрела на нас с подозрением и не упускала случая сообщить о крамоле правительству, которое в свою очередь передавало эти сведения тайной полиции.

— Вы имеете в виду службу безопасности.

— Если это название вам больше нравится, пожалуйста. Вот откуда и пошла первая волна арестов врачей накануне вашего отъезда.

— Вам удалось скрыться. А что стало с остальными?

— Их отвезли в здание налогового управления. Сначала с ними обращались вполне прилично — не допрашивали и не вели никаких расследований. Но с каждым днем охрана вела себя все жестче, а после кровавых событий 2 ноября начала расстреливать арестованных. Думаю, что по собственной инициативе, без приказа сверху. Тогда арестованные восстали и сумели организовать побег. Больше половины из них спаслось после отчаянной схватки. Они тут же покинули город и присоединились к нам.

Пошел густой мокрый снег. Полицейский врач, прищупившись, смотрел на кромку леса за аэродромом.

— Мне кажется, здание налогового управления вряд ли будет особенно популярным после всего, что произошло.

— Да, маловероятно.

— Придется его взорвать, сравнять бульдозером и засыпать место хлорной известью.

— Врачи тоже едва ли будут пользоваться большой популярностью в народе, — заметил Йенсен.

Его собеседник горько рассмеялся.

— Вы правы, — сказал он. — Только представьте себе, как все эти медицинские светила носились по городу в санитарных машинах с ревущими сиренами! Настоящие оборотни, впрочем, скорее вампиры! Настоящие кровопийцы! В течение нескольких недель они буквально терроризировали город.

— Сколько смертей на их совести?

— Множество. Но меньше, чем можно было ожидать. Они успели похозяйничать лишь в нескольких городских кварталах. Да и там им не удалось схватить всех жителей.

— Почему вы не вмешались раньше?

— Мы тоже не всемогущи. Несмотря на большую подготовительную работу, нам понадобилось время, чтобы организовать и собрать разрозненные группы. К тому же психологически мы не были готовы к захвату власти. В са-

мом деле, кто мог ожидать, что весь полицейский корпус и армия вымрут за какую-то неделю?

В комнате зажегся и тут же погас свет. Но уже через несколько секунд лампы снова вспыхнули.

— Ну вот, — сказал полицейский врач. — Порядок начинает восстанавливаться.

Прищурившись, он всматривался в серую мглу за окном.

— А вот и наш друг.

Над краем леса показался военный самолет. Он промчался над аэродромом и приземлился в его дальнем конце. За хвостом самолета раскрылся купол тормозного парашюта.

— Итак, ваш последний вопрос, — сказал врач. — Хотите, я буду присутствовать в качестве свидетеля?

— Как вам угодно, — ответил комиссар Йенсен.

26.

Миловидная темноволосая женщина с автоматом в руках ввела министра в комнату. Ей было не больше двадцати пяти лет. Когда она открыла дверь, министр спросил:

— Что это за флаги на крыше аэропорта?

— Вы страдаете дальтонизмом? — спросила женщина и толкнула его в комнату.

— Я буду в коридоре, — добавила она.

Министр просвещения неуверенно огляделся вокруг, однако лицо его по-прежнему хранило высокомерное выражение. Он был одет в строгий серый костюм. Многие находили его привлекательным, и все-таки на предвыборных афишах предпочитали печатать портрет другого министра, которого считали олицетворением процветания нации и уверенности в завтрашнем дне.

Министр воспользовался платформой социал-демокра-

тической партии и сделал головокружительную карьеру в правительстве «всеобщего взаимопонимания».

— В чем дело? Меня похитили на территории иностранного...

Тут он заметил Йенсена:

— Йенсен? Так это вы организовали похищение? В таком случае...

— Нет,— сказал Йенсен,— не я. Садитесь, пожалуйста.

Министр опустил на стул. Он по-прежнему казался озадаченным, но к нему вернулась былая самоуверенность. Очевидно, присутствие Йенсена убедило его в том, что ничего серьезного не произошло. То обстоятельство, что рядом с ним находится человек, привыкший выполнять приказы и подчинявшийся ему, успокоило министра.

Когда его ввели, Йенсен стоял у небольшого письменного стола. Теперь он сел. Достал ручку и блокнот. Равнодушным взглядом скользнул по сидящему перед ним человеку.

Министр с явным раздражением взглянул на полицейского врача, по-прежнему стоявшего у окна.

— Кто это? — надменно спросил он.

— Полицейский врач моего участка.

— Ах, так. Ну-с, Йенсен, эпидемия пошла на убыль?

— Как будто.

— Больше нет риска заражения?

— Нет.

Министр с облегчением вздохнул.

— Превосходно.

Но тут же вспомнил о том, что произошло, и в его голубых фарфоровых глазах появился угрожающий блеск.

— Кто посмел сыграть со мной такую шутку? — спросил он. — Как это могло случиться?

— Поскольку страна, откуда вас привезли, для нас официально не существует, вряд ли стоит обращать вни-

мание на такие формальности,— невозмутимо произнес Йенсен.

Министр подозрительно посмотрел на него, но воздержался от комментариев.

— Во время нашей прошлой встречи — а это было ровно сутки назад — я согласился выяснить положение в стране и попытаться раскрыть причины, которые его обусловили.

— Правильно, Йенсен. Но теперь, когда эпидемия нам больше не угрожает, отпала необходимость в дальнейшем расследовании. Объясните, что это за дурацкий маскарад на аэродроме?

Йенсен с непроницаемым выражением лица перелистывал блокнот.

— И кто эта женщина с автоматом? Надеюсь, он не был заряжен? — допытывался министр.

— К сожалению, расследование еще не закончено, — сказал Йенсен. — Я прошу вас ответить на несколько вопросов.

— Меня? Уж не собираетесь ли вы меня допрашивать?

— Именно это я и имел в виду.

— Вы что, спятили, Йенсен? Если вам удалось что-нибудь узнать, подайте рапорт. И позаботьтесь, чтобы меня как можно быстрее доставили в министерство. Между прочим, можете доложить результаты по пути.

Он поспешно встал.

— Эпидемия и в самом деле больше никому не угрожает?

— Я ведь уже сказал.

— Тогда почему мы здесь сидим?

— По-моему, для вас небезопасно выходить из комнаты...

— Не понимаю, о чем вы говорите, Йенсен. Вставайте, нечего терять времени.

— Мой долг позаботиться о вашей безопасности.

— Для этого существует полиция и армия. Свяжите меня с ними.

— Телефон не работает. Но если бы даже телефонная связь и действовала, вам бы это не помогло. Полиции и армии больше не существует.

— Что вы там такое несете?!

Министр пренебрежительно взглянул на Йенсена.

— Не нашли ничего лучшего, как послать полицейского,— пробормотал он.— Я же всегда говорил, что это кретин.

И он с раздражением пожал плечами.

— Почему полиции и армии не существует? Чем это вызвано: войной? Вторжением?

— Болезнью,— ответил Йенсен.

— Глупости! — отрезал министр.

Полицейский врач неслышно отошел от окна и остановился за спиной человека в элегантном сером костюме. Подняв правую руку, он ребром ладони ударил его по шее. Тот рухнул на пол.

— Это знак преданности народа,— сказал врач.— А теперь встаньте и раскрывайте рот только для того, чтобы отвечать на вопросы.

Йенсен с очевидным неодобрением посмотрел на врача.

— Это было излишним,— спокойно заметил он.— Если что-либо подобное повторится, я прекращу допрос.

27.

Министр сидел на стуле против Йенсена. Его глаза растерянно бегали, свернутым в комок белым шелковым платком он вытирал кровь в уголках рта. Врач снова занял свое место у окна.

— Сначала несколько уже известных фактов,— сказал

Йенсен. — А потом вы ответите на интересующие меня вопросы.

Министр краем глаза покосился на окно и кивнул.

— Тысячи людей умерли от болезни, поразившей определенные слои населения. Было бы неправильно говорить об эпидемии, так как выяснилось, что болезнь разная.

Министр вопросительно поднял брови.

— Хаос, воцарившийся в стране и прежде всего в столице, отчасти можно объяснить смертью людей, отвечающих за удовлетворение потребностей общества. Всю последнюю неделю власть сосредоточила в своих руках группа врачей, которые забаррикадировались в центральном госпитале и прилегающем к нему районе. Как оказалось, все они были больны. Неизвестная болезнь поразила мозг и лишила их рассудка. Когда общество, потрясенное болезнью и событиями, которые ей предшествовали, распалось, эта группа безумных врачей объявила в стране чрезвычайное положение.

Министр не сводил с Йенсена глаз, то и дело облизывая кончиком языка пересохшие губы.

— Врачи в центральном госпитале поддерживали в себе жизнь частыми переливаниями крови. Когда же запас плазмы кончился, они под угрозой оружия стали доставлять в госпиталь доноров, у которых выкачивали кровь. Так погибло множество людей — сколько, нам пока неизвестно. С введением чрезвычайного положения центр города был закрыт, а его жители насильно эвакуированы. Вскоре последовало запрещение выходить на улицу в пределах всего города. Население было терроризировано и жило в атмосфере постоянного страха.

Министр открыл рот, пытаясь что-то сказать, но Йенсен предостерегающе поднял руку.

— И еще одно очень важное обстоятельство, — сказал

он. — У всех заболевших первые симптомы проявились почти одновременно, поэтому резонно предположить, что они заразились практически в одно и то же время. Это случилось около трех месяцев назад, в конце августа или в начале сентября.

— Я тут ни при чем. — быстро сказал министр.

— Ну, а теперь мне хотелось бы получить от вас ответ на следующий вопрос.

Министр как зачарованный смотрел на Йенсена.

— Что такое «Стальной прыжок»?

В комнате стало удивительно тихо, слышались только приглушенные голоса на поле и рокот моторов — очевидно, вертолеты шли на посадку. Йенсен посмотрел на часы. Секундная стрелка сделала полный оборот. Еще один. Он поднял глаза и взглянул на человека в сером костюме. Тот беспокойно заерзал на стуле.

— Я не виноват! Мы не виноваты. Если что-то и произошло, это несчастная случайность.

Голос его прерывался.

— Объясните, что такое «Стальной прыжок», — невозмутимо повторил Йенсен.

— Я... Можно воды?

— Воды нет, — отозвался врач. — Водопровод не работает.

— Отвечайте на вопрос, — сказал Йенсен.

— «Стальной прыжок»...

— Продолжайте.

— Так называли мероприятие, входившее в предвыборную кампанию коалиционных партий.

— Кто за него отвечал?

— Руководство.

— Вы входили в состав руководства?

— Да.

— В чем конкретно заключалось мероприятие?

— В пропаганде преданности стране. Его цель — стимулировать интерес населения к политике перед выборами.

— В какой форме оно проводилось?

Министр, обретший спокойствие, с прежним высокомерием взглянул на комиссара.

— Послушайте, Йенсен, какое это имеет отношение к делу? Если где-то и произошла осечка, вам не удастся сделать козлом отпущения ни меня, ни мою партию, ни политику взаимопонимания!

— Мне нужны только факты.

— Пожалуйста. Мне нечего скрывать. К вашему сведению, в предвыборной кампании принимали участие и другие организации.

— Вы имеете в виду службу безопасности?

Министр снова покосился на окно. Затем сказал:

— Служба безопасности почти не принимала участия в предвыборной кампании. Но не исключено, что на каком-то подготовительном этапе ее подключили для выполнения отдельных мероприятий. Между прочим, Йенсен, говоря о службе безопасности, вы затрагиваете государственную тайну.

— Теперь это уже не имеет значения. Вы так и не ответили на мой вопрос о том, в какой форме велась кампания.

— Все было очень просто. Мы разослали открытки с вопросами. Наверно, вы и сами получили такую открытку.

— Получил. Белую открытку с синей маркой.

— Совершенно верно. К чему тогда эти вопросы, если вам все известно? Ведь вы отослали открытку обратно?

— Да.

— И приклеили марку?

— Конечно.

Министр вопрошающе посмотрел на Йенсена.

— Не понимаю, черт побери! — воскликнул он.

- Кто печатал открытки?
- Крупнейший полиграфический концерн.
- А конверты?
- Они же. Уж вам-то это известно.
- Кто печатал марки?
- Типография Национального банка.
- А кто наносил клей на марку?

В гнетущей тишине, охватившей комнату, четко слышались шаги караульной за дверью. По временам приклад автомата ударялся о стену. Наконец полицейский врач выпрямился. Йенсен метнул на него быстрый взгляд и вновь обратился к министру.

— Я спрашиваю, кто наносил клей на марку?

— Исследовательский институт Министерства обороны,— чуть слышно ответил министр.

— Нет,— тихо произнес врач.— Этого не может быть!

Его тяжелый взгляд остановился на министре. Затем он повернулся и быстро вышел из комнаты.

Полными ужаса глазами министр умоляюще смотрел на Йенсена.

— Не надо,— пролепетал он.— Ради бога, не разрешайте ему...

Но комиссар его не слушал. Рядом хлопнула дверь туалета и вслед за этим раздались какие-то сдавленные всхлипывания — это врача выворачивало наизнанку.

Вскоре послышался звук спускаемой воды.

28.

— Простите, что вмешиваюсь,— сказал врач,—но мне представляется важным выяснить подробности. Прежде всего, это сбережет время, к тому же так честнее.

Йенсен кивнул.

— Понимаю.

Полицейский врач повернулся к министру и, глядя на него с ненавистью, спросил:

— Вы меня поняли?

— Как профессиональный политический деятель, я научился оценивать ситуацию.

В голосе министра еще прорывались нотки высокомерия.

— Вы оказались не лучшим учеником. Насколько мне удалось понять, вы совершенно неправильно оценивали ситуацию. Вы и сейчас глубоко заблуждаетесь. Так что я позволю себе повторить: надежда на то, что вы выйдете отсюда, ничтожно мала, вообще кажется сомнительным, что вы покинете пределы этой комнаты. Несколько минут назад я чуть было не поддался искушению расправиться с вами. Смею вас уверить, что у многих моих товарищей терпения гораздо меньше.

Министр бросил боязливый взгляд на человека в зеленом комбинезоне.

— Он напуган,— холодно заметил Йенсен.— Вы уже продемонстрировали свою силу, и я не вижу смысла подчеркивать это вторично. Свидетель, чувствующий себя свободно, предпочтительнее свидетеля, над которым висит физическая и моральная угроза.

— Так сказано в полицейской инструкции,— сухо сказал врач.— Между прочим, вы меня неправильно поняли. Для меня это не вопрос предпочтения, а чисто моральная проблема. Я имею в виду честность. И если вы пользуетесь деревянной линейкой, место которой в музее, я предпочитаю придерживаться устаревших этических принципов. Мне это кажется не менее полезным.

Йенсен промолчал.

— Вы закончили обмен мнениями? — неожиданно спросил министр.

— Как видите.

— В таком случае хочу сказать, что я полностью оценил смысл ваших слов. Насколько я понял, если я не проявлю желания ответить на ваши вопросы, меня прикончат. И вы,— он обратился к врачу,— не откажетесь сделать это лично.

— Примерно так,— подтвердил тот.

— Для меня это весьма убедительный аргумент. Итак, что вы хотите знать?

Врач не ответил. Он только кивнул в сторону Йенсена и вернулся к окну.

Йенсен уткнулся в записи. Перелистав несколько страниц, он спросил:

— Так вы утверждаете, что, по заверениям ученых, препарат считался совершенно безвредным?

— Вот именно. В противном случае мы бы никогда им не воспользовались.

— Кто первый высказал мысль о его применении?

— Не я.

— Кто же?

— На этот вопрос не так легко ответить.

Йенсен выждал, пока министр собирался с мыслями. Наконец он сказал:

— Я жду.

— Исследовательский институт Министерства обороны был экономически выгодным предприятием. На протяжении ряда лет ученые института экспериментировали со многими препаратами, причем, заметьте, исключительно успешно, особенно в области биохимии. Затем лицензии на эти препараты продавали в другие страны, что вело к дополнительному притоку иностранного капитала и тем самым приносило пользу всему обществу.

— Препараты предназначались для военных нужд?

— Да, по большей части. Например, средства для

уничтожения растительного покрова или же для гуманной бактериологической войны.

— Как это надо понимать?

— Речь идет о средствах, предназначенных в первую очередь не для умерщвления, а скорее для временного выведения из строя вражеских войск и враждебно настроенного гражданского населения. Разумеется, у нас в стране в подобных средствах ведения бактериологической войны нет надобности, но в другой части земного шара они широко применялись для борьбы с мировым комму...

Он осекся и бросил взгляд в сторону окна.

— Продолжайте,— сказал Йенсен.

— Как выяснилось, эти средства оказались в чем-то неэффективными. А так как в капиталистическом мире существует широкий спрос на биохимическое оружие, которое временно выводит противника из строя, группа ученых исследовательского института Министерства обороны начала работать над этой проблемой. Это были отличные специалисты, они добились значительных успехов в других областях. Разумеется, их исследования проводились в глубоком секрете — таковы условия иностранных заказчиков, которые субсидировали работы.

— Кто знал о полученных результатах?

— Помимо заказчиков — лишь члены специального правительственного комитета. В отдельных случаях информировали также службу безопасности и высшее военное руководство.

— Вы лично входили в комитет?

Министр неуверенно взглянул на Йенсена.

— Да, — после некоторого колебания ответил он. — Пожалуй, это бессмысленно отрицать.

— Продолжайте.

— Насколько мне известно, ученые пытались создать вещество, которое бы на время делало людей пассивны-

ми — это относится к армии противника или враждебно настроенным группам населения. Исследования затянулись, заказчики начали проявлять нетерпение и через дипломатические каналы несколько раз обращались в комитет с требованием отчета о проделанной работе. Тогда комитет в свою очередь потребовал, чтобы ему сообщались результаты исследований. На протяжении двух лет мы регулярно получали сведения от руководителя исследовательской группы.

Где-то в глубине здания неожиданно раздался голос. Министр прислушался.

— Радио, — пояснил врач. — Это заговорило радио. Мы присутствуем при так называемом историческом моменте.

— Так о чем он вам сообщал? — спросил Йенсен.

— Работа, по его словам, шла нормально, только... Короче говоря, успеха добиться пока не удалось, пришлось выйти за рамки выделенных средств и требуются новые ассигнования, чтобы можно было продолжить исследования.

— И больше ничего?

— К одной из служебных записок было приложено дополнение.

— Вы можете рассказать о его сути?

— В первый момент мы сочли этот документ за своего рода попытку отвлечь наше внимание. Там говорилось, что параллельно основным исследованиям велись работы по созданию противоядия для разрабатываемого биохимического оружия. И вот тут-то ученым удалось получить ряд любопытных промежуточных продуктов, хотя об окончательных результатах говорить еще рано. Полученному препарату дали какое-то кодовое обозначение. Ученые возлагали на него весьма большие надежды. Нам же все это показалось не заслуживающим внимания — заказчики,

которые финансировали деятельность института, требовали от ученых совсем иного.

— Расскажите об этом веществе подробнее.

— Оно обладало активным стимулирующим действием. По мнению ученых, его чрезвычайно легко приспособить для военных целей. Препарат снимет с солдат усталость, у них повысится агрессивность и они будут стремиться в бой, не щадя жизни. Правда, пока вещество обладало рядом побочных эффектов. Как только оно переставало действовать, наступало как бы похмелье после неумеренного питья. Кроме того, человек терял над собой власть, забывал о каких бы то ни было условностях, связанных с воспитанием. Это с особой силой проявлялось в половом влечении. Ученые полагали, что сумеют устранить побочные эффекты в самый короткий срок. Препарат получил название D5X.

Министр умолк. Казалось, он собирается с мыслями. Но вот он вновь заговорил:

— Таково вкратце содержание дополнительной записки. Мы переслали ее заказчикам. Вскоре от них пришел ответ, в котором нас уведомляли, что они отказываются продолжать финансирование проекта из-за крайне скудных результатов.

— А как они отнеслись к препарату D5X?

— Категорически от него отказались. У них, мол, и без того слишком много алкоголиков и хулиганов, не говоря уже о наркоманах и развратниках.

— Что вы можете сказать о позиции комитета?

— Поймите, у нас не было другого выхода. Исследовательский институт Министерства обороны — не благотворительное учреждение. Мы приказали немедленно прекратить всякие работы, связанные с производством препарата, и перевести людей на другие участки. После этого о препарате ничего не было слышно — вплоть до сентября.

Министр кашлянул, прикрыв рот ладонью.

— Ученый, открывший препарат D5X, сообщил нам, что он по собственной инициативе продолжал исследования, пользуясь помощью своей ассистентки. По его словам, экспериментальная стадия успешно завершена. Мы пригласили его выступить перед членами комитета и, должен признаться, поразились его энтузиазму.

— Что означает название D5X?

— Буквы — инициалы изобретателя, цифра «пять» означает номер серии опытов.

— Продолжайте.

— Препарат был изготовлен в виде таблеток. Как утверждали, он обладал исключительным стимулирующим действием, пробуждал в человеке интерес к окружающему миру, неизмеримо повышал активный потенциал.

— Что это значит — активный потенциал?

— То есть давал возможность людям свободно выражать чувства, скрытые в подсознании, например преданность, волю к победе, любовь, при условии, что чувства эти направлены на реально существующих лиц или определенные понятия. Действие препарата по-прежнему сопровождалось побочным эффектом: резко возросшим половым влечением. Но, поскольку он в основном направлял волю людей на достижение определенной цели, этот побочный эффект отнюдь не угрожал морали общества. Более того, создатель препарата надеялся использовать это свойство в интересах общества: в стране с катастрофически низкой рождаемостью и почти атрофированным половым чувством такой возбуждающий препарат мог принести только пользу.

— В этом он был, пожалуй, прав, — заметил полицейский врач.

Бросив на него предостерегающий взгляд, Йенсен спросил:

— Как разворачивались события дальше?

— Ученый просил разрешения испробовать препарат на людях. Сначала на отдельных лицах, затем на экспериментальных группах.

— Как вы отнеслись к его просьбе?

— У нас не было оснований ему отказать.

— Как прошли эксперименты?

— Превосходно. Прежде всего таблетки испробовали на спортсменах. Эффект поразительный: они начали одерживать одну победу за другой. Препарат действовал безотказно, превосходя все ожидания. Тогда решили испытать его на людях, занятых политической работой в различного рода организациях. Я и сам попробовал его во время подготовки к конгрессу. Эффект превосходный, никаких вредных последствий. Испытываешь чувство удивительного подъема, который, к сожалению, скоро проходит. Мы обратили внимание, что половая возбудимость чаще наблюдалась у женщин.

Итак, препарат D5X действовал, но трудно было найти ему практическое применение. И прежде всего из-за быстротечности действия. Мы направили официальные документы в институт, в которых не рекомендовали производить таблетки в массовом количестве и выпускать их в качестве лекарства, ибо злоупотребление препаратом могло привести к нежелательным последствиям.

— К вашей рекомендации прислушались?

— Изобретатель и его ассистентка настаивали на продолжении работ. Им трудно было примириться с мыслью, что их детище не найдет широкого применения. А кроме того, они считали, что смогут вскоре продлить действие препарата до пяти-шести недель. И тогда мы позволили им продолжать работу.

Министр замолчал и искательно взглянул на Йенсена, но, не найдя в его лице ничего для себя утешительного, вздохнул и продолжал:

— В начале лета изобретатель прислал письмо, в котором уведомлял нас о готовности D5X. Его вызвали на заседание комитета, чтобы выяснить детали. По словам ученого, ему и ассистентке удалось решить все проблемы. Продолжительность действия препарата довели до шести недель. Более того, теперь препарат начинал сказываться не ранее чем через две-три недели после приема. И самое главное — удалось разрешить проблему его распространения. Ученые предложили растворить препарат в клее, который впоследствии будет использован для почтовых марок. Продолжать?

— Да.

— Стоимость производства препарата чрезвычайно низкая. Создатели могут предоставить такое его количество, которого хватит на несколько миллионов почтовых марок, причем стоит это будет немногим дороже, чем обычный клей. Остаток можно хранить в герметической посуде неограниченное время и использовать в случае надобности, особенно в минуту кризиса в стране.

Изобретателю велели подготовить необходимое количество препарата для нанесения на почтовые марки и держать состав наготове. 1 августа он сообщил, что задание выполнено, за что получил благодарность. Такова роль института в этом деле.

— Но вы так и не ответили, что такое «Стальной прыжок», — напомнил Йенсен.

— Сейчас узнаете, — поспешно ответил министр. — Комитет, занимающийся предвыборной кампанией и операцией «Стальной прыжок», испытывал значительное давление со стороны некоторых руководителей коалиционных партий. На прошлых выборах в голосовании участвовало менее половины избирателей. И хотя эти цифры не были опубликованы, их невозможно было скрыть. Тщательный анализ общественного мнения показал, что подавляющее большин-

ство избирателей, отказывающихся голосовать, составляют низкооплачиваемые категории рабочих и служащих. Партия, к которой я ранее принадлежал и которая была сильнейшей в коалиции, представляла собой основу системы «всеобщего взаимопонимания». Эта социалистическая...

— Не смейте произносить это слово!— раздался голос врача.

— ...точнее, социал-демократическая партия имела влияние именно в низкооплачиваемых слоях населения. В результате падения числа избирателей кое-кто начал сомневаться, не занимает ли наша партия — вернее, наша бывшая партия — слишком много постов в коалиционном правительстве, несоразмерно с ее влиянием.

— Следовательно, вы действовали в собственных интересах,— заметил Йенсен.

— Ни в коем случае! Я, как и остальные члены комитета, думал только о благе народа. Мы знали, что народ остается верным коалиции и поддерживает политику всеобщего взаимопонимания и благосостояния.

— Несмотря на то что более половины избирателей отказывались голосовать?

— Но это вовсе не означает, что они не поддерживали правительство.

— А что же это означает, по-вашему?

— Просто бóльшая часть народа не считала необходимым проявлять свою преданность правительству. Исключительно плодотворные результаты, достигнутые коалицией, и высокий жизненный уровень обеспечивали им уверенность в завтрашнем дне.

— Разве эта уверенность не была одной из основ системы «всеобщего взаимопонимания»?

— Черт побери, неужели им трудно было дойти до избирательных участков раз в три года!— Министр на мгновение потерял самообладание.

— Это вас раздражало?

— Конечно! Но еще больше нас раздражало то обстоятельство, что безответственные левые элементы подрывали общественный порядок. Эта ничтожная кучка смутьянов непрерывно организовывала марши протеста. Они выступали против всего — начиная от выдачи одноразовых пакетов (которая, кстати, проводится только у нас в стране) до нашей внешней политики. Мы гордимся, что страна вот уже больше ста лет придерживается политики нейтралитета.

Теперь он говорил с жаром и даже был вынужден остановиться, чтобы перевести дыхание.

— Подавляющее большинство населения не принимало всерьез их болтовни об угрозе империализма и их обращений к совести человечества. Между прочим, я и сам выступал с подобными речами во время предвыборной кампании. Подумать только, они призывали к революции, которую мы осуществили одним росчерком пера много лет назад! Но народ все-таки не выступал против социалистов. Более того, они находили новых сторонников, особенно среди молодежи, верящей наивным лозунгам тупоумных иностранцев. Им даже удалось проникнуть в одну из самых важных сфер нашего общества.

— Какую же?

— Нет, нет, не в полицию. В здравоохранение. Многие медики были заражены ядом социализма еще со студенческой скамьи, что очень беспокоило преданных режиму врачей. Узнав, что подрывная работа ведется беспрепятственно, мы решили принять соответствующие контрмеры.

— Какие именно?

— Мы решили осуществить операцию «Стальной прыжок». Под этим названием имелось в виду мероприятие, призванное раз и навсегда сплотить и активизировать народ. Доказать, сколь безосновательной была критика на-

шего государства всеобщего взаимопонимания и благосостояния. Мы намеревались вести кампанию решительно, не стесняясь в средствах.

— И одним из этих средств был D5X?

— Да,— чуть слышно выдохнул министр. Но уже в следующее мгновение голос его поднялся до крика: — Иначе какого черта я сидел бы здесь, выбалтывая вам государственные тайны?

Но Йенсена нелегко было сбить с толку.

— Продолжайте,— сказал он.

— Мы прибегли к этой мере по рекомендации врачей, входящих в состав комитета.— Министр, казалось, осознал свое положение и опять старался говорить негромко.— Они испробовали препарат и гарантировали его безопасность — при условии, что он не попадет в руки безответственных людей. И тогда комитет принял решение о применении препарата D5X.

— Каким образом его распространяли?

— Использовали в клее на марках во время предвыборной кампании. Разве вы этого до сих пор не поняли?

Йенсен промолчал.

— Мы решили в первую очередь испытать препарат на людях тех профессий, лояльность которых не вызывает сомнений.

— Кого вы имели в виду?

— Профессиональных военных, полицию, преданных правительству врачей, таможенных служащих, молодежные организации и чиновников министерств. А для того чтобы лучше наблюдать, как будет действовать препарат, в этот период решили вести ожесточенную пропаганду против врагов общества.

— Что еще вы сделали?

— Генеральный врач потребовал ареста всех врачей и студентов-медиков, которые были зарегистрированы в ар-

хивах службы безопасности как враги общества и социально опасные элементы. Он считал, что их надо изолировать на время кампании.

— Почему?

— Из опасения, что кто-нибудь из них может узнать о составе клея и тогда будет грандиозный скандал. Если бы тайна применения препарата D5X стала достоянием общест-венности, под угрозу была бы поставлена вторая стадия кампании.

— В чем она заключалась?

— Вторая стадия состояла в том, чтобы распространить препарат в виде налоговых купонов с клейким слоем среди всех низкооплачиваемых слоев населения, причем рассчитали, что препарат должен начать действовать за неделю до выборов. Именно на этот период наметили резкое усиление предвыборной пропаганды по радио, телевидению и в печати. Для планирования этой решающей стадии предвыбор-ной кампании предполагали воспользоваться опытом, полу-ченным при применении препарата для первой группы на-селения.

Министр сделал короткую паузу, но вопросов не последовало, и он продолжал:

— По нашим расчетам, в результате всех этих мер мы должны были привлечь к выборам почти все население, ко-торое в массе проголосовало бы за платформу всеобщего взаимопонимания. Это положило бы конец всякой оппозиции.

Министр с надеждой посмотрел на Йенсена.

— Все, что мы делали, мы делали в интересах народа. У нас не было дурных намерений.

— Ваши планы не осуществились,— сказал Йенсен.

— Нет. Теперь, оглядываясь назад, можно заметить взаимосвязь между некоторыми событиями. Через пять дней после того, как были разосланы открытки первой

группе населения, умер изобретатель препарата D5X. Причина смерти — лейкемия. Ему было около семидесяти лет, и это обстоятельство нас не встревожило.

— В самом деле?

— В знак уважения к его заслугам ему организовали государственные похороны. Я сам принимал участие в похоронной процессии.

— Когда вы заметили первые тревожные симптомы?

— Лично я ничего не понимал до сегодняшнего дня. Сначала все казалось чрезвычайно многообещающим. Но уже в середине октября мы начали терять контроль над положением дел. Реакция оказалась сильнее, чем мы ожидали. Предвыборная кампания отошла на задний план. В течение недели в городе произошло столько же убийств и насилий, сколько за пять предыдущих лет. Дело дошло до того, что шеф полиции отдал специальное распоряжение не протоколировать убийства и другие преступления, связанные с насилием. Затем полиция и армия перестали нам повиноваться. Вернее, они выполняли только те распоряжения, которые исходили непосредственно от Министерства юстиции. Когда мы попытались разыскать помощницу изобретателя препарата D5X, оказалось, что она уничтожила не только все записи, но и запасы препарата, а затем покончила жизнь самоубийством. Мы были вынуждены отложить выборы. Я сам выступил с официальным заявлением об этом. Еще через пять дней стало известно, что охрана — то ли по собственной инициативе, то ли по приказу из министерства — расстреляла арестованных врачей. 30 октября положение стало отчаянным. Регент и большинство высших чиновников тайно покинули страну или укрылись в своих резиденциях. Однако после резни 2 ноября вновь наступило спокойствие. Я и другие члены правительства вернулись обратно через два дня. Мы решили начать расследование, но не успели его закончить. Началась эпиде-

мия. Причинная связь в тот момент нам была неизвестна. Остальное вы знаете лучше меня.

— Кто из членов правительства или представителей комитета пробовал подготовленную марку?

— Только министр здравоохранения. С целью эксперимента.— Министр посмотрел на Йенсена:— Понимаете, как-то не принято посылать уверения в лояльности самому себе.

— Вы правы.

— Все было сделано из самых добрых побуждений. У нас не было злого умысла.

Йенсен не ответил.

Стоя у двери, Йенсен и полицейский врач наблюдали за тем, как автомобиль с министром и вооруженной охраной отъехал от здания аэропорта. Йенсен посмотрел на часы. Прошло ровно двадцать четыре часа с того времени, когда он впервые стоял на этом месте, у телефонных будок.

— Что вы намерены с ним сделать?

— Это не моя забота,— врач пожал плечами.

— Вряд ли он сознает тяжесть своего преступления.

— Капитализм — сам по себе преступление. Однако капиталистическая машина могла существовать только потому, что люди были равнодушны ко всему происходившему. Они не хотели ничего знать, замыкаясь в узких рамках своего существования. А процесс отчуждения мешал им обнаружить виновника бед.

Стало холодно. Пошел снег.

— Со временем мы научимся излечивать лейкемию,— сказал врач.

— И вы хотите установить в этой стране социалистические порядки?

— Да, Йенсен. Но это будет нелегко.

Юн Бинг

ДЮРАНЬО

Когда Дюраньо спускался к остановке автобуса, над поселком уже стоял изнурительный зной. Дымчатое марево окутало стены домов, покрытых облупившейся серой штукатуркой; над сухой травой по обочинам шоссе висела тонкая мерцающая пыль. Маки на лугу тянули красные головки к небу.

Дюраньо шел самой короткой дорогой — через задний двор кафе мадам Годо. Собака, лежавшая в тени под лестницей, лениво взглянула на него; поодаль в куче отбросов рылся петух. Когда Дюраньо завернул за угол и вышел на шоссе, он заметил, что у поворота, там, где начинается дорога на Шатильон-сюр-Сен, остановился желтый фургон булочника. Оттуда выскочил какой-то человек. Он крикнул шоферу «спасибо», фургон тронулся, и фигура незнакомца исчезла в облаке пыли.

Дюраньо прибавил шагу. В маленьком поселке не часто встретишь чужого. Облезшая вывеска над дверью кафе мадам Годо давно уже никого не привлекала, а дома были слишком обшарпанные, чтобы ими могли заинтересоваться туристы.

Внизу, у остановки, незнакомец стряхивал пыль с плаща. Плащ был широкий, длинный и, казалось, ужасно жаркий. Дюраньо снова пошел медленно. Незнакомец производил какое-то странное впечатление. Это был старик с ху-

дым, загорелым лицом, от глаз к углам рта тянулись глубокие морщины — словно он привык подолгу улыбаться, а может, щурить глаза и смотреть на солнце.

Старик поднял мешок, лежавший рядом на земле, достал оттуда бутылку и кусок белого хлеба и огляделся, где бы присесть.

— Иди сюда, — позвал Дюраньо. — Вот сюда, на крышку колодца. Мы всегда тут сидим, когда ждем автобуса.

Тут старик впервые посмотрел на мальчика. Осторожно поставив бутылку на покатуую крышку, он перенес туда же мешок и еще какой-то серый предмет овальной формы. Потом уселся сам, вытянул ноги, подобрал плащ и рукой похлопал по крышке.

— Иди и ты сюда, — сказал он мальчику.

В его голосе послышалась какая-то таинственность. Казалось бы, голос как голос... но нет, в нем, как в резной шкатулке из лаврового дерева, заключалось нечто загадочное.

Дюраньо сел рядом. Больше незнакомец ничего не сказал. Он отпил из бутылки, откусил кусок хлеба и, щурясь, стал жевать. Потом стряхнул с колен крошки и ладонью отер рот.

Дюраньо испытывал такое чувство, будто он непременно должен что-то сказать.

— Жарко сегодня, — начал он.

— Ты думаешь? — отозвался старик, взглянув на мальчика. Седые волосы упали ему на лоб, и Дюраньо увидел, что кожа у старика совершенно сухая, без единой капельки пота. И плащ, который на расстоянии выглядел таким тяжелым и жарким, теперь показался мальчику прохладным, словно тень от пальмы. Он поблескивал, точно покрытый мельчайшими капельками росы.

Старик убрал в мешок бутылку и остатки хлеба, потом наклонился и взял в руки странный предмет в форме гру-

ши, который Дюраньо заметил раньше. Предмет был обтянут серой кожей, с виду мягкой, как замша.

Дюраньо больше не казалось, что он непременно должен разговаривать со стариком; они просто сидели рядом и молчали. Старик перебирал пальцами серую кожу футляра и, улыбаясь, поглядывал на мальчика. И — странное дело — сидя рядом с незнакомцем, Дюраньо в это жаркое утро ощущал прохладу.

Сзади, в дверном проеме, раздался шорох. Пластиковые занавески из разноцветных полос раздвинулись, и оттуда выглянула женщина в халате, по-утреннему растрепанная, с изможденным лицом. Поймав серьезный взгляд Дюраньо, она снова исчезла в полумраке комнаты.

— Это ее колодец, — пояснил мальчик. — Но сейчас-то он ей уже ни к чему, им провели водопровод.

Старик улыбнулся.

— Куда ты собрался? — спросил он.

— В школу. Жду автобуса.

Старик снова замолчал. Но мальчик расхрабрился и, протянув руку, потрогал серую кожу.

— Ой, какая мягкая. Что это?

— Бибаньо, — ответил старик.

— Бибаньо? А что это такое?

Вместо ответа старик расцепил маленькие металлические крючки, и футляр раскрылся посередине. Внутри оказался инструмент, похожий на две соединенные снизу половинки груши. На каждой половинке были натянуты струны. Они, как в зеркале, отражались на черной лакированной поверхности.

Дюраньо смотрел во все глаза. Блестящие струны и полированное дерево, обтянутое мягкой серой кожей. Старик поудобнее перехватил инструмент, струны ярко заблестели на солнце. Он улыбнулся, одним пальцем попробовал струну и запел. Вопреки ожиданию голос у него оказался не

надтреснутый, старческий, а глубокий и сильный. И внезапно мальчику почудилось, что перед ним молодой человек, полный сил и энергии.

Незнакомец пел на чужом языке. В теплом воздухе звуки переливались, мерцали, точно струйки летнего дождя. Слов Дюраньо не понимал, но музыка, словно по волшебству, будила в нем воспоминания о прохладе соленого прибоя и тени, морском ветерке и колдовской ночи.

Старик замолчал, взглянул на мальчика и медленно сложил половинки инструмента.

— Любишь ловить рыбу? — спросил он.

— Да, вон в том ручье. — Дюраньо показал туда, где за пыльной травой сверкали свежие зеленые кусты.

— А спишь когда-нибудь на воздухе?

— Да, — ответил мальчик. — Когда тепло, как сегодня. Я часто сплю в саду. Или в горах под деревом. Я тогда зажигаю костер и пеку на углях картошку.

Старик кивнул.

— И смотришь на звезды?

— Звезды... — как эхо откликнулся мальчик.

Старик снова кивнул.

— Тебе нравится мой плащ? — немного погодя спросил он и, поднявшись, расправил складки.

Дюраньо посмотрел на серую ткань, казалось, излучавшую легкое сияние.

— Плащ красивый, — сказал он. — Ты в нем похож на волшебника. Или на монаха.

Незнакомец улыбнулся и натянул на голову капюшон.

— А я и есть волшебник. Хочешь посмотреть?

— Ну, конечно, еще бы, — сказал Дюраньо. — А что ты мне покажешь?

— Звезды, — ответил незнакомец. — Я ищу мальчиков, которые любят смотреть на звезды, любят лежать на спи-

не у костра, когда искры взлетают высоко-высоко, и думать о том, есть ли где-нибудь на других планетах такие же мальчишки и смотрят ли они сейчас на нашу Землю. Вот таких волшебники берут к себе и учат смешивать стихии, воду и огонь, землю и воздух и колдовать со звездами.

Дюраньо изумленно смотрел на незнакомца. В своей серой монашеской одежде он казался непонятным и загадочным, совсем не похожим на того старика, который только что, сидя на крышке колодца, пил вино и ел белый хлеб.

— Иди сюда, — сказал незнакомец, распахивая свое одеяние. — Сюда, под плащ.

Дюраньо шагнул к нему.

Он очутился в темноте. Глубокой, беспросветной. Он падал, до бесконечности падал сквозь пустоту. И вокруг него все время была темнота — темнота и огоньки. Маленькие огоньки — белые, красные, желтые, голубые точки. Звезды. Холодные рои звезд.

Звезды.

Дюраньо падал в темноте меж звездами. Он видел бушующий снежный шторм — Млечный Путь. Видел крошечные, с булавочные головки, звезды, сверкающие всеми цветами радуги. Мимо, обжигая ему глаза, проносились солнца в окружении длинных копьевидных лучей.

Черная буря гнала сквозь пустоту стаи черных птиц. Они хлопали крыльями над головой Дюраньо, и он, не видя их, спешил следом. А солнца все мчались и мчались мимо, и за ними летели планеты, похожие на головки астр с взвихренными лепестками.

Дюраньо слышал прохладную музыку серебряных струн, но теперь он понимал, о чем они пели:

— Поллукс — желтый шар...

— Антарес...

— Бетельгейзе — большая темно-красная...

— Сириус — ярко горящие собачьи глаза...
— Тау Кита — океаны голубой воды...
— Проксима Центавра — четыре световых года от Земли...

И на расстоянии всего четырех световых лет от Земли, почти у самого дома, Дюраньо поймал узду, связывающую стаю черных лебедей, и уже не отпускал ее. Прикрыв глаза от света, он стал всматриваться в звезду Проксима Центавра и увидел вращающуюся вокруг нее планету. Там, на зеленом холме, лежал мальчик и смотрел на небо. Дюраньо поднял руку и помахал ему, и мальчик, лежавший у костра в чужой ночи, помахал ему в ответ. Оба они — ученики волшебника.

Буря понесла Дюраньо дальше.

В этот день он опоздал на занятия. И все время в школе сидел тихо и неподвижно, не отвечая на вопросы учительницы. Но на уроке географии она спросила, далеко ли расположена ближайшая к Земле звезда.

— Четыре световых года, — ответил Дюраньо. — Проксима Центавра...

ВРЕМЯ, ЗЕЛЕНОЕ, КАК СТЕКЛО

Тики-тики-тики-тики-тики-тики-тики.

Цифры ползли по циферблату, как светлячки.

Тики-тики-тики.

Будильник отбрасывал на постель слабое сияние. От этого подушка и простыни казались бледно-зелеными.

Тики-тики-тики.

В комнате было тихо, тепло и чуть сыровато, как часто бывает в больничных палатах. Слышалось только тиканье будильника. Оно было почти беззвучное, но все-таки прорезалось сквозь галлюцинации.

Тики-тики-тики.

За окном сыпал снег. В ночной тьме порхало множество белых сверкающих бабочек. Вокруг уличных фонарей светились фиолетовые нимбы.

Первый снег растаял, едва коснувшись тротуара. Но теперь он уже спокойно ложился на улицы и крыши домов. Он пах свежестью, чистотой и влагой.

На одном из зданий вращались стрелки старинных часов. На них налип снег, придавил их своей тяжестью. Пружина часового механизма напряглась до предела, но так и не смогла поднять стрелку с восьми на девять. Часы остановились.

Снежные вихри кружились, освещенные огнями закрытых магазинов. За зеркальной витриной тикали часы. Всевозможной формы, невиданной расцветки. Одни тикали громко, другие — тихо. Школьные часы, наручные, хроно-

метры — все они шли в такт с электронными импульсами времени.

После завтрака Гильом вернулся в свою палату. Болезнь еще давала себя знать. Под кожей сеткой проступали сосуды. Бледные, худые руки, нервные пальцы. Горящие глаза.

Он попытался читать книгу об импрессионизме. Расположился удобно в кресле. Но сосредоточиться не мог — смысл фраз ускользал от него. Он пролистал репродукции, они ему не понравились.

Окно палаты выходило на улицу. Она была слишком узкая, а окно чересчур высоко, чтобы он мог видеть тротуар. Гильом видел только пять верхних этажей противоположного дома. За тюлевыми занавесками склонилась девушка. Она что-то делала на подоконнике. Вдруг она встрепенулась, взглянула в окно. Гильом в смущении отошел от окна.

Будильник стоял на тумбочке, светящиеся цифры ползли по циферблату. Гильом поднял будильник.

Циферблат был овальный, с шестью окошечками. Часы показывали время до десятой доли секунды. Цифры в последнем окошечке двигались очень быстро — 7, 8, 9, 0, 1, 2 — вечная погоня за цифрой, стоящей впереди.

Гильом взвесил будильник в руке. Он был легкий, пожалуй, даже слишком легкий. Потом Гильом поднял со стола окаменевший листок. Сравнил их, взвесил. Нахмурил лоб.

Будильник был легкий и новый. Окаменевший листок — тяжелый и старый, ему несколько миллионов лет. Неужели время имеет какой-то специфический вес? Сколько будет весить будильник, когда человек грядущего осторожно сколет с него известняк, освободит от окаменевшей породы?

Гильом сел. Ощупал будильник. Нашел стык, соединявший створки.

Всунул в щель кончик ножа для разрезания бумаги. Надавил, повернул. Будильник раскрылся, словно скорлупа ореха. Тиканье прекратилось.

Между скорлупками лежал отшлифованный кристалл. Бесцветно-зеленый, зеленый, как толстое стекло.

Гильом с удивлением поднял кристалл. Что это, крохотный кусочек времени?

Он приставил кристалл к глазу, оглядел комнату. Маленький мальчик, играющий у окна цветными стеклышками.

Мир преобразился. Комната, в которой сидел Гильом, заполнилась неразберихой широких зигзагов, кругов и петель. Причудливые, змееподобные, они вдруг заструились из двери. Это был водопад видений. Люди — искаженные лица, машущие распростертые руки. Синие, плывущие по воздуху глаза.

Гильом опустил кристалл и взглянул на больничную койку.

Формы и линии съезжились, превратились в обычные предметы: стол, стул, картина. Он был один.

Сквозь кристалл он видел неразбериху трепещущих студенистых форм, словно отлитых из желатина.

Но комната была такая же, как всегда.

Сквозь зеленое стекло Гильом пристально рассматривал видения. Зажмурил левый глаз, облокотился, смотрел.

Книга, которую он читал, представляла собой четкий четырехугольник. Четырехугольной тенью она протянулась со стола к стулу, рассыпалась веером тонких страниц, испещренных нечитаемыми знаками и искаженными иллюстрациями.

Гильом посмотрел на окно. Там виднелся силуэт в халате — он сам. Силуэт бросал тень на стул, со стула она ползла по комнате и выбегала в дверь. Руки болтались по бокам, будто мглистые паруса. словно распутывая из мотка

шелковинку, Гильом в неразберихе линий попытался проследить за собственной тенью.

Линии тянулись к двери. Одни тени слабые, расплывчатые. Другие четкие. Фигуры были удлинёнными, они напоминали неправдоподобных пряничных человечков, вынутых из формы.

Все предметы Гильом видел во времени. Сами по себе предметы имели три измерения, но существовали в четырех — длина, ширина, высота, время. Письменный стол был внесен в комнату двумя людьми, их отражения были похожи на стереоскопический фильм, краски блеклые, туманные: ведь это произошло уже давно. А вот он сам ходит по комнате. Тени от него длинные, их много, они лежат петлями на кровати, на кресле. Входящие в дверь люди — друзья и знакомые. Гильом узнавал их стертые измененные лица. Называл по именам. Все, что случилось в этой комнате, оставило в ней отпечаток через копировальную бумагу времени.

Гильом был словно загипнотизирован. Болезнь еще не прошла. Может быть, это лихорадочный бред?

Он потер влажный лоб. Голова казалась пустой, ее заполняли лишь зачарованные миры, существующие по ту сторону кристалла.

За окном он увидел птицу, птица воздвигала арку над крышами домов, прочерчивая ее своим собственным телом.

Птица была образом времени. Все вещи пролетали сквозь время. Каждая секунда была отдельной фотографией потока, берущего начало от рождения и кончающегося могилой, словно отдельным пролетом моста, протянутого во времени. Время во времени, движение в движении. Все вместе это было длинной тенью, уходящей в прошлое, и настоящее продолжало эту тень в будущее. Само настоящее ухватить невозможно, оно было лишь самой последней частичкой прошлого, которая несла в себе будущее.

Птица исчезла. Ее полет был прочерчен в небе, точно след, тянувшийся за реактивным самолетом.

Наступил вечер. Гильом был все еще в халате. Халат был немного широк, и ему приходилось запахивать одну полу на другую. Правый карман был скрыт полой. В левом, приходившемся посредине живота, лежало стеклышко из будильника.

Возвращаясь после ужина, Гильом напевал. Он не стал зажигать лампу, висевшую на потолке. Ее свет, слишком холодный и яркий, сразу превращал комнату в больничную палату. Настольная лампа и лампа над креслом пылали сквозь абажуры. Углы скрывались в полумарке, и от этого комната казалась неопределенно большой.

Мороз за окном лишь подчеркивал уют комнаты. Пахло электрическим теплом и пылью. Гильом шелестел страницами книги. От этого тихого шороха тишина казалась неправдоподобной. В окнах были вставлены двойные звуконепроницаемые рамы.

Гильом подошел к зеркалу и встретился с отражением своего узкого лица. Редкие светлые волосы свисали на лоб. Он провел рукой по щекам, ощущал пробивавшуюся, но еще не заметную глазу щетину.

Вынул кусочек зеленого стекла. Наклонился к зеркалу и сквозь кристалл стал вглядываться в свой собственный глаз.

Глаз в зеркале увеличился, зрачок превратился в коридор, ведущий внутрь Гильома.

Удивленный Гильом сделал шаг вперед. Стена не преградила ему путь. Зеленый кристалл исчез.

В открывшемся коридоре было холодно, по-зимнему дул ветер. Коридор сменился лабиринтом галерей и переходов. Гильом вошел внутрь.

Стены были сложены из мерцающих глыб. Гильом пробирался меж ними. Было холодно. Он потрогал стены: как лед. Может, это ледяная гора?

Он дрожал от холода. Запахнул плотнее халат.

В одной из ледяных глыб мелькнуло лицо. Гильом остановился.

Что это: вмерзшая в льды полярная экспедиция?

Это было лицо девушки.

Ледяная принцесса?

Это было лицо девушки, с которой Гильом незадолго до болезни провел вечер... и ночь тоже.

Гильом остановился. Он вспомнил о кристалле, о странных видениях времени. И все понял.

Он шел по дороге своей памяти. Ледяные глыбы — это воспоминания, застывшие мгновения, хранящиеся в мозгу.

Гильом бежал, окруженный воспоминаниями. Он запыхался, остановился. Оперся рукой о стену и, чтобы охладить пылающий лоб, прижался к ее прохладной прозрачной поверхности. Закрыв глаза.

Когда он снова их открыл, перед ним предстала четкая картина. Неопределенные линии, обрамляющие картину, оказались его собственным телом, руками, ногами.

Картина представляла собой Академию художеств в те годы, когда Гильом там учился; она запечатлелась в его глазах.

Большая перемена. Аудитория находится на третьем этаже, окна выходят на улицу. Над тротуаром висит реклама старомодных часов. На циферблате большие цифры от 1 до 12 и маленькие от 13 до 24.

Окна аудитории приходятся как раз над часами. Крыша часов обравует как бы небольшую платформу. Студенты

любят вылезать на нее, во время перемены они там завтракают. Иногда кто-нибудь покупает пива, а случается, и вина. Сверкает солнце. Тепло. На улице полно людей. Время обеда — все спешат за покупками. Накидывают плащи прямо на рабочую форму, выходят на улицу без пиджаков. Толпятся на переходах и пешеходных дорожках.

Студенты сидят на часах, вознесенные над толпой. У них времени много. Они спорят, беседуют, подставляют лица солнцу.

Сверху люди кажутся чудными, их тела видны в перспективе. Иногда студенты скручивают из бумаги пульки и стреляют ими в особо важных прохожих. Студентов никто не замечает. Временами то один из них, то другой издает протяжный свист — это под ними проходит девушка с глубоким вырезом на платье.

Они сидят на часах и потягивают из бутылки, передавая ее по кругу. Вознесенные над толпой, они невидимы для большинства.

Улица звенит, гудит, шумит под аккомпанемент шагов. Пыль клубится на солнце. Голоса напоминают шум прибора.

Студенты пьют за распростертый под ними город.

На рекламных часах нет стрелок.

Гильом жмурится от солнца и шагает дальше. Ему любопытно. Он останавливается то тут, то там, глядит, вспоминает. Школьные дни в образцовом порядке лежат в прозрачных ящиках. Гильому кажется, будто он играет в прятки и водит, подсматривая за собственными тайными воспоминаниями.

Вот он останавливается перед первым посещением выставки Академии художеств.

Экскурсовод, стройная женщина — серая юбка, белая блузка, очки — показывает им картину Сальвадора Дали

«Стойкость памяти». Растворяющиеся часовые стрелки летят над пустыней. Яркие, горящие краски.

Они идут по выставке. Перед ними меняются стили. Средневековые сменяются кубизмом, старинные, покрытые лаком портреты — абстрактным искусством.

— Картина отличается от книги, — объясняет экскурсовод. — На картине действие происходит одновременно на одной и той же поверхности. Глаз воспринимает все в единое мгновение. Между тем книга воспринимается в длительный промежуток времени. Страница за страницей, слово за словом. Одна минута может быть описана одной строчкой или тысячью строк. Самая форма создает ощущение времени, тогда как картина производит иное, зрительное впечатление. Это одно действие, а не цепь действий.

Дама выглядела весьма решительно. Они ходили по выставке более двух часов. Ноги ныли. Гильом мечтал об отдыхе, ему хотелось сбежать.

Хотя Сальвадор Дали сам по себе был очень интересен.

Гильом продолжал путь по ледяным галереям. За стеной гремел джаз, исполняя один из вариантов пляски времени.

Гильому было страшно... и любопытно. Он находился в плену у собственной памяти. Ему было любопытно, как ребенку, переворачивающему камень. И страшно, как ребенку, обнаружившему под камнем толстого светлого червя.

Пляска времени звучала в такт сердцебиению Гильома. Где окончится это путешествие среди воспоминаний?

Освещенный костром, сидит старый человек. Янтарные тени пляшут по коридору.

Гильом остановился перед этим воспоминанием.

Он не узнал старика. Не в пример остальным старик

смотрел на стоящего в коридоре Гильома, а может, Гильому только казалось, что смотрит.

На старике фуфайка и вытертые до блеска брюки. Он глядит на огонь. В правом кулаке зажата трубка. Он раскуривает ее от щепки.

— Огонь — это жизнь, — говорит он, ни к кому не обращаясь, выпускает изо рта дым, посасывает трубку. — Огонь постоянно меняется. Он стремится вверх, растёт. И вот уже новые языки пламени принимают форму костра. — Старик выпускает дым через ноздри. — Так считали древние греки.

Он отворачивается от огня и смотрит на Гильома.

— И египтяне.

Опять замолкает. Потом:

— Ты знаешь, что у египтян было относительное время? Вечером и ночью часы были значительно короче, чем днем. Распределить в соответствии с этим деления на солнечных часах им было просто. А вот водяные часы доставили им немало трудностей.

Шипит сосновый корень, пахнет горячей смолой.

— Но они и с этим справились. После полуночи у них начинались короткие часы.

Молчание. Дымит трубка.

— Ни одна цивилизация, кроме нашей, не воспринимала время как ровный поток.

Гильом оставил философствующего старика. Он узнал его. То был его отец.

Искрились ледяные глыбы с воспоминаниями. Краски стали темнее, интенсивнее — рубин, смарагд, сапфир.

Что такое воспоминания — единица времени? Чем измеряется жизнь? Часами или тем, что человек пережил, его воспоминаниями?

Лоб Гильома покрылся испариной. Ему хотелось вы-

браться из этого лабиринта. Но он, спотыкаясь, продолжал идти вперед, к началу.

Теперь фигуры в ледяных глыбах были видны в другом ракурсе. словно сфотографированные с земли. Или увиденные глазами ребенка.

Гильом шел по своему детству. Он шел наугад. Яркие вспышки воспоминаний жгли и терзали его. Детские игрушки: плюшевый медведь под грузовиком, обезумевшая кошка в подъемном кране, электронный калейдоскоп.

Гильом остановился, словно попал в тупик. Впереди начиналась темнота.

Это был конец, своего рода конец. Гильом двинулся вперед. Последнее, что он увидел, — белые стены, белые халаты, блестящие инструменты, запечатленные сквозь красную боль. Родильный дом.

Потом все покрылось мраком.

За окном занимался день. Первые автомобили выдохнули выхлопные газы на ночной снег, по мостовой протянулись черные следы. В окнах магазинов замелькали продавцы. Из метро хлынул поток служащих. Большие часы отбивали время прихода и ухода красным, зеленым и желтым цветом. К утренним звукам примешался запах завтрака.

Город был словно большой часовой механизм, заведенный на новый день.

Одд Сулюмсун

АВТОМОБИЛЬ

Трудно сказать, кто первый заговорил об исчезновении семейства Сорли. Сначала одна из соседок за вечерним кофе вспомнила, что фру Сорли уже давно не появлялась в домовой прачечной. Потом кто-то заметил, что на коврике у их двери скопилась целая груда газет. В конце концов в квартиру Сорли поднялся швейцар. Это было его правом, да и обязанностью, если хотите. Ведь скоро начнут топить, а перед этим необходимо проверить краны.

Швейцар отнюдь не ожидал обнаружить в квартире труп. Он и не обнаружил ничего подобного. Комнаты были в полном порядке, даже без пятен на потолке (на что жаловались многие обитатели дома). Но квартира была пуста, и по всему было видно, что прошло уже немало дней с тех пор, как обитатели покинули ее. Автомобиль тоже исчез. То, что никто не видел отъезда Сорли, еще ничего не значило. В последнее время соседи мало интересовались этой семьей.

Швейцар открыл окно. Конечно, комнаты не мешало бы проветрить и подмести, но это, пожалуй, и все. Все вещи стояли на своих местах. Не видно никаких следов поспешных сборов.

А потом... Никто не верил в то, что случилось потом. Никто просто не мог поверить. Но как можно усомниться в том, что видишь собственными глазами? У дома, там, где год назад бухгалтер Георг Сорли выстроил гараж, появился автомобиль. Да, автомобиль Сорли, «юпитер-62» —

роскошная машина. Я знаю, что говорю. Но автомобиль был пуст! В том-то все и дело. Еще вчера его не было, а сегодня он вернулся домой, но вернулся один, без водителя. Никто не видел, как он подъехал. Наверно, это произошло ночью. Автомобиль был в полном порядке. Правда, он проделал немалый путь. На колесах виднелись комья засохшей грязи. На заднем сиденье лежала куртка одного из мальчишек. И больше ничего. Ни соринки, ни окурка в пепельницах. Багажник тоже был пуст. В кармане забытой куртки полиция нашла кусок пирога, который еще не успел зачерстветь. Вот и все. Что бы там ни натворил автомобиль, подозревать его не было оснований. Вид у него был весьма самодовольный.

Постепенно соседи стали как-то побаиваться его. Говоря об автомобиле, они невольно понижали голос. Обитателям дома, да и всем, кто жил поблизости, перестал нравиться этот район. Дело кончилось тем, что автомобиль заперли в гараж, и он простоял там месяца два. За это время полиции не удалось узнать ничего нового. Семейство Сорли исчезло бесследно. Слухи о растрате и бегстве за границу не подтвердились — бумаги фирмы, где служил Георг, оказались в идеальном порядке. Кое-кого это даже разочаровало. Пусть бы уж нашлась какая-то причина... Конечно, раскрытое преступление теряет свою остроту, но нераскрытое тревожит, как ноющая рана.

Я часто думаю о Георге Сорли, хотя никогда не был с ним знаком. Меня преследуют мысли о его судьбе, тем более, что ее, в сущности, не знает никто. Он мечтал об автомобиле, как другие мечтают о домике с садом, или о хижине в горах, или о чем-нибудь в этом роде. Вероятно, душа его тоже требовала какого-то пристанища, какого-то маяка в жизни. Он видел, как другие покупают автомобили, и однажды жена сказала ему:

— Даже Эриксен купил автомобиль, а ведь он получает вдвое меньше тебя, люди могут подумать, что это ты получаешь вдвое меньше.

Может, они свалились в кювет? Но на автомобиле не было ни царапины. Утонуть они тоже не могли. Никто еще не видел, чтобы автомобиль умел плавать. Возможно, некоторые автомобили понимают шутку, но автомобиль Сорли был не из таких. Верно, он почувствовал себя оскорбленным и решил отомстить. Конечно, он преувеличивал, но ведь мнительным натурам всегда что-нибудь мерещится.

Чтобы купить автомобиль, Георг Сорли взял довольно крупную ссуду в банке. Для постройки гаража понадобилась новая ссуда. Фру Сорли начала жестоко экономить. На завтрак — бутерброды с овечьим сыром, на обед — рыбные фрикадельки или сосиски. Самое большее, на что она могла решиться, — это свиной шницель по воскресеньям. Пиво исчезло со стола, даже с сигаретами пришлось расстаться. Карманные расходы детей тоже были урезаны. Это длилось так долго, что всем надоело слушать, как Сорли умеют экономить. Никто из соседей больше не хотел участвовать в воскресных прогулках, на которые их приглашал Георг. Эка невидаль, автомобиль! В наши дни это не редкость, что бы там ни говорили эти Сорли. И Георг больше никого не звал. Он не хотел, чтобы над ним смеялись.

Из документов следовало, что он является владельцем автомобиля марки «юпитер-62». Но так ли это было на самом деле? А Хильдур, а сыновья — вправду ли они верили, что автомобиль находится во владении семьи Сорли? Разумеется, он их об этом не спрашивал. Они решили бы, что он сошел с ума. Еще не хватало, чтобы он ходил и спрашивал, может ли автомобиль владеть чем-нибудь, может ли он, наконец, владеть собственным хозяином! Раньше при виде

автомобиля Георга охватывала радость, теперь он испытывал к нему все большую враждебность. Я убежден (конечно, это мое личное мнение, и я никому его не навязываю), что Сорли обвинял автомобиль, да, злился на него из-за своей собственной расточительности. А потом началась бессонница. Пришлось пойти к врачу, а тот, скорее всего, сказал ему:

— Плюньте вы на автомобиль, вам надо побольше гулять. В наше время люди слишком мало ходят пешком. Ну да, меня это тоже касается. Обленились мы все, обленились!

Я не сомневаюсь в том, что в конце концов он возненавидел автомобиль. Но он не мог только ненавидеть. Временами его должно было охватывать непреодолимое желание подчинить себе автомобиль, сокрушить его сопротивление, словом, показать ему, кто в доме хозяин, а кто слуга. Может быть, именно об этом думал он в тот последний раз? Кто знает? С каждым днем он все больше покорялся таинственной силе автомобиля. Но он боролся, он хотел снова стать самим собой! О своей прежней жизни он, очевидно, вспоминал с грустью и нежностью, как вспоминают об ушедшей юности, о чем-то трогательном, чистом и невинном. Впрочем, никто никогда не узнает, что он думал на самом деле. Но я почему-то уверен в своей правоте.

Я вновь и вновь возвращаюсь мыслями к семье Сорли, хотя вовсе не хочу, как другие, занять их квартиру. А на нее нашлись охотники. Почему бы и нет? Квартира в отличном состоянии, а Сорли больше не вернутся. В этом уже никто не сомневался. Полиция работала изо всех сил, но безуспешно. Никому еще не приходилось слышать об автомобиле, который бы так донял своих хозяев, чтобы они исчезли с лица земли! В любом, самом невероятном явле-

нии должна быть хоть капля правдоподобия, иначе оно превращается просто в нелепую мистификацию.

Но то, что автомобиль с каждым днем становился все наглее и самодовольнее — это подтверждали все соседи независимо друг от друга... и от меня. Когда открывались дверцы гаража и он, сотрясаясь всеми своими тяжелыми членами, выезжал на улицу, он напоминал вылезающего из берлоги медведя. Исходивший от него запах бензина, резины и металла вызывал удушье. Торжествующий и надменный, стоял он в свете дня, кося на Сорли выпуклыми стеклянными глазами, и его сильная мускулистая грудь тяжело и резко вздымалась.

Когда Хильдур и Георг садились в машину, соседям казалось, что они делают это как будто по принуждению. (Впрочем, возможно, я натолкнул их на эту мысль.) Разумеется, автомобиль покупают, чтобы пользоваться им. Это ясно. Ни один автомобиль не захочет стоять без дела. Но этот автомобиль... куда он только ни пробирался! Он незримо присутствовал за обедом, он жил в мыслях мужа и жены, он ухитрился проникнуть даже в спальню, в святая святых супружества. Полиция, конечно, об этом не догадывалась. Ведь сам автомобиль был нем как рыба. А полиция не может основывать свои действия на каких-то фантастических теориях. Ей нужны факты. Другое дело, что соседи могли бы рассказать, как Сорли, которые прежде аккуратно являлись на все субботники, вдруг начали посылать вместо себя мальчишек. Конечно, и мальчишки могут немного поработать, но все-таки дети есть дети. Неписанный устав дома был строг на этот счет. А вскоре Сорли и вовсе перестали ходить на субботники. Соседи начали роптать. Что они там вообразили о себе, эти Сорли? Думают, они лучше других, потому что у них есть «юпитер-62»? Большинство так и считало, что виной всему автомобиль. Другие думали, что здесь как-то сказывается возраст. Ведь

за последнее время Хильдур и Георг сильно изменились. Оба похудели, у обоих прибавилось морщин, да и вообще они словно как-то съежились. Правда, Хильдур всегда была бледной. Возможно, ей следовало одеваться иначе. Но ведь на жалованье бухгалтера не очень-то разойдешься. Кое-кто, глядя на ее измученное лицо, начинал думать о раке... И все сходились на том, что Георг сильно сдал за последние месяцы. Залысины в редких волосах стали длиннее, шея вытянулась, как у ошипанной птицы. Кто-то из жильцов пошутил:

— Того и гляди, в один прекрасный день они совсем испарятся.

И все смеялись. Да, тогда это была шутка.

Под конец стало просто жалко смотреть на Сорли, когда они выходили из автомобиля. Можно было подумать, что во время прогулки их подвергли какому-то тяжкому и унижительному испытанию. Как-никак трудно было поверить, что семья, которая столько лет жила спокойной обеспеченной жизнью, не может привыкнуть к обладанию «юпитером». Словно они боятся, что в один прекрасный день машина возьмет да улетит от них. Автомобиль, который с каждой новой поездкой все больше надувался от гордости и самомнения, казалось, излучал теперь ту самую жизнерадостность, которую начисто утратили Сорли.

У меня лично нет автомобиля, и, как вы могли догадаться, я не собираюсь им обзаводиться. Кто я такой — неважно. Соседи Георга и Хильдур тоже не знают этого. Я просто прохожий, просто любопытный... Но я возвращался к их дому снова и снова. Под конец я, видно, порядком надоел всем, больше того, они стали меня подозревать. Блюстители порядка тоже начали ко мне присматриваться. Меня не раз вызывали в полицейский участок. Но я ничего им не сказал. Только в одном чувствую себя виновным —

в том, что своим постоянным присутствием зря волновал и будоражил людей. Зря — потому что, как ни длинна рука закона, ей не дотянуться до сверхъестественного.

С тех пор прошло много лет. Многие из обитателей дома давно умерли. История семьи Сорли известна вокруг, хотя большинство новых жильцов считает ее просто остроумной выдумкой. Гараж долгое время пустовал. Никто не хотел им пользоваться, и наконец, по единодушному решению кооператива, его снесли. А автомобиль — автомобиль давным-давно стоит в музее криминалистики.

ЕВАНГЕЛИЕ ОТ МАТФЕЯ

Церковный служка сидел возле ящика для пожертвований и дремал.

День был жаркий, а проповедь длинная. Священник еще молодой, и ему доставляет удовольствие слушать самого себя. Но во время проповеди можно сидеть с полузакрытыми глазами, не рискуя навлечь чье-либо осуждение. Церковный служка был человеком опытным.

Тема сегодняшней проповеди была взята из Евангелия от Матфея — глава 18, стих 20: «И если где двое или трое соберутся во имя мое, я буду среди них».

Дверь скрипнула. Еле-еле... Служка наморщил лоб. Это, наверно, уже собираются те, кто пришел на крестины. Но он ошибся. На пороге стоял негр. Высокий худой негр.

— Эй, ты, — шепнул служка, — это же церковь для белых, не знаешь, что ли?

Негр не ответил. Только стоял и смотрел прямо перед собой. Глаза у него были большие и скорбные.

— Пошел вон! — зашептал служка. — Убирайся, черномазый болван!

Священник продолжал говорить. Только по легкому движению бровей можно было догадаться, что он заметил припелца. Но сидевшие на задних скамьях начали оборачиваться. Негр по-прежнему стоял не двигаясь. Лишь глаза его заскользили по лицам обернувшихся к дверям людей. Эти глаза словно искали что-то. И, встретившись с ними, люди отводили взгляд. Но вот негр посмотрел на священника, и в церкви наступила тишина.

Служка первый страхнул с себя наваждение. Одним прыжком он очутился рядом с нахалом. Теперь уж ему не надо было понижать голос.

— Вон отсюда! — заорал он. — Читать не умеешь, образина? Видишь — написано: для белых.

Он решительно схватил чужака за плечо и хотел вытолкать его. Но негр не тронулся с места.

Прихожане зароптали. Кое-кто из мужчин начал пробираться к выходу. Священник кашлянул.

— Я думаю, тебе лучше уйти, — сказал он, смущенно глядя себе под ноги. — Это церковь для белых. Цветные сюда не допускаются.

— Мало им своих церквей! — крикнул кто-то.

Служка опять попытался вытолкать негра. Двое мужчин с задней скамьи встали и подошли к ним.

— Выгоните его! — истерически закричала какая-то девушка. — Посмотрите, как он стоит и пялится на нас. Господи, да выгоните же скорее!

— Они с каждым днем наглеют, — процедила пожилая дама. — Теперь даже в церкви от них покоя нет.

Один из мужчин вплотную придвинулся к негру и сунул ему под нос кулак.

— Таких, как ты, нужно привязывать сзади к машине и тащить по грязи. Мотай отсюда, пока не получил по роже!

Негр по-прежнему стоял неподвижно, и второй мужчина ударил его. Все прихожане вскочили с мест. По лицу негра потекла кровь, но и тогда он не вымолвил ни слова.

— Ты оглох, что ли? — прорычал тот, кто ударил. — Отвечай, когда тебя спрашивает белый.

Священник осторожно постучал по кафедре.

— Мы не должны забывать, что находимся в доме божием, — пробормотал он. — Пожалуйста, поскорее выведите этого человека, чтобы мы могли продолжать.

Служка открыл дверь, и двое его добровольных помощников наполовину вытолкнули, наполовину вынесли негра на улицу. У церкви остановилось несколько любопытствующих прохожих. Вскоре собралась целая толпа.

— Я бы тебе задал хорошенько, только чтобы услышать, как ты заорешь, — сказал тот, кто раньше грозился ударить.

— В чем дело? — зашумели прохожие. — Что здесь произошло?

— Да этот проклятый ниггер хотел устроить скандал в церкви!

Негр молчал, но его глаза блестели от слез. Какая-то женщина подошла поближе и плюнула ему в лицо.

— Бродяга паршивый, — прошипела она, — всех бы вас перевешать!

Толпа подступала все ближе.

— Давайте возьмемся за него! — крикнул кто-то. — Вымажем дегтем и вываляем в перьях!

— А что, правда. Черт бы побрал этот вонючий сброд.

Но тут откуда ни возьмись явились два полисмена с дубинками и пистолетами. Они решительно протолкались сквозь толпу, ловко схватили негра и запихнули его в полицейскую машину. В тот же вечер он был обвинен в оскорблении святыни и единодушно приговорен к смертной казни.

Палач потом сказал жене:

— Станный все-таки тип. На суде не сказал ни слова. Стоял и смотрел, а глазища, как у собаки. И, по-моему, он не настоящий негр. Мулат, наверно. Но ты бы видела его руки! На обеих ладонях глубокие раны, как будто туда гвозди вбивали. Жалко даже, черт бы его побрал.

СОДЕРЖАНИЕ

5

Ю. Кузнецов. Знакомство продолжается

11

Пер Валё. СТАЛЬНОЙ ПРЫЖОК

Пер. со шведского И. Почиталина

182

Юн Бинг. ДЮРАНЬО

Пер. с норвежского И. Дмоховской

188

Юн Бинг. ВРЕМЯ ЗЕЛЕНое, КАК СТЕКЛО

Пер. с норвежского Л. Горлиной

198

Одд Сульмсмун. АВТОМОБИЛЬ

Пер. с норвежского И. Дмоховской

205

Тур Оге Брингсвэр. ЕВАНГЕЛИЕ ОТ МАТФЕЯ

Пер. с норвежского И. Дмоховской

СТАЛЬНОЙ ПРЫЖОК

Сборник скандинавской фантастики

Редактор *И. Я. Хидекель*

Художник *Ф. Инфантэ*. Художественный редактор *Ю. Л. Максимов*

Технический редактор *Е. Д. Кузнецова*. Корректор *Е. Г. Литвак*

Сдано в производство 12/VIII 1970 г. Подписано к печати 2/XII 1970 г.

Бумага № 3. 70×108¹/₃₂—3,25 б. л. 9,10 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 8,64.

Изд. № 12/5881. Заказ 1267. Цена 43 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МИР», Москва, 1-й Рижский пер., 2.

Ярославский полиграфкомбинат Главполиграфпрома Комитета по печати
при Совете Министров СССР, Ярославль, ул. Свободы, 97,

